Морис Симашко

Маздак

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1975

Морис Симашко

Маздак

Роман и повести

Р 2
С 37

М. Д. Симашко живет и работает в Алма-Ате. Его произведения широко известны, они печатались в журналах, выходили отдельными книгами, переведены на иностранные языки. Они отличаются хорошим знанием Востока, четкостью и своеобразием художественных образов, передают колорит и особенности далекой эпохи.

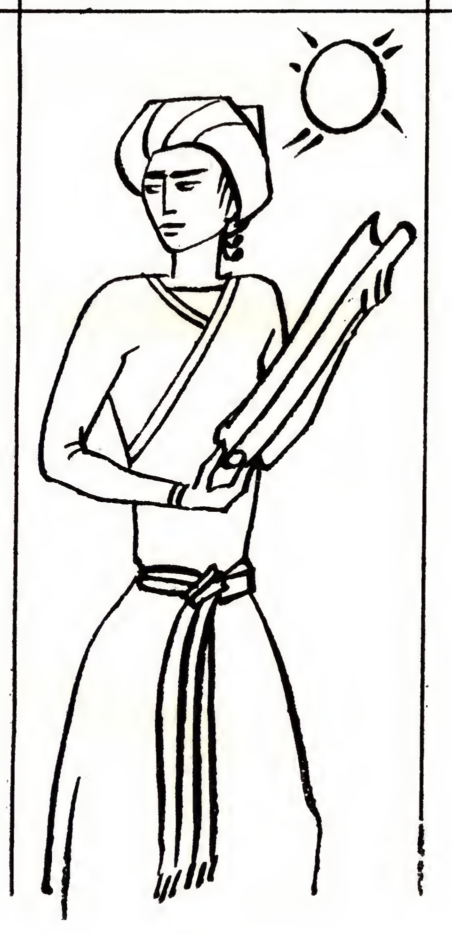
В романе «Маздак», действие которого происходит в эпоху правления династии Сасанидов, показана трагическая фигура жреца Маздака — «пророка» нового учения, возглавившего крупнейшее на Востоке в эпоху раннего средневековья восстание крестьян и городской бедноты. Восстание это способствовало расслоению классовых сил, оно знаменовало собой переход к развитому средневековью. Идеи маздакитов еще долго жили после смерти основателя учения. Они были знаменем многих народных движений Востока и Европы эпохи средневековья.

В книгу включены повести: «Емшан» — о могущественнейшем тиране султане-кипчаке Бейбарсе, правившем средневековым Египтом, «Хадж Хайяма» и «Искушение Фрагн», посвященные трагической жизни поэтов средневековья.

С $\frac{70302-244}{083(02)-75}$ 105—75

МАЗДАК

историческИЙ роман

ПРОЛОГ

I

Рык, низкий и страшный, наполняет землю. Тысяча солнц сразу вспыхивает, как от удара кованой персидской палицы. Сенатор Агафий Кратисфен прищуривает глаза, медленно поворачивает голову. Едущие с ним патриции сбиваются в кучу. Тяжеловесные византийские кони с мохнатыми ногами, оседая на зады, пятятся обратно в полутьму заборов. Так было задумано два века назад, когда строили этот дворец: длинный крытый проезд к нему, трубное содрогание и вполнеба отраженное солнце...

Они слезают с коней, отдают поводья в протянутые сзади руки и долго стоят в сухой тишине. Площадь выложена квадратами черного таврского камня...

Сияние, исходящее от парадной стены дворца, нестерпимо и мешает сосредоточиться. Сенатор по давней привычке закрывает глаза...

Зачем он здесь, в великом городе царя персов Ктесифоне, в год четыреста девяносто первый от рождения Спасителя. Радужные круги блекнут, из тьмы возникает типично исаврийское лицо с жесткими, неряшливо подкрашенными усами. Нагловатые, навыкате глаза, как мокрые каштаны в луже, большой исаврийский нос разбух и оттягивает веки. Лицо императора Зенона, пославшего его сюда...

Специально носит усы исавриец, чтобы досадить сенату. Когда семнадцать лет назад он волею судьбы сделал-

ся императором, то в тот же день оголил лицо, стремясь походить на всех мраморных римских августов сразу. Но варвар на престоле не лучше свиньи за обеденным столом. Прошло немного времени, и он снова отпустил волосы под носом на манер своих диких сородичей. Всех исаврийцев, кто умеет считать до трех, перетащил в Константинополь. Они болтают с ним по-своему и называют императора старым языческим именем, которое не выговорить в один присест. . .

Нечего удивляться, что поганому исаврийцу зеленый цвет ближе голубого[1]. Вот и сейчас из «голубых» в его посольстве лишь два патриция, да и то потому, что еще не до конца опаскудились персы и ценят голубую кровь. Разве не потому послали к ним его, Агафия Кратисфена, чья фамилия уходит корнями к Ромулу и Рему, а по эллинской линии — к одному из тридцати, в чреве коня проникших в Трою.

Нет, не для Зенона-исаврийца или его предшественника — императора Льва вот уже двадцать пять лет ездит сенатор по миру. Где не побывал он за это время: в обезлюдевшем Карфагене склонял приплывших из Европы рыжих вандалов к Новому Риму, уговаривал и ссорил друг с другом на Дунае туполобых готских конунгов, вел посольские диспуты с персами по всей восточной границе — в Нисибине, Эдессе, Армении, Лазике; трижды был у гуннов. . .

В старом Риме здоровый белобрысый германец снял штаны и испражнялся прямо посреди форума, валялись на улице расшибленные статуи без рук и голов, одичавшие собаки разгребали мраморную крошку и пожирали трупы. Поразила его вода в Тибре: из желтой она стала черной и пахла волчьим пометом.

И до конца дней своих не забыть ему Иллирии. На горном перевале варвар припряг в повозку к быкам двух матрон — мать и дочь, которых угонял в свои леса на Север. «Если ты римлянин — убей меня!» — быстро проговорила молодая женщина. Сквозь изодранную тунику светилось благородное тело, и злобный, отроду не мывшийся скот хлестал ее бичом именно по обнаженным

---

[1] «Голубые» — потомственная аристократия. «Зеленые» — представители торгово-ростовщической знати. Две наиболее влиятельные цирковые партии Рима, а затем Византии.

местам. Сенатор отвернулся к видневшемуся в стороне морю. Он знал их — патрицианок из самых родовитых семейств побережья. Но чем он мог помочь, если сам накануне убеждал конунга Теодориха повернуть свои орды от Константинополя на Запад империи, к старому Риму.

Вечный Рим!.. Им и пришлось сейчас расплатиться за спокойствие Нового Рима — Константинополя. Где будет третий Рим?..

Трудное время для империи, и поэтому он здесь, Агафий Кратисфен, новоримский сенатор. У персов дела еще хуже, и вот уже тридцать лет не угрожают они Константинополю. Белые гунны теснят их из Турана, желтые гунны — савиры что ни год прорываются через кавказские перевалы, в Иберии и Армении до сих пор неспокойно. А самое непонятное делается у них внутри, По рассказам перебежчиков и донесениям из пограничных провинций персы громят имения знатных родов, распределяют между собой их имущество. Такого не было у них от сотворения мира...

В горячей пустоте площади сенатору послышался вдруг тонкий спокойный голос. Пропали исаврийские усы. Умное розоватое лицо с мягким подбородком приплыло и стало на расстоянии вытянутой руки. Подлинный управитель империи — Урвикий!..

Как-то уж так получается в Новом Риме, что евнухи из домашних императорских покоев неслышно переходят в Государственный совет и берут в руки кормило. Может быть, в этом и заключается мудрость. Лишенные ослепляющей человека плотской страсти, они смотрят на мир с холодной рассудительностью и безошибочно различают реальности бытия и политики. Не свидетельствует ли это о зрелости империи?..

— Ты, сенатор Агафий, должен ощущать равновесие войны и мира, — стальные глаза евнуха не были замутнены каким-либо желанием. — Как привязанные друг к другу вот уже тысячу лет Рим и Персия. Враг для нас полезен не менее, чем друг. Если один из нас рухнет, не удержится и другой. Пропадет смысл существования империи...

То, что говорил от имени императора Урвикий в напутствие посольству, было известно сенатору. Когда отец нынешнего царя персов — дьяволом одержимый Пероз

попал со всей своей армией в плен к туранским гуннам, этот самый евнух Урвикий пошел на все. Даже выплаты исаврийской гвардии урезал, чтобы собрать золото для персов на выкуп царя Пероза...

Только не в прорву ли сыплется византийское золото? По договору с персами империя должна платить им ежегодно за охрану кавказских перевалов. Прорвавшись через хребет, гунны всегда могут повернуть вдоль Понта в империю. Случалось, чуть ли не до Константинополя докатывались они, оставляя после себя жесткий навоз и головешки. А персы ослаблены безмерно. Тот же Пероз семь лет назад снова предпринял войну в Туране и до сих пор никто не знает, где упокоились его кости. Четыре года потом правил персами Валарш — слабовольный брат Пероза. Он принялся заигрывать с голодной чернью, и знать ослепила его, лишив тем самым права престола. Теперь на персидском троне совсем юный царь — сын буйного Пероза. Известно, что он был заложником за отца у белых гуннов, в Туране...

Главная задача посольства — выяснить, насколько слабы персы. Способен ли новый царь царей выделить сейчас армию по цене? Кому придется меньше платить: персам — за охрану перевалов или гуннам — за то, чтобы не сворачивали в империю и грабили только персидскую Армению? И потом: не рухнет ли от всего этого государство персов, обнажив для гуннов Восток империи?..

Совсем уже некстати появилась вдруг пышнотелая императрица Ариадна, улыбнулась сенатору. Или нет, не ему, а здоровенному силенциарию Анастасию, который всегда рядом с Урвикием. Что же, исавриец пьет, как язычник, а императрица еще полна страстей. Умом и телом пошла она в свою мать — вдовствующую императрицу Верину. Если так, то не мешало бы поберечься императору Зенону...

Снова тоскливо, из-под земли, рычат трубы. Сенатор открывает глаза... Необычное сочетание покоряет волю: зеркальный дворец в черной оправе площади. Какая дьявольская душа придумала это?!

Закончилось первое «Время Уважения», и они идут: впереди сенатор, а сзади десять ромейских патрициев

с голубыми и зелеными партийными повязками у ножен мечей.

Сенатор, хоть и впервые в Ктесифоне, все знает об этом дворце. Парадная стена его облицована плитами зеркального серебра. Каждую ночь накануне последнего — пятого дня персидской недели их натирают белым евфратским песком. Блеск и грандиозность формы необходимы языческому царю для управления. Но вот когда константинопольские барышники начинают строить дома выше сирийских пальм и разукрашивают их, как господь бог глупую птицу павлина, людей со вкусом тошнит...

Все же правильно, что император включил в посольство торгашей из «зеленых». Речь здесь пойдет о деньгах, а не об умении красиво вытереть нос. У «зеленых» в столице персов больше знакомых. Базары в Константинополе расцвечены персидской парчой. А у эрандиперпата — начальника царской канцелярии, который встречал их вчера, сапоги точно такие же, как у сенатора. Даже кисточки на голенищах у перса — по последней византийской моде...

Дворцовая арка в кольце серебра наливается тяжелым красным огнем. Солнечная стена расходится в стороны, растворяя небо и землю. Пятью поясами врезаны в стену гигантские ниши, и каждая отражает собственное солнце... Сенатор чувствует свою хромоту. Он вспоминает лицо персидского лучника, метнувшего когда-то стрелу ему в правую ногу. Это было давно, еще при Перозе. Как бешеный пес метался огнепоклонник со своими «бессмертными» по всему Востоку, залетая и в пределы империи. Бог и послал тогда желтых гуннов на ум императору Зенону. А путь гуннам через Аланские ворота в персидскую Армению показывал с божьей помощью он, сенатор Агафий Кратисфен. Потому и разорвала стрела сухожилие на ноге, что вместо надежного ромейского сапога с железными пластинами был на ней гуннский кожаный чулок...

Нельзя хромать. Кривые, слепые, горбатые не оскверняют этого дворца. Блаженному царю Валаршу, брату Пероза, не из мести прокололи тут зрачки три года назад. Просто не нужен он стал на престоле, а формальных изъянов не имел. Царь персов должен быть чист телом, пропорционален членами и способен покрывать женщину. Телесное уродство, по их мнению, искажает мысли.

И люди, на которых смотрит он, не должны быть безобразны. Сенатор ступает теперь ровно, размеренно... Никто почему-то не рассказывал ему об этом дьявольском свете внутри дворца. Отсюда, с солнца, ничего не видно. Только холодная красная глубина без звука и мерцания. Мертвой радугой перевешивается арка с одного конца земли на другой...

Опять низкий беспощадный рык рвется из-под каменных плит. Нет сил больше слушать его, а он не кончается, долгий, звериный. И запах — сладкий, с дымом и кровью...

Тишина еще хуже. «Время Уважения» не имеет конца. Они стоят уже под аркой, в багровом тумане. Солнце осталось сзади, и глаза различают все дальше. Вот они, трубы, — на высоких подставках, мощные, уходящие под самый верх арки. У начала каждой трубы — мехи и безмолвные синие рабы возле них. Звук ударяет из широких жерл в потолок, сотрясает каменный пол и потом извергается в мир всем этим бездонным залом. Дворец царя персов днем и ночью открыт вселенной, только в глубине его тяжелая ковровая завеса. От нее этот адский свет, ровно отраженный по стенам и потолку листовым серебром...

Зал быстро светлеет. Крылатые курильницы отделяются от стен. В глазах бронзовых чудищ — рубины, из сжатых пастей струится розовый дымок. Неподвижны герканские лучники из гвардии «бессмертных». Два безмолвных ряда их уходят вдаль, до самой завесы. Через весь зал ползут отсюда на животе посланники малых царей. Но император Нового Рима признается сейчас богом и братом этого перса за красной завесой. Поэтому лишь белое полотно натягивают на губы патрициям, чтобы не смешивалось их дыхание с дыханием царя. Два писца — диперана делают знаки — слева и справа. Голые эфиопы нажимают ручки мехов, и трубы ревут. Сейчас хоть можно видеть, как опадают мехи...

Они ступают на широкую ковровую дорогу. Все стоят здесь на установленных местах: бронзовые тени с широкими мечами у пояса. Сначала управители провинций — сатрапы и шахрадары, военные правители — канаранги, потом паткоспаны — управители четырех сторон Эрана. Слева — паткоспан Севера, справа — Юга; затем Востока и Запада. Варвары нуждаются в симметрии.

Сенатор узнает длинного усатого эрандиперпата, с которым подробно обговаривал прием. Даже здесь, перед самой завесой, где одни только персидские стратиги и богородственники, они не смешиваются. Эрандиперпат стоит на одной линии с распределителем денег — эранамаркером, марзпан Армении — с хирским царем. Первыми от завесы стоят главный стратиг — эранспахбед Зармихр Каренид и главный вазирг Шапур из Михранов. Это они лишили зрения бесхарактерного Валарша, освободив трон этому царю. Бык и леопард на их родовых кулонах. Куда занесет персидскую колесницу такая упряжка..

Трубы ударяют в спину. Патриции валятся на пол, касаясь вытянутой правой рукой завесы. Так было оговорено по «Гахнамаку» — «Книге Порядка». «Голубой» патриций с краю косит глазом. В полушаге от него гривастая голова с приподнявшими влажную губу клыками. Теплое львиное дыхание шевелит волосы ромея. Он хочет отодвинуться, но невидимая рука прижимает его к ковру...

Сенатор теперь стоит прямо перед завесой. Только львы остались с ним на одной линии: два могучих зверя на бронзовых цепях. Он снова закрывает глаза... «Хри-сар-гир!.. Прочь хри-сар-гир!» Двадцать тысяч «зеленых» совсем недавно орали это в цирке императору Зенону, требуя отменить городской налог. Попробовали бы здесь!.. Партия — римское слово. По-гречески означает «сторона». Императору следует думать о равновесии...

Впрочем, император Зенон так и не отменил тогда налога. Он привез шестьдесят галер дешевой египетской пшеницы и ввел новый праздник с большими призовыми заездами...

Белые руки протягиваются сзади к лицу сенатора. Прохладное полотно закрывает ему рот и нос. Ревут трубы, приоткрывается завеса, и Агафий Кратисфен падает ладонями вперед, на ту сторону. Правую руку с вытянутым пальцем выдвигает он вверх — за милостью. И лишь когда выдыхаются трубы, поднимает глаза... Фарр — божественное сияние там, в высоте, над головой юноши. Он светится, играя золотыми бликами, покоряя и завораживая. Непосвященному не увидеть цепи, на которой висит над троном большая корона Сасанидов. Прозрач-

ные индийские камни отражают священный огонь. Закрытый красным покрывалом мобедан мобед, главный доверитель духа Аурамазды, поддерживает горение в высоком жертвеннике. Никого больше нет здесь. Тихо шелестит молитва жреца жрецов Эрана...

Красивое, бронзовое от огня лицо молодого царя неподвижно. Изгиб темных бровей повторяет твердую линию подбородка. Все на месте у персов: парящая в воздухе корона, ровное пламя, шепот мага. Что же разрушает симметрию?.. Глаза царя...

Гром труб. Отрывистые, как волчий кашель, слова вспарывают багровую тишину... ПОКЛОНЯЮЩИЙСЯ МАЗДЕ КАВАД, БОГ, ЦАРЬ ЦАРЕЙ АРИЙЦЕВ И НЕАРИЙЦЕВ, ИЗ РОДА БОГОВ, СЫН БОГА ПЕРОЗА, ЦАРЯ, ПРИНИМАЕТ ПРИВЕТСТВИЕ ЗЕНОНА, КЕСАРЯ РУМА!..

Губы царя сжаты. Невидимый голос падает с неба. Только сейчас видит сенатор крылья орла на золотой короне. Тусклые железные пластины перьев в пять рядов — древний царский знак Эрана еще со времен Ксеркса...

Опять перед ними завеса — красная, в тяжелых ромбах. Они отходят спиной. Неподвижны эранспахбед и главный вазирг, ровными парами стоят паткоспаны, канаранги, шахрадары. И вдруг звякает бронза. Лев на правой стороне трясет головой, что-то ищет в своей шерсти. Голый раб пинает пяткой в желтый жилистый зад, и лев прижимает уши, укладывается. Отвратительно гудят трубы...

II

«В четвертом году правления Кавада, царя Эрана; в восемьсот третьем году греков; в четыреста девяносто первом году от рождения Спасителя...» Нет, сенатор Агафий Кратисфен не станет подписывать этот договор от лица императора Зенона, вечного августа и автократора.

Он это понял, когда раб во дворце пнул пяткой льва. И у молодого царя были быстрые глаза. Что-то совсем неясно стало у персов...

Нисибин, город, который на границе, приехал формально требовать назад сенатор. На сто двадцать лет

уступил его когда-то Эрану император Иовиниан-миротворец. Время отдачи минуло семь лет назад. Сенатор и ездил тогда в Нисибин, чтобы сказать это. И когда послы Эрана снова спросили о деньгах, которые по договору платила персам империя за войну с гуннами, сенатор Агафий Кратисфен лишь передал от лица императора Зенона: «Достаточно тебе подати, бог и царь, что взимаешь с нашей Нисибии».

Так остался персидский царь Валарш без денег. Когда Зармихр с Шапуром-вазиргом прокололи ему зрачки, лучники-гирканцы смеялись и говорили, что от постной еды им все равно не натянуть луки. . .

Так что Нисибин всегда в запасе. Главное — гунны лезут через все кавказские перевалы. Сенатор отодвинул от себя свиток с договором, который три недели составляли два его патриция и ученые персидские чиновники — диперáны. . .

Остановились они в загородном дасткарте — личном имении эрандиперпата Картира Спендиата, и возвращаться тогда из дворца сенатор решил через плебейскую часть города. Два диперана из царской канцелярии и четырнадцать персидских латников-азатов в конном строю с пиками сопровождали их. Ктесифон был пустой. Высокие стены из белого камня скрывали за собой дома и сады. Узкие, обложенные кирпичом каналы с желтой водой пропадали в закованных железными решетками нишах. Раза два или три молча проехали мимо них другие азаты. Лишь однажды приоткрылись тяжелые, с бронзовыми зверями ворота в стене, настороженно выглянул старый перс в кольчуге и сразу же притворил ворота. Уже по выезде из дворцовых кварталов увидели мертвого. Человек валялся совсем голый, и внутренности его были выедены птицами. Раньше такого не было у персов. Мертвая плоть считается у них поганой, и нельзя класть ее на чистую землю.

Они проехали каменный мост через главный царский канал. Кони замотали головами и остановились. Люди лежали в светлой пыли, прямо на дороге. Сотник-азат привстал на стременах, и они стали расползаться. Глаза их смотрели на солнце бессмысленно, не мигая. Сразу за проехавшими лошадьми люди снова укладывались в теплую пыль.

Заборы здесь были из глины. За ними висели ветки шахтута с запыленными жирными ягодами. Сенатор подумал, что в Византии и не в голод бы ободрали их до черной коры, если бы торчали так над улицей. Персы не понимают воровства. . .

На третьем квартале опять забеспокоились лошади. Один из лежащих не ушел с дороги. Открытые глаза его были присыпаны пылью. Сотник рукояткой плети кольнул коня между ушей. Азаты проехали над мертвым не глядя. Служители из дакмы — «Башни Молчания», куда свозят мертвых, просто не успевали управляться. Пока ехали, добрый десяток мертвецов проволокли мимо них, ухватив специальными крючьями под подбородок, в промежность и за ребра. . .

Потом попались сразу двое, которые не вставали. И сенатор вдруг увидел громадных птиц с грязно-белыми шеями. Они сидели совсем низко: на заборах, башнях, высохших ветках. Тусклые клювы их были испачканы черной кровью. . .

Седьмой год великий голод в Эране. Бог наказал горделивого Пероза, которого занесло за бешеную реку Окс, в страну белых гуннов. Те помогли ему когда-то сесть на престол Эрана, они его и погубили. Сына своего Кавада, что царствует сейчас, пришлось оставить ему тогда в Туране заложником. По горсти серебра с каждого свободного перса собрал Пероз для его выкупа, да и Урвикий помог от лица императора Зенона. А потом снова пошел Пероз войной к Оксу, и никто не знает, куда делся после разгрома. Половину Хорасана с Мервом забрали себе туранцы. До сих пор по полгорсти серебра с головы собирают диπераны для уплаты им контрибуции. . .

Частый звон слышался впереди. Это выехали они к большой царской дороге. Медленно шел по ней караван: четыре боевых слона и сотни полторы мулов с поклажей. Хирские арабы с крестами на шее и обручами на головах горячили коней по бокам. На востоке империи их тоже нанимают для стражи. . .

Посредине каравана ехал худой бородатый сириец в пропыленном коричневом плаще, под которым виднелись латы. Вдруг Леонид Апион, «зеленый» патриций из посольства, махнул ему рукой, и сириец соскочил с коня. Они слегка стукнулись ладонями и заговорили по-арамей-

ски. Еретический несторианский крест[1] из дерева висел на шее сирийца. Не к лицу было ромейскому патрицию так ронять себя. А впрочем, для того и взял сенатор этого Леонида Апиона, что тот имеет торговые дела в Ктесифоне...

С караваном доехали до площади. От мулов пахло мускусом и еще чем-то приторным, как от новоримских патрицианок. Слоны и мулы свернули в переулок, а они остались на торжище. Не было здесь звонких персидских дынь, мешков с орехами и корзин с виноградом, которые привык видеть сенатор в пограничных городах. Пусто было в шелковых рядах, чернели холодные кузни. А люди продавали что-то, сговаривались, шептались. Как и на границе, много было иудеев и сирийцев. Воркующее арамейское пение вплеталось в четкий язык пехлеви, слышалась и черная византийская божба.

На гуннском базаре кучами лежали нечистоты: скотские и человеческие. Лошадей продавали туранской породы — поджарых, с сильной грудью, а рабов всяких: худощавых аланов, широкоскулых жужаней, рыжих мясистых готов, еще каких-то приземистых и долговолосых в волчьих шкурах. Сразу за деревянными загонами без всякого порядка продавались рабы-персы, в основном дети. Но их не покупали, а лошадей торговали только сбивших ноги, на мясо...

И вдруг базар заколебался. Вздох прошел по толпе. Лежавшие начали подниматься, отряхиваться от пыли. Дехканы торопили приведенных на продажу рабов. Сенатор перехватил взгляд сотника. Непривычное волнение было в нем...

Они поехали за всеми. С разных улиц люди двигались в одном направлении. Пробиваться становилось все труднее, но азаты теперь не шпорили лошадей. Когда ехать дальше уже было нельзя, они тоже остановились...

Черным кубом стоял посреди толпы громадный языческий храм без дверей и окон. Все смотрели в его сторону. Потом люди качнулись и стали молча отступать, освобождая посыпанную мелким белым камнем землю у ступеней...

---

[1] Несториане — последователи смещенного византийского патриарха Нестория, положившего в V веке нашей эры начало расколу и отделению восточной христианской церкви.

— О Маздак... о-о!..

Такой мучительный стонущий звук одновременно вырвался у тысяч и тысяч людей, что заныло сердце. Все было в нем: жалоба, беспредельная горесть, надежда. Даже кони перестали мотать головами...

Человек в красном вышел откуда-то сбоку. Лишь потом сенатор понял, что это мобед — жрец огня. Сначала он увидел только глаза человека. Словно вспыхнуло что-то — большие, серые, с умным спокойным вниманием оглядели они толпу, задержались на нем, Агафии Кратисфене, на патрициях. А может быть, не было этого. Наверное, каждому на площади казалось, что глаза мага остановились на нем.

Неожиданно впереди, под самой мордой своего коня, увидел сенатор лежавшего лицом кверху перса. Солнце тускло отражалось в его глазах. А маг уже шел к нему быстрым легким шагом. Подойдя, присел, положил ладонь на глаза мертвому. Не было самоосквернения хуже этого по законам Мазды. Площадь молчала.

Подержав руку на лице мертвеца, маг встал и возвратился к храму. Он поднялся по ступеням, стремительно повернулся. Снова вспыхнули глаза, и он быстро заговорил о темных силах зла, которые довели до жестокой смерти этого человека. Они оживают, мрачные чудовища, во лжи, ненависти и разрушении. Но самые отвратительные из них — жадность и своекорыстие. Как в сите, которым отделяет мельник светлые зерна хлеба от горьких черных плевел, смешались сейчас в мире тьма со светом, зло с добром...

Это было что-то вроде манихейства — старой бестолковой ереси, с которой когда-то покончили в империи. Да и в Эране огнепоклонники изгнали ее из государств, а самого ересиарха не то сожгли, не то четвертовали. Но нет, те скорей блаженные: до сих пор манихеи в таврских лесах живут без женщин и не едят мяса. Есть даже такие, что не срезают себе сами растений в пищу...

Маг резко выбросил вперед руку, указывая на мертвого. Кто съел хлеб этого человека? Кто забрал у него природой определенную женщину?

Уж не зардуштакан ли это? Омерзительное учение, которое отдает женщин во всеобщее пользование. Старый Рим заразился им отсюда, с Востока. Писано у отцов церкви, как совокуплялись на улицах подобно вави-

лонским блудницам, спали все под одним одеялом. Рухнул Рим, как Вавилон!..

В быстрой речи мага был легкий дефект, присущий северным персам. Он скрадывал звонкое рыканье языка пехлеви. Но голос его был звучный, сильный, освобождающий от сомнений. Ровными кольцами укладывалась цепь страстной варварской логики... Разве принадлежат кому-нибудь огонь, вода, земля, из которых составлен мир? Справедливо ли, чтобы один имел больше другого? Зло случайно. Оно исчезнет, когда все на земле будет распределено поровну!..

Яркие серые глаза притягивали. С трудом отвел сенатор взгляд. Люди стояли безмолвно подавшись вперед, лица их осмыслились. В белой толпе желтели армянские одежды, провалами выделялись черные иудейские плащи. Рядом терлось о стремя потное коричневое плечо с набухшим тавром. Раб тоже слушал, приоткрыв рот с коричневыми зубами!..

Сенатор дернул повод. Толпа выпустила их, не заметив. Азаты снова ехали с ничего не выражающими лицами.

— О-о-о Маздак!..

Звук теперь доносился откуда-то с неба, и казалось, что стонут пустые улицы, деревья, вода в каналах. Да, упование, неистовая надежда были в нем...

По дороге к дасткарту сенатор свернул в сторону видневшегося селения. Кривая улица поросла верблюжьей колючкой. Заборы местами рухнули, и в проломах виднелись пустые дворы. На жердях верхних этажей сидели совы. Персы и в голод не едят ночных птиц...

III

На следующий день Леонид Апион поехал в Ктесифон по своим делам. Сенатор вдруг решил ехать с ним. Патриций с некоторым удивлением посмотрел на него, но ничего не сказал. Они тронулись на восходе, когда сморенные поздним ужином другие посольские ромеи спали.

Два стражника с нашитым на левую часть груди золотым слоном — родовым знаком дома Спендиатов — раскрутили ворот. Окованные железом двери раздвинулись, и сенатор с Леонидом Апионом выехали наружу.

Серые фаланги олив стояли по обе стороны мощенной гранитом дороги. Их насадил здесь когда-то дед эрандиперпата — знаменитый Михр-Нарсе Спендиат, великий вазирг Бахрама Пятого и Ездигерда Второго. Деревья были ухожены, вымазаны зеленой глиной — от червей, земля поблескивала от ила. Сразу за вторыми воротами вразброс стояли глиняные дома с садами и огородами. На плоских крышах подсушивались прошлогодние абрикосы, во дворах копались куры. Рабы Спендиатов отрабатывали свое у закрепленных за каждым олив и жили лучше свободных персов. Сенатор вспомнил свое македонское имение и вздохнул. Вор на воре рабы его, и палка для них как похвала. Не государственное содержание, быть бы ему нищим...

В город поехали другой дорогой — вдоль реки. Вода в Тигре была мутная, нечистая. С того берега, из старой Селевкии, медленно плыл паром, укрепленный по краям надутыми козьими шкурами. По дорогам, тропинкам, через поросшие колючкой поля двигались люди. Некоторые гнали перед собой ослов с поклажей, но таких было немного. Охрана в узких каменных воротах задерживала только цыган. Они яростно ругались, а маленькие белые собачки у них на руках выворачивались наизнанку от усердия. Голый мальчишка швырял сухие комья земли в стражников. Когда один, рассвирепев, пустил в него дротиком, тот увернулся и показал задницу.

Долго ехали пригородом, где пришлось держать платок у носа. Через заборы виднелись бассейны с ядовитой водой, в которых вымачивались скотские шкуры. Это был квартал скорняков. Дома здесь стояли одинаковые — глинобитные, на каменном фундаменте, с маленькими, мазанными глиной дворами. Медные шестиугольные звезды или кресты над калитками отличали дом иудея от дома христианина.

Проехали кузнечный и оружейный кварталы, где больше жили огнепоклонники, свернули через переулок на большую площадь. На той стороне у ворот ходил раб с лопаткой, подбирал навоз. Другой разбрызгивал воду из ручной лохани.

Впереди Леонид Апион, а за ним сенатор въехали на широкий двор. Там уже было подметено и полито. По правую руку вдоль длинного склада с открытыми дверями рабы расстилали широкие полотнища, высыпали на

них белые коконы, укладывали мотки пряжи. Шелк молочно искрился на солнце. Слева за глиняной загородкой мерно жевали слоны из вчерашнего каравана. За складом виднелся проезд на другой, еще больший двор, оттуда на третий. Где-то в дальних конюшнях всхрапывали, били копытами о доски мулы...

В главном складе, куда зашли они, было прохладно. Земляной пол пахнул зелеными вениками. На тахте за низким сирийским столиком сидели несколько человек, среди них хозяин вчерашнего каравана. Леонид Апион поздоровался со всеми и сразу заговорил о деле. Как понял сенатор, речь шла о крупной партии китайского шелка, который сушился сейчас во дворе. Часть его предназначалась для отправки в Константинополь, но Леонид Апион сразу стал настаивать, чтобы в империю отправили весь шелк. Сейчас перемирие с европейскими варварами, и многочисленные конунги их платят наворованным в Риме золотом не считаясь. Компания выиграет дополнительно по четыреста, а то и по четыреста двадцать драхм на мешке сырца.

С самого начала внимание сенатора привлек большой иудей с властным лицом, которого называли мар Зутра. Все склонились к тому, что сырец следует сразу отправить в Византию. Ромейские мастера лучше знают вкусы своих патрицианок. А отходы они так раскрашивают, что готские королевы визжат от радости. К тому же персидские шахрадары платят столько, сколько сами пожелают...

Мар Зутра внимательно выслушал всех. Нет, сказал он, мы не можем все переправить ромеям. Царь царей охраняет нашу торговлю и мастерские, которые дают ему доход. Но разве один он над нами? Если мы перестанем отделять из своих товаров знатным людям государства Эраншахр, то усилится их ропот против нас. И гонения снова пойдут на христиан и иудеев, как при великом Шапуре или еще недавно — при Бахраме Пятом и вазирге его Михр-Нарсе. Сможет ли сейчас молодой царь защитить нас? Жены и дети наши здесь, прах наших отцов в этой земле. И разве не лишим мы еды своих единоверцев, которые ткут парчу в Ктесифоне и Бет-Лапате?.. Вот если бы уважаемый сотоварищ Леонид Апион из Рума организовал в императорской Антиохии или Килики выкормку этих шелкородящих червей, компания на одних

пограничных сборах выиграла бы вчетверо. Другой наш уважаемый сотоварищ Авель бар-Хенанишо привез вчера из своего долгого пути саженцы тутовника с гигантскими листьями, который растет на островах за Китаем, в Стране Восходящего Солнца. Тепло и влага на тех островах чередуются так же, как в Сирии...

Сенатор сам не заметил, как пересел к столику и начал ощупывать плотные коконы, похожие на птичьи яйца. Лишь пальцами можно было ощутить невидимые волоски, которые тянулись из них. Когда-то из-за этих червей великий вазирг Михр-Нарсе закрыл границу для христианских богомольцев. Будто бы они в посохах пронесли коконы для расплода в империи, и казна царя царей лишилась трети серебра за провоз шелка из Китая.

Нет, не в том дело. Граница Эрана с империей тянется от одного конца света до другого, так что посохи для тайного проноса были ни к чему. Просто надо было персу отвадить своих христиан от Византии...

— А сколько времени нужно, чтобы выросли саженцы? — спросил неожиданно для себя сенатор.

Мар Зутра так, словно ждал этого вопроса, объяснил, что на третий год уже можно использовать крайние листья. От нормальных подстриганий тутовник лучше растет. А белые коконы идут в один вес с червонным эфиопским золотом.

— Торговля — не просто барыш, — добавил он вдруг по-гречески с чуть слышной арамейской певучестью. — Напрасно стараетесь забыть вы своего Одиссея...

При этом иудей покосился на партийную повязку сенатора. Уезжая, Агафий Кратисфен протянул ему руку. Сегодня он все делал помимо своей воли...

Обратно поехали через базар, и сопровождал их Авель бар-Хенанишо, сириец из каравана. Возле несторианской церкви сенатор спросил, почему она без приличествующих украшений.

— Для нас Христос был страдающим человеком, а не богом, — тихо и убежденно ответил Авель бар-Хенанишо. — Наша церковь гонимая. По заветам Учителя противостоит она скверне мира. А есть ли скверна хуже власти? Кнут в руки взяли вы в Риме и Константинополе,

забыв, что подлинная сила — в сострадании. Логика кнута самым коротким путем приведет вас к дьяволу.

— Но интересы пропаганды учения среди язычников требуют золотить купола божьих храмов, — заметил сенатор.

— В пещерах одержало победу слово божье, — возразил сириец. — Идолы нуждаются в позолоте, не бог.

Авель бар-Хенанишо свернул в ковровые ряды базара по своим делам. Сенатор почему-то поехал к языческому храму. Но пророка с удивительными речами там не было. Люди на площади лежали тихо. Куб храма был слеп и холоден...

Уже подъезжая к наружным воротам дасткарта Спендиатов, они увидели толпу. Рабы волокли кого-то, пиная ногами и встряхивая. Это был голый цыганенок, что дразнил стражников возле Ктесифона. Он так, видно, и не попал в город. Седая растрепанная женщина с плачем тащила за крыло придушенную курицу, которую хотел он украсть. Дети забегали с боков и бросали в цыганенка камни.

На вытоптанной площадке перед домом старшины поселка стоял раб с топором. Принесли горшок с земляным маслом, которое останавливает кровь. Цыганенка прижали коленом к земле, а правую руку растянули на пне карагача. Раб примерился взглядом, приподнял топор. Гибкая плеть перехлестнула вдруг ему руку, рванула кверху. Топор врезался в песок...

Всадник с полузакрытым лицом сделал знак отпустить вора. Он выехал, видимо, из ворот дасткарта. Сзади на дороге ждал его другой всадник, тоже без отметок на одежде.

Надсмотрщик с плоским неприятным лицом, который держал коленом цыганенка, стал кричать, что они по закону наказывают вора. Всякий порядок нарушится, если спускать с рук. Они — люди Спендиатов и сердце вырвут тому, кто станет мешаться в их дела. Трое здоровенных рабов подступили сзади. Всадник молча поднял коня на дыбы и протянул плетью через все лицо кричавшего. Тот сразу успокоился и стал отступать спиной к калитке. Цыганенка и след простыл...

Поворачивая коня к дороге, всадник бросил быстрый взгляд на ромеев. Башлык сдвинулся в сторону, и сена-

тор увидел красивое твердое лицо со светлым пушком вокруг рта. Агафий Кратисфен вздрогнул, потер себе глаза, но всадник уже поскакал...

Перед самыми воротами их шепотом окликнули. Сенатор обернулся и под стеной в колючих кустах разглядел цыганенка. Тот весело скалился, стирая листьями мяты кровь с лица и трогая надорванное ухо.

— Богатый дядя, дай что-нибудь... Дай, а то они мою курицу отняли!..

Леонид Апион бросил несколько монет. Цыганенок поймал их все сразу и тут же исчез...

Рабы окапывали оливы, пропускали к ним воду. Мутными пенящимися ручейками текла она под могучие старые деревья. Сенатор медленно ехал по узкой дороге и никак не мог вспомнить, где видел он быстрые глаза всадника...

IV

К концу недели посольства их позвал к себе эранспахбед Зармихр, главный стратиг персов. Пир проходил в большом белом дворце Каренов, первом от дворца царя царей. На воротах, дверях, в простенках угрожали широкие бычьи головы с бронзовыми завитушками между рогов. У главного входа темнел недоделанный рельеф: Зармихр Карен на тяжелом коне принимает венок покорности от царя Иберии Вахтанга. Такое в Эране до сих пор высекалось лишь прямыми потомками Сасана, основателя династии...

Все западное изгоняли у себя в последний век персы и от парфян оставили только греческие и римские ложа. Очень уж много варварской бронзы сияло на стенах и потолке, даже толстые каменные колонны были выкрашены ею сверху донизу. Для почетных гостей стоял, уже на гуннский манер, высокий помост с отдельной тахтой. Туда, к большому Зармихру, и сел сенатор.

В первый раз он ел белую болотную пшеницу из Индии. Продолговатые жемчужные зерна разбухли и пропитались жиром. В сочетании с сочным мясом и сладкими кореньями они таяли во рту и не отягощали желудка. Как всегда, у персов горами были насыпаны белый и цветной виноград, колотый миндаль, фрукты. Пили вы-

паренное армянское вино, настоянное на таврском дубе. Рабы бесшумно разносили узкогорлые благородные кувшины с восковой печатью города Двин. На этом вине разорялись когда-то римские кутилы. Персы выпивали его целыми кубками. Обычное вино они тоже пили из золоченых рогов по-варварски, не разбавляя в необходимой пропорции водой. Оттого и произошел скандал...

Когда персидский певец — гусан начал первую по закону песню в возвеличение царя царей, то Фаршедвард Карен, младший брат Зармихра, прыгнул с ложа и вырвал у него из рук чанг для аккомпанирования.

— Имени жугута пусть не слышат благородные стены! — закричал Фаршедвард и по-арийски мерзко выругался.

Сенатор все понял. Жугутами здесь в поношение звали иудеев. Сыном Ездигерда Первого от иудейки был Бахрам Пятый — знаменитый прадед нынешнего царя царей. Бахрам Гур, дикий осел, как прозвали его за буйство в бою и в постели. И Гург называли его, что значит волк... Тянет персидских царей на иудеек. Еще предок их Ксеркс Ахеменид влил иудейскую кровь в царские жилы. Эсфирь, как явствует из писания, была ему дороже первого министра. Персы освободили народ божий из вавилонского плена, и особый день в честь персидского царя празднуют иудеи...

Стратиг Зармихр сидел прямо, неподвижно. Лицо усмирителя Кавказа было мясистое, широколобое, с солдатскими морщинами у рта. И вправду в нем проглядывало бычье. Эрандиперпат тоже молчал, глядя куда-то вверх. Кроме быка на родовых кулонах сидящих скалились в большинстве тигр и черная пантера. Не видно было ни одного леопарда Михранов. Из знатных людей Эрана не было знаков гирканских Испахпатов, Суренов, Зиков. Молодой Карен продолжал выкрикивать что-то плохое, теперь уже о главном вазирге Шапуре. Непрочно все было в государстве персов...

V

«В четвертом году правления Кавада...» Да, не станет сенатор подписывать этот договор, который сейчас перед ним на сирийском столике в родовом дворце Спендиатов. Леонид Апион с самого начала сказал, что деньги

персам за охрану перевалов пропадут впустую. Другое дело, не бросятся ли туранцы на империю, если рухнет Эран? Действительно, как привязанные друг к другу две вселенские державы!..

Маг на площади перед храмом огня утвердил сенатора в решении не надеяться на персов в кавказских проходах. Когда такое говорят открыто, да еще священнослужители — значит, государство непрочно. Еще два раза слушал сенатор красноречивого пророка и не мог уйти...

Эрандиперпат Картир, внук Михр-Нарсе, с первой встречи понял, что не подпишут ромеи договора в Ктесифоне. Его умное безразличное лицо со староперсидскими усами ни разу не изменилось, пока сенатор день за днем копался в бесчисленных пунктах старых соглашений о Нисибине, городе на границе. Персам придется ехать в Константинополь, к самому императору Зенону.

Весь Ктесифон объездил сенатор за эти дни, побывал на том берегу, в Селевкии. Голодные все прибывали. Они шли уже из Мидии и Хузистана. В прошлый год бешеный Пероз открывал для дехкан амбары знатных людей. Делал это на свою беду и Валарш. В дасткартах вокруг Ктесифона есть старый хлеб. На заднем подворье Спендиатов видел сенатор широкие каменные хранилища, полные зерна и кувшинов с маслом. Сможет ли приоткрыть их молодой царь для свободных дехкан, которые бросают свои деревни — дехи и вместе с рабами бегут в города. Из них ведь его азаты — всадники и пешие латники. Что без них царь царей против быков и тигров, скалящихся на трон Сасанидов. Поберечь бы ему свои красивые глаза...

То, что говорил голодным людям маг на площади, было неслыханно. Не пробиться уже стало к храму в день жрецов персидской недели... Отнять у богатых и разделить поровну. Вечный языческий идеализм. Все то же персидское величие духа при забвении грешной материи. Мертвых они утаскивают поскорее с глаз и сваливают в смрадные каменные ямы. Так здесь избавляются от всяких реальностей. Восток не понимает равновесия...

Темнеть стало в комнате с золотыми слонами под потолком. Агафий Кратисфен подошел к узкой оконной нише, сдвинул плетенные из камыша ставни и невольно потянулся рукой к глазам. Прямо перед ним в родовом саду Спендиатов стоял тот самый маг из храма огня!..

Да, это был пророк, которого все называли Маздаком. В своей обычной красной тоге, он говорил что-то, как и на площади выбрасывая вперед правую руку. Эрандиперпат слушал, сидя на тахте у водоема, и лицо его было безразлично...

Только потом обратил сенатор внимание на третьего. В саду стоял юноша, который защитил цыганенка. Темный огонь вспыхивал в его глазах при каждом взмахе руки мага Маздака. Снова почудилось сенатору, что он видел уже где-то этот твердый арийский подбородок, резкий изгиб бровей. Бронзой уходящего солнца осветилось лицо юноши. Фарр засиял над его головой... Сенатор Агафий Кратисфен узнал. Это было лицо царя персов!

Как можно скорей захотелось сенатору покинуть Ктесифон. Уже через день тронулись они в обратный путь. В сопровождении двух сотен азатов ехало с ними посольство персов. Сам эрандиперпат Картир Спендиат возглавил его для пути в Константинополь. Впереди шел большой белый слон — личный подарок царя царей и бога Кавада вечному августу — императору и автократору — самодержцу Зенону.

Когда проезжали базар, увидели пеших латников, теснивших толпу от храма огня. Знак быка был на их щитах. С гиканьем и свистом носились по площади конные гирканцы с волчьими хвостами на башлыках...

Часть I

МАЗДАК

С того пути, которым шли пророки,
Цари, вожди, мобедов круг высокий,
Свернул, Маздаку вняв, отважный шах:
Узнал он правды блеск в его речах!

Фирдоуси, «Шах-Наме»

I

В странном сладком испуге дрогнуло что-то под ребрами... Девочка приподнялась на носки, и нежная тень отчетливо обозначилась у нее под рукой. Да, гречанки не бреют там волосы, он же знает. Но не думал, что у нее тоже...

До колен видны обе ее ноги, когда она тянется так. Изгиб под хитоном и непонятная, заставляющая краснеть округлость там, где грудь. Какие все же хитоны у ромейских девочек!..

Вот уже целый год бегает он сюда, в кусты сирени у старой крепости. К самой стене примыкает двор ритора Парцалиса. Он знает ее голос, быстрые маленькие шаги, поворот головы. И глаза, полные густого солнца...

Смеется она и прямо с ветки ест черешню. Возле левой брови у нее пятнышко, которое не видно отсюда. К нему только прикасается он губами, когда представляет себя рядом с ней. А потом уже целует тоненькую шею, руку с зажатой в ней черешней, стройные ноги до самой земли, на которой стоит она. Стараясь не задеть

мешающих выпуклостей под хитоном, поднимает ее на руки...

Он замечает вдруг, что приподнялся над кустами, и быстро прячется. Теперь она с рабыней Пулой моет большой хорасанский ковер. Отец ее, благородный ритор, скупает и отправляет ромеям персидские ковры. Все педагоги и наставники академии занимаются чем-нибудь еще. Но так, чтобы не узнал ректор, а главное — епископ мар Бар-Саума. И студенты, которые не имеют хозяйства поблизости, тоже торгуют, помогают считать язычникам или учат слову божию недорослей. Им позволяется в каникулы...

Это Тыква, с которым делит он жилище, рассказывал про волосы у гречанок. И про все другое, если не врал. Смеется над ним Тыква, потому что меньше всех он здесь. Женатые тоже учатся у них. А Тыкву он видел с Пулой, как ушли они в крепость и вдруг пропали в траве. И с наставником Пинехасом ходит туда рабыня ритора. Что же они там...

А тут, во дворе, эта самая рабыня Пула о чем-то разговаривает с ней, касается ее руки и белого хитона, когда свертывает ковер. Они уже закончили мытье. Пула налила для нее чистую воду в корыто. Девочка стала туда одной ногой, старательно отмывает ее от пыли. Совсем белое колено там, куда не попадает солнце. Еще выше моет она ногу, и он зажмуривает глаза...

Что-то рассыпается в кустах. Он вздрагивает и отлепляет от щеки черешневую косточку. Пула смеется. Лицо его становится влажным. Но нет, рабыня ничего не говорит ей. И сама уже не смотрит в его сторону. Обе они затаскивают ковер за дом, где солнце...

Осторожно выбирается он из колючих кустов, лезет через камни. Неужели увидела его рабыня ритора?.. У Пулы крепкие ноги, вздернутый нос и распущенные волосы цвета конского каштана. И пахнет от нее чем-то таким. Наверное, травой из крепости. На нее всегда оглядываются студенты и толкают друг друга, а она идет через площадь и не смотрит. Когда рабыня идет так, плечи у нее двигаются. Может быть, неправда все, что рассказывал про нее Тыква!..

Через заросший бурьяном ров перебегает он, и вот уже стена академии. Стершийся от локтей пролом, камни приставлены с этой стороны. Но за стеной кричит на

кого-то мар Бобовай. Нужно бежать к большим воротам, пока нет там эконома...

Старый Хильдемунд со своей бочкой въезжает во двор. Можно спрятаться за ней. В мастерской, через которую идти в книгохранилище, слабые и увечные шьют верблюжьи седла в каникулы. Никто не смотрит на него. Он торопливо оттаскивает засов с дубовой двери...

Книги лежат рядами, одна на другой, тяжелые, черные. Запах кожи и воска от них. Но не они нужны, а те, что вытащил утром мар Бобовай из большого сундука с медным запором. Этих не дают студентам. Даже ему, в помощь эконому состоящему библиотекарем, пришлось читать их урывками. Все языческие книги скупают для одного важного перса. Сам мар Бар-Саума отбирает и отправляет их ему в Ктесифон. Вчера этот перс приехал с войском и белым слоном, которого везет в подарок от царя царей ромейскому кесарю...

Их все меньше, таких книг с розовыми, красными, сиревыми переплетами, с золотыми и бронзовыми женщинами на застежках. Когда за истинную веру изгоняли академию из Эдессы, ромейские стражники зажгли костер. Все рукописи без знака креста бросили туда: латинские, греческие и еврейские...

И пахнут они иначе: чем-то тревожным, волнующим. Он провел рукой по тусклому пергаменту и вздохнул. Девочку с белыми коленями и родинкой у брови тоже зовут Еленой. Самое красивое имя было у жены царя греков, про которого эта книга с обгоревшим углом. Неужели против бога такие прекрасные стихи. Господь любит поэзию, иначе лишил бы языка царя Соломона. Но ректор мар Нарсей тоже не позволяет их читать, а только логические и математические сочинения. Можно еще языческую историю в выдержках...

Следующую рукопись приходится подклеивать. Между строк расползлись бурые пятна... «Боги построили Рим и боги хранят эти стены. Что нам Юпитера гнев, ежели Цезарь здоров!..» Громовым и твердым был язык ромеев-латинян. Покорности учил Спаситель, и они распяли его...

У персов язык пехлеви другой. Слова кованые и звонкие, как из бронзы. Только произносят их по-разному.

Будто трогают струны чанга — говорят здесь, в Нисибине, городе на границе. А солдаты из Ктесифона проглатывают середину, и слова рвут струны. Святое имя Аврам носит он, а диперан Фаруд, которому по поручению епископа помогал он составлять списки христианских колен города, зовет его с арийским выговором — Абрамом...

Сходные с пехлеви звучания есть у ромейских греков, но сам язык не похож. Как из мрамора он, и нельзя ничего ни прибавлять, ни отсекать от фразы...

Языки, как и книги, пахнут по-разному. Одни — травой, другие — теплым молоком или морем. И цвет у каждого свой: синий, красный, золотой. Даже привкус от слов различный остается во рту. Спокойные и неспокойные бывают они...

Епископ мар Бар-Саума, который берет его к себе по четвергам для переписки, удивляется, что нет для него чуждого языка. Разве трудно ощущать людскую речь? Когда каркинские купцы отдали в приношение академии старого раба Хильдемунда, ворчание его тоже казалось непонятным. Чтобы узнать смысл, пришлось походить немного за бочкой водовоза. И еще подолгу смотреть на север, представляя, что почесываешь рыжую бороду... Если заглянуть в глаза человека, дальше уже легко. Рыжий Хильдемунд кроме своего языка научил его еще гортанному разговору черных людей. Не эфиопов, а других — из страны, завоеванной славным вандальским королем Гейзерихом...

От смешения кровей его талант к языкам, ибо отец у него был перс, а мать — арамейка. Это говорит Тыква. Но отца с матерью еще раньше зарезали в Эдессе, когда псы кесаревы драли истинно верующих христиан. Не помнит он их. Знает лишь, что отца звали Вахрам-ромей. Так, Вахромеями, кличут всех персов-христиан на границе. А Тыква даже близкие богу арамейские слова кладет, как камни сыплет из фартука...

Мар Бобовай сам укрепил мешки на спине осла. Не легче камней оказались книги, и осел лишь с третьего пинка тронулся с места. Аврааму пришлось идти рядом, покалывая божью скотину дротиком...

В городе прибавилось войска. Персов из Ктесифона сразу можно было отличить от местных, пограничных. Кованые латы были у них, и ездили они ровным строем. Христиане останавливались и подолгу смотрели им вслед...

Он удивился, увидев военных лошадей во дворе епископа. У хауза с водой сидели солдаты. Пики их были составлены в пирамиду. Никого из работников епископа не было у дома, и ему пришлось самому разгружать осла. Персы молча смотрели, как он тужится с мешками. Потом один, высокий, со знаком сотника, подошел, взял рукой оба мешка и поднял ему на плечи.

В горнице на табурете епископа сидел большой человек со свисающими вниз крашеными усами. Богатая персидская одежда была на нем, а сапоги ромейские, с кисточками. Мар Бар-Саума, сидевший за столиком, приказал внести книги...

Перс был плох зрением и к самым усам тянул рукопись, чтобы увидеть текст. Тогда мар Бар-Саума поручил Аврааму читать для перса вслух титулы. Он начал читать и переводить на пехлеви. В одном подзаголовке у историка Плиния Римского было обозначено свайное селение германцев-фризов. Авраам запнулся вначале, но потом перевел его пехлевийским термином «дех», что означает деревня. Перс смотрел на него сонными, как у птицы, глазами. Было непонятно, слышит ли он...

Зашли два диперана и унесли книги. Перс встал и, сопровождаемый мар Бар-Саумой, пошел во двор. У двери он обернулся.

— Паган, — негромко сказал перс и вопрошающе посмотрел на Авраама.

Только когда вышли перс с епископом, он сообразил, в чем дело. Да, конечно же, «паган», а не «дех»! Термином «дех» нужно переводить селения, где жили свободные римляне. А поселения рабов-чужеземцев персы называют «паган». От них и к ромеям пришло слово «поганый»... Значит, все понимал перс, что читал он по-латыни!..

Мар Бар-Саума вернулся и забегал по комнате. Маленькая тощая фигурка его стремительно носилась из угла в угол, большая белая борода развевалась на поворотах. Случилось что-то необычное.

Аврааму пришлось долго ждать на своем месте за столиком. Как всегда, развернул он свиток клееной египетской бумаги, зачинил перо. А мар Бар-Саума все метался.

— Брат мой и господин! .. — закричал вдруг епископ молодым звонким голосом. Потом подбежал по очереди к каждому из трех окон, прикрыл их и только после этого определил положенный письму верх. — Епископу истинных христиан Ктесифона мар Акакию от епископа Нисибина мар Бар-Саумы...

«Брат мой и господин! .. Умер Зенон, кесарь Рума, и грехи его предстанут вместе с ним перед лицом господа. Никто из христиан на границе не знает еще об этом...»

Мар Бар-Саума сделал предостерегающий знак и опустил голову. Теперь голос его звучал размеренно и глухо. Перо успевало за ним...

«Глад, и мор, и всеобщее недовольство в стране арийцев. Разве не говорит опыт церкви, какой путь избирают великие из персов, чтобы отвести от себя остервенение черни. Не с того ли начиналось истребление христиан полтораста лет назад при Шапуре или гонения при вазирге Михр-Нарсе.

Неспокойны истинно верующие христиане здесь, в городе на границе. Много может пообещать им коварнодушный в своем благочестии Анастасий, который, как знают все, станет новым кесарем. Забудут они кровь и пожарища Эдессы, отдадутся под десницу Константинополя. А тогда война будет за Нисибин. И одинаково, кто втопчет нас в прах: слоны царя царей или македонская конница кесаря. Меж львом рыкающим и клыкастым тигром мы здесь. Война десятирицею проходится по сиротам и гонимым. Больше других им нужен мир.

Пусть же братья наши в Ктесифоне найдут путь к сердцу царя царей, чтобы не наложил он сейчас двойной сбор на христиан границы. Ибо не даст ему новый кесарь положенного золота, и захочется стричь царю царей уже стриженных овец. Как чистейшая Эсфирь в древности просветлила ум владыки персов и спасла народ божий от наговоров и казней, так действуйте и вы. И пусть сгладятся все споры и обиды между нами. Кому, как не гонимым, быть братьями...»

Темно уже было за окнами. Лампад не зажигали.

Епископ сидел на своем табурете, скорчившись и закрыв глаза. Все белее становилась его борода.

«. . .Я написал тебе это письмо, мой брат и господин, в весеннем месяце нисан, в год 491 от рождения Спасителя, в год 803 царства Александра, сына Филиппа Македонского, в год 4 Кавада, царя персов. . .»

Ночь и день потом смешались в неестественный, без конца и начала, сон. Не помнит, ехал он на осле или шел пешком в черных улицах. Сторож Матвей вел у ворот тихий ночной разговор со старым Хильдемундом. . .

Из-за Тыквы получилось все. Авраам ткнулся в свою дверь, но она не поддавалась. Шевеление и разговор были за ней. Потом рука Тыквы втащила его внутрь. Рабыня Пула сидела на лежанке, и хитон был распоясан на ней. . .

Лампада горела в углу. Тыква взял кувшин с табурета и налил ему полную кварту. Пула захохотала, и Авраам тогда выпил всю кварту. Сладким и прохладным было то, что он пил, только заколотилось сердце. С испугом подумал Авраам, что это — вино. Рабыня протянула руки, повлекла его к себе. . .

Он упирался, чтобы не коснуться оголенной ее шеи. И вдруг упруго ощутилось необычное под хитоном, куда попала рука. Дернулся он, но влажные сильные губы захватили весь его рот. Белая горячая плоть вырвалась из-под хитона, мягко ударилась ему в щеку. Запахло травой из крепости. . .

Голые руки с силой толкнули его. Она засмеялась и медленно заправила грудь под хитон. Тыква налил ему, и Авраам снова выпил, не ощущая вкуса. Она тоже пила и хохотала, сводя каждый раз расползающийся хитон на груди. . .

Еще пили. . . Тыква вывел его в коридор, что-то шептал в ухо. Потом Авраам сидел под дверью и слушал, как они возились в комнате. Рабыня мерно, мучительно вскрикивала, смеялась и плакала почему-то. . .

Авраам встал, но черный коридор упал на него. Ударяясь о стены, добежал он до серого проема, вывалился. Жесткий бурьян ухватили руки, тело выворачивалось от мерзости. . .

Лицом на невидимой земле лежал Авраам. Песчинки

кололи кожу, но это не имело значения. Черная пустота была, и сам он был этой пустотой. Толчок и яркий свет извлекли его в мир. Почему-то теперь он опять сидел у своей двери, привалившись головой. Наставник Пинехас с фонарем стоял над ним и мар Бобовай в наброшенной на плечи хламиде. Сзади пялился сторож Матвей...

Что-то закричал Пинехас и ухватил рабыню за хитон, когда открылась дверь. В памяти осталась голая рука ее, мелькнувшая к лицу наставника. Фонарь грохнулся...

Снова горел огонь. Сторож Матвей смачивал водой тряпку, лепил к заплывшему глазу наставника Пинехаса. Мар Бобовай ругался и тряс поясом от женского хитона. Тыква только вертел головой...

Тошнота опять подступила к горлу, и Авраам бегал через черный двор на клоаку, сгибался там, дрожа и отирая липкий пот. Мутно качалась наползавшая из-за стены луна. Ночь была вечной...

Авраам проснулся и долго лежал с открытыми глазами. Потом он одевался, а мар Бобовай нетерпеливо подергивал большой деревянный крест под бородой. И два наставника ждали...

Двор разверзся солнечной ямой. А на дне ее упирались в землю дубовые козлы с веревками для удержания рук. Лишь когда ректор мар Нарсей громко призвал мысли всех к избранному богом сыну человеческому, он испуганно оглянулся. На него смотрели все одним безглазым лицом...

Нет, не про Авраама это было... Патлы зачесывает наперекор правилам. В кабаках языческих вино поглощает. Вползанием в дома пробавляется, отнюдь не писанием, чтением и толкованием. Блудницу в крепость слова божия, в самую келью свою приволок. Как овцу лишайную из стада, изгнать из стен школьных, из города богоспасаемого Нисибина, приют давшего...

Все это про Тыкву. А про кого еще читал мар Нарсей?.. В лакании соучаствовал. Измарался, скоту уподобившись...

И вдруг все увидел Авраам. Полукружиями поднимались скамьи, как в старом языческом театре на краю города. Вся академия собралась здесь, потому что кончился месяц нисан, время каникул. И за стеной на

крепостном холме стояли люди. Когда же успел он распоясаться?..

Наставник Пинехас захватил веревкой его руки. Носом и щекой лежал он на теплой доске. В бадье с водой набухали прутья, и зеленый листочек плавал сверху.

Только когда потянули с него штаны, забился он в слепом ужасе. И сразу колючим огнем обожгло спину. Авраам широко открыл рот, но не услышал своего голоса...

Его потом отрывали, а он все боялся отпустить доску. Мокрые оранжевые пятна плыли со всех сторон. Он стоял со спущенными штанами, а с холма кричали и свистели ему. Белый хитон Елены, дочки ритора, тоже был там. Но Аврааму уже было все равно...

Штаны подтянули на нем и поставили у столба с двадцатью одним правилом академии. Толкали каждый раз под руку, и он брал пепел из деревянной миски, сыпал себе на голову. Что-то еще говорил мар Нарсей...

И на топчане лицом вниз лежал он потом в каморке водовоза Хильдемунда. Старый вандал мягко смазывал ему елеем спину, обкладывал какой-то травой, ворча и утешая...

Это было последнее воспоминание. Потому что прибежал наставник Пинехас, а за ним мар Бобовай. Вскоре был он уже в доме епископа. Мар Бар-Саума не метался, как обычно. Только благословил на службу у перса и долго молча смотрел на него.

Так получилось, что в этот же день он ехал по большой царской дороге на Ктесифон вместе с отрядом солдат. Серая кобыла была под ним, такая же, как у двух других персидских диперанов. Впереди недвижно сидел в седле начальник царской канцелярии — эрандиперпат Картир, тот самый большой перс с длинными усами, которого видел он у епископа. И книги везли в кожаном сундуке...

На груди под крестом лежали у него в сумке два письма. Одно — епископу Ктесифона мар Акакию, другое — собственноручно написанное мар Бар-Саумой его дальнему родственнику Авелю бар-Хенанишо с рекомендациями.

Авраам — сын Вахромея — так и не посмотрел назад. Сердце его было пустым...

II

От дороги осталась песня...

Сначала ничего не было, только болезненная липкость в спине, и еще каменные столбы — конусы со звериными рельефами через каждый фарсанг пути. Сохранились они от старых аийских царей — Кеев, протоптавших эту дорогу к грекам тысячу лет назад. А ромеи, которые тоже властвовали здесь, поставили милевые камни: по три мили в фарсанге.

На второй день уже Авраам забыл об истерзанной спине, ибо огнем горели зад и ноги в промежности. Чувствовался каждый бугорок на дороге, слезы застилали глаза. У царского почтового поста, где стали на ночлег, он не мог слезть с лошади. Старый диперан-христианин принялся клясть его по-арамейски на все лады. И снова помог большой персидский сотник. Взглянув, как идет он враскорячку, перс сказал что-то армянину-смотрителю. Тот принес зеленой травяной мази, от которой утихло жжение.

Утром сотник сам затянул подпруги на его кобыле, по-новому уложил седло. Другие персы, уже на конях, молча ждали. И важный эрандиперпат Картир молчал и смотрел через перевал на встающее солнце...

Персы всегда молчали. Дорога была уезженная и мягкая от навоза. Копыта слышались лишь на деревянных мостках через стекающие с гор потоки. И караванов было мало. Только дважды на день звякали бубенцы, и на конях с подрезанными хвостами проносились к границе и обратно почтовые гонцы — армяне.

Песня пришла на пятый день. Сначала пахнуло в лицо теплым сладковатым ветром. Последние холмы раздвинулись, и широкая синяя долина до горизонта открылась впереди. Дорога сразу растеклась на много путей, и лошади пошли, затанцевали прямо по свежей еще не выгоревшей траве. Может быть, тогда и началась песня без слов...

А на пригорке возле самой дороги двое персов, старик и мальчик, срезали широкими серпами первую весеннюю пшеницу. Едущий рядом с сотником молодой азат снял шапку, подставил ветру бритую крашеную голову с темной гривкой волос, оставленной посередине. И потом запел, совсем тихо вначале...

Он пел про косарей, что жнут пшеницу на горе. Это их судьба — жать пшеницу. А под горой через широкую синюю долину идет войско. Вечный воитель Ростам впереди, и яростным солнцем полыхает его меч. Железнотелый — ему имя, шкура тигра — одежда. Судьба предопределила быть ему опорой Кеева трона... Дрожит Туран — пристанище черного Ахримана. Ревут карнаи — боевые трубы. Вслед за Ростамом, затмевая день, плывут знамена витязей Эрана. Могучий слон на знамени — это Тус, прародитель Спендиатов, от каждого удара которого плачет целое туранское селение. Солнце и луна на знаменах, под которыми Фарибурз с Густахмом. Хищнопенного барса голову везет Шидуш, похожий на горный кряж. Полные грозной отваги, едут они: Гураз, чей знак — кабан, доблестный Фархад со знаком буйвола, Ривниз — с зеленоглазым тигром, открывшим пасть. Как жемчужина, светла ромейская рабыня на ратном знамени удалого Бижана. Волк матерый с капающей изо рта кровью венчает стяг его отца — старого Гива. И золотой лев — знак дома неистового Гударза здесь...

Плачет Туран. Негде спрятаться его коварному царю Афрасиабу. Быками под лапой эранского льва валятся туранские витязи. И вот уже горячей кровью благороднейшего из них — Пирана — наполняет чашу старый Гударз. И выпивает всю чашу в память павших сыновей и внуков...

Снова дымом и кровью пьяны всадники. Сам Кей-Хосрой, могучий прародитель царя царей Эрана, ведет их. Быстрее мысли настигают туранцев доблестные мечи, быкоголовые палицы вбивают их в землю...

Песня теперь гремела, наполняла всю степь, пропитывала каждую травинку. Это было только перечисление в походном порядке древних кеевых воителей с краткой боевой характеристикой. Первая строчка запева подхватывалась всеми и дважды повторялась уже вместе со второй, завершающей. Но было во всем что-то необъяснимое, вечное, трагически предопределенное. Бронза древних страстей плавилась в глухом громе копыт, качании горизонта, буйных вскриков и свисте. Сердце рвалось куда-то, растворяясь в сладких языческих ритмах. И нельзя было, не хотелось уже сдерживаться...

Эта песня сразу оторвала от всего, что было раньше. Ушли куда-то в сон родная тетка, у которой жил он по смерти родителей, академия, Тыква и пахнущая травой рабыня Пула, мар Бобовай и даже тоненькая ромейская девочка с коричневым пятнышком у брови. А мар Бар-Саума на своем табурете в углу стал вдруг маленьким и очень старым...

Давно уже замолчали азаты, а песня продолжалась. В такт ей четко ударяли копыта, качался горизонт. Она не уходила и ночью врывалась в сны, вместе с кровью приливала к сердцу Авраама. Даже когда пришли к Тигру, и многовесельный царский тайяр заскользил, опережая красноватую воду, песня осталась. Она мешала разглядывать реку, которой он никогда не видел, и стала затихать лишь тогда, когда он спрятался за воротом с канатами и развернул полоску египетской бумаги...

Песня успокаивалась, послушно укладываясь ровными витыми строчками. Бронзовые удары языка пехлеви, гром копыт и буйный свист сгущались на светлой папирусной глади. Он помнил каждый шорох, каждый порыв ветра в поле. Неслышная тень упала на бумагу. Авраам поднял голову...

Сам эрандиперпат Картир круглыми немигающими глазами смотрел на песню. Большая рука с печатью на перстне протянулась, взяла ее, приблизила к тяжелым усам. Потом рука положила песню снова на колени. Перс важно, утверждающе кивнул головой.

Теперь можно было смотреть на реку. Мутно-розовая вода казалась живой, пахла рыбой и пиленым деревом. Они обгоняли связанные веревками барки с таврским камнем и дубом. Те лодочники, что шли наперекор течению, в трудных местах не гребли, а подтягивались, ровными кругами укладывая канаты на палубах. Перед их тайяром с царским знаком орла впереди сразу раздвигались плавучие мосты. Все больше становилось на реке мелких лодок. Тайяр ударял их медным носом, если не успевали отойти в сторону. Одна лодка перевернулась, и человек хватался за днище, поддерживая тонущую козу. Коза кричала детским голосом...

В последнюю ночь где-то слева растеклось на полнеба беззвучное зарево. Вода стала совсем красной.

Азаты молча смотрели в сторону далекого пожара, и глаза их тоже были красными. Так и слилось к утру дымное огнище с поднимающимся солнцем.

Река сузилась. Лодок и паромов стало еще больше, и пришлось рыкать в военную трубу на носу тайяра. После полудня впереди вдруг сверкнуло так, что невозможно стало смотреть. Он понял, что это Ктесифон — стольный город Кеев.

III

Кто-то дергал изголовье...

Но не обрывался долгий вечер, когда плыли с факелами в бесчисленных каналах. Еще полночи ехали потом черными дорогами к имению эрандиперпата. Качались и качались ветки в небе, голова клонилась к невидимой лошадиной шее. В темноте гремели решетки ворот, бесплотные тени глядели в лицо каждому. Раб с факелом вел его узкими коридорами, другой сзади нес книги. В зале с синеющим потолком оставили его. Он помнил, что приклонил голову на книги, и снова переливалась вода в свете факелов...

Ухнуло куда-то все. Он открыл глаза, поспешно встал, оправляя хламиду.

— Ты кто? — спросил Светлолицый, с нежным пушком на щеках. Темные брови круто изгибались к вискам.

— Авраам я, из Нисибина, — ответил тот.

Светлолицый был старше Авраама. Военная куртка была на нем и мягкие кавказские сапоги внатяжку. Короткий арийский меч висел на поясе. И спрашивал он отрывисто, с арийским звоном в голосе.

— Из Нисибина, — повторил Авраам. — Это город, который на границе...

Они помолчали, глядя друг на друга. Светлолицый отошел. Авраам с изумлением оглядел стены зала, которые не видны были ночью. Рядами шли ниши, и все были заполнены книгами, свитками, глиняными пластинами с письменами древних. У одной только стены было в пять раз больше книг, чем во всей библиотеке мар Бобовая.

— Подойди! — позвал Светлолицый.

Авраам подошел к тахте у окна. На ковре лежала раскрашенная в черно-белую клетку доска и костяные

фигуры. Он видел эту арийскую игру «Смерть царя». Диперан Фаруд, которому помогал он переписывать христиан Нисибина, играл всегда в нее с другим персом.

Светлолицый перенес до линии границы одного из красных латников, посмотрел ожидающе. Авраам растерянно покачал головой.

— Пешие так наступают, — показал Светлолицый. — Разят они сбоку, где не прикрыто щитом... Шахрадары на слонах тоже бьют по своим линиям наискось. А это ратх — башня на колесах. Она идет на приступ прямо или сдвигается в стороны... Сильнее всех Фируз — победитель, Рука Царя...

— Пероз? — переспросил Авраам.

— Да, Фируз, — подтвердил на ктесифонский манер Светлолицый. — Он бьет всех и во все стороны.

— А тебя как зовут? — спросил Авраам.

Светлолицый со стуком бросил костяного воителя:

— Никак меня не зовут!

Зашел другой, высокий и крепкий, посмотрел на Авраама.

— Сядь, Сиявуш! — сказал Светлолицый. — Он не умеет.

Тот, которого звали Сиявуш, молча сел играть. Он был одних лет со Светлолицым и одет так же. Только глаза были холодные и брови не изгибались, а напрямую срастались над крепким костистым носом. Фигуры он двигал резко, недолго думая.

Потом пришел сам эрандиперпат Картир и с ним еще трое. Двое были со звериными знаками на кулонах, а третий — арийский жрец в красной хламиде. Увидев Авраама, эрандиперпат удивленно приподнял брови:

— Иди, я позову тебя, когда будешь нужен!

Авраам поскорее вышел за ковровую завесу. Его испугал красный маг — огнепоклонник. Серые яркие глаза под выпуклым лбом скользнули по одежде, кресту, остановились на лице Авраама. Спокойная внимательность была в них и что-то еще, необъяснимое. Они притягивали, и нельзя было скрыть своих мыслей...

Не дьявольский ли это свет? Авраам вспомнил, что много дней уже не молился. Он посмотрел на высокие своды и вздохнул. Прошел одним коридором, перешел в другой, нашел маленький дворик с отхожим местом и

бронзовым кувшином с водой. А он слышал, что арийские мобеды запрещают подмывание...

Опять ходил он в коридорах и никак не мог найти выхода. Стены из белого камня скрадывали шаги. Свет падал откуда-то сверху косыми прямоугольниками. Из бокового прохода послышались голоса. Отведя заменяющую дверь тяжелую кожаную завесу, он вышел наружу.

На широком, мощенном камнем дворе азат в дорожных латах водил запаленного коня. Тут же располагались конюшни, стояла укатанная гора сена. Военная казарма была точно такая же, как у дома сатрапа на царской стороне в Нисибине. Под длинным навесом рядами стояли пирамиды пик с прислоненными внизу щитами, висели на столбах тяжелые луки.

В углу двора был хауз с водой, над ним тахта. Несколько солдат сидели полукругом и ели. Это были азаты из посольского сопровождения. Сотник Исфандиар, который помогал ему в дороге, сделал приглашающий знак рукой.

Авраам обрадовался знакомым азатам, ему сразу стало легче. Он присел на краю тахты, и Фархад-гусан, который запевал в дороге песню, положил ему отваренной пшеницы в солдатскую чашку, хотел положить и мяса.

— Мясо свиньи! — предупредил старый азат с разрубленным ухом.

Персы с любопытством смотрели на Авраама, и он покраснел.

— Носящие крест ромеи из-за моря едят свиней, — сказал Исфандиар. — А почему наши христиане не едят?

— Зато наши обрезаны, как иудеи, — заметил Фархад.

— Бог один у вас с иудеями. Что же законы его не одинаково выполняются?..

Ни в голосе, ни в глазах сотника не было издевательства. Одно только искреннее недоумение. Авраам не знал, что ответить. Персы поговорили еще о разных богах, каких знали у варваров. Аврааму взамен мяса положили полкружка соленого армянского сыра — пендыра.

— Мертвых там засыпают землей, а в руки дают лук со стрелами, — рассказывал бывший в плену за Оксом азат с покалеченным ухом. — Лошадей и прислуживаю-

щих людей убивают и кладут с ними, а еще хоронят еду и напитки. . .

— Много законов на свете! — задумчиво сказал Исфандиар.

— Истина как одеяло, — глаза Фархада блеснули. — За один конец его тянет иудей, за другой — носящий крест, за третий — индус, а за четвертый — поклоняющийся Мазде. Какое одеяло выдержит!

— Да, так и говорит правдивый Маздак! — громко сказал один из азатов.

Авраам еще в Нисибине слышал о знаменитом арийском священнослужителе — мобеде, носящем это странное имя. Маздак — факел при обрядах у огнепоклонников, «Источающий свет Мазды» означает это имя на пехлеви.

Тот, что с покалеченным ухом, неодобрительно качнул головой и сунул обе руки в прорези куртки. Авраам знал, что у огнепоклонников на голом теле святая веревка с тремя памятными узлами: «Добрая Мысль», «Доброе Слово» и «Доброе Дело». Другие азаты, которые закончили еду, тоже нащупали руками узлы и сосредоточились. Посидев так недолго, они встали, успокоенные. Им надо было чистить лошадей и оружие перед выездом в город.

Авраам оставил их и прошел через калитку в сад. Между защитной стеной и дворцовыми щелями-окнами полосой росли розовые кусты. Он сел на траву, прислонился спиной к дереву. Грело солнце, пчелы жужжали в густом воздухе, где-то кричал осел. В первый раз вспомнился ему город на границе, старая ромейская крепость на краю и водовоз Хильдемунд. Больше никого не хотел он вспоминать. Жалкой и смешной в большом мире была черная сгорбленная фигурка мар Бар-Саумы. . .

Какое одеяло выдержит. . . Так говорит Маздак. . .

— Эй, господин. . . Господин! . .

Авраам вздрогнул, встал на ноги.

— Кто здесь? — спросил он громко.

— Не кричи, господин. . . Я — Рам!

В густом плюще у стены стоял мальчик-цыган, совсем голый: лишь цветной лоскут прикрывал срам. В круглых черных глазах его был ужас. . .

— Убить хотят царя из Ктесифона! . .

Цыганенок дрожал от страха и нетерпения. Авраам тоже испугался и не знал, что делать...

— Какого царя? — по-цыгански спросил он.

— Я — Рам, сам слышал, — зашептал цыганенок. — Царя хотят убить, который здесь. В ямах они ждут. Иди, скажи ему!..

Он на миг изменил свое лицо, преобразился, круто провел пальцем по брови. И Авраам сразу узнал Светлолицего. Так смотрел тот утром во время игры.

Цыганенок вдруг нырнул под плющ в сухой канал, пролез через решетку в стене.

— Я покажу... — крикнул он уже откуда-то из-под стены.

Авраам постоял еще мгновение, потом заспешил к дому. Со стороны сада не было входа... Что говорил этот цыганенок? Какого-то царя...

Он прибавил шагу и за поворотом набежал на Светлолицего. Тот шел с Сиявушем.

— Там мальчик, Рам!..

Авраам показал рукой в сад. Сиявуш повернул голову, посмотрел вдоль стены. Кошка вышла из кустов, перебежала к дому.

— Какого-то царя хотят убить...

— Говори!

Светлолицый быстро протянул руку, сжал локоть Авраама. Глаза у него были страшные. Авраам испуганно показал за стену.

— Он там ждет, Рам.

Светлолицый стремительно повернулся и бросился бегом по присыпанной красным песком дорожке. На переднем дворе ожидал служитель с лошадью.

— Рахш!

Они с Сиявушем прыгнули в седла, накинули плащи на головы. Решетка во внутренней стене сразу поднялась. Светлолицый сделал знак Аврааму.

Из-за оливы шмыгнул цыганенок, уцепился за стремя Светлолицего.

— Там! — показал он куда-то за вторую, внешнюю, стену дасткарта.

Авраам едва поспевал за верховыми. Цыганенок бежал, держась за стремя. Большие кованые ворота внешней стены раздвигались слишком медленно. Светлолицый выругался, схватился за меч. Сиявуш, перегнувшись

с седла, перехватил уздечку его коня. Светлолицый рванулся было вперед, но потом послушался и слез с коня.

— Где они? — спросил Сиявуш.

Рам показал на кусты справа у дороги. За ними были ямы для добывания глины и гора сохнущего кирпича.

— Эй, раб! .. И ты, раб! — Сиявуш указал на двух работающих у олив.

Рабы приблизились, положив обе руки на головы и не сводя глаз с сапог Сиявуша. Он быстро навернул им на тела плащи — свой и Светлолицего, толкнул к лошадям. Тот, что помоложе, никак не мог взобраться в седло. Сиявуш подбросил его и свистнул.

Кони тронулись небыстрым шагом. Со стороны дворца рысью подъехало десятка полтора азатов. Сиявуш остановил их. Вместе со Светлолицым влезли они на нижнюю площадку башни для стражи и приложились к щели...

Никого не было видно ни на дороге, ни в кустах над ямами. Кони проехали поселок у стены дасткарта. Они уже почти миновали кусты, когда Рам подскочил и крикнул. Молодой раб, что ехал на лошади Светлолицего, завалился вдруг набок и начал сползать с седла. Конь стряхнул его на землю и, сделав полукруг, понесся обратно. Другой конь привстал на дыбы, попятился...

Светлолицый бросился к одному из азатов, вырвал лук и вскочил на его коня. За ним понеслись другие азаты с Сиявушем. Съехав с дороги, Светлолицый вскинул сразу коня на дыбы и рухнул вместе с ним в кусты. Это произошло так быстро, что никто ничего не понял. На всякий случай пустили десяток стрел в колючую чащу.

Авраам с Рамом подбежали к павшему на дороге рабу. Стражник отвел плащ с его лица: оно еще было испуганным, изо рта вытекала струйка крови. Черная маленькая стрелка жестко торчала против сердца. Авраам перекрестился...

Светлолицый с Сиявушем теперь осторожно объезжали кусты, держа луки напряженными. Азаты поскакали в оцепление с другой стороны. И тогда увидели бегущего. Перепрыгивая через кучи глины, мчался он к кирпичам. Азаты не успели: им помешал большой ров, что вел к ямам. Убегавший оглянулся: кривая улыбка сдвинула его верхнюю губу, и желтые зубы открылись до корней. Авраам ясно увидел это, несмотря на расстояние.

Что-то нечеловечески жестокое, злобное, ночное было в рябом потном лице. Взобравшись на коня, убийца поскакал к роще. Когда азаты переехали ров, никого уже не было видно. . .

Убитый раб лежал на земле. Азаты расступились, одновременно приложили ладони правой руки ко лбу. От дома шел эрандиперпат Картир. Увидев завернутое в плащ Светлолицего тело, он остановился, стал вглядываться. Длинные крашеные усы его тревожно дрогнули. Но тут эрандиперпат услышал голос самого Светлолицего и с недоумением посмотрел на всех. . .

В это время принесли из кустов и бросили на траву еще одного мертвого. Пущенные азатами стрелы все же попали в кого-то. Сиявуш наклонился, посмотрел, ногой повернул мертвое тело к солнцу. На выгоревшей рубахе явственно проявились дуги бычьих рогов от споротого родового знака. Светлолицый в ярости схватился за меч, плюнул на рубаху мертвого.

Принесли новые плащи. Сиявуш со Светлолицым завернулись в них и выехали за ворота. Впереди и сзади них теперь поскакали азаты. . .

Заплакала женщина, приходившаяся матерью мальчику-рабу. А он лежал как живой: все такой же испуганный. Собрались еще рабы, но никто не касался убитых. Все мертвое у персов поганое, а здесь — вдвойне: брызги зла от Ахрамина попали на них, ибо умерли они насильственной смертью. И тут снова увидел Авраам красного мага-огнепоклонника.

— О Маздак. . . Маздак, о-о! . .

Оставшиеся азаты, стражники, рабы — все коснулись ладонями глаз и сложили на груди руки. Только мать плакала, ничего не замечая. Глубокая складка сдвинула громадный лоб мага. Мягко, властно, разрешающе положил он ей на плечо руку:

— Коснись своего ребенка, женщина!

Она сначала отшатнулась назад и вдруг пала на тело сына лицом и руками. В ясных глазах мага не было сомнения:

— Это просто отжившая плоть, люди! . .

Рабы уже безбоязненно взялись, понесли мертвых куда-то. Авраам во все глаза смотрел на великого мага.

— О-о Маздак! ..

Женщина, не поднимаясь с колен, протянула к нему руки, и маг печально кивнул ей большой головой.

IV

Диперaном третьего ряда будет он. Еще неделю назад объявили ему об этом, в день приезда. Это значит, что стал он главнее того самого Фаруда, которому помогал прошлым летом переписывать христиан Нисибина. Ибо только диперaном второго ряда был Фаруд. А всего пять рядов диперанов, и над всеми — эрандиперпат.

Большой и важный, эрандиперпат Картир сам объяснил Аврааму его обязанности. Библиотеку языческих книг будет приводить он в порядок. И еще записывать на трех языках: пехлеви, ромейском-греческом и арамейском все, что скажут ему из происходящего в арийском государстве Эраншахре. Диперан, который делал это, умер зимой. Аврааму отвели комнату — впритык к библиотеке. . .

Он потянулся на лежанке, радостная легкость была во всем теле. Форменное одеяние диперана! .. Авраам вскочил, быстро сбегал по нужде, всполоснулся и начал одеваться. Облегающая тело куртка с царским знаком, широкие у бедер штаны для удобства при конной езде, высокие мягкие сапоги. Он сразу сделался выше, а твердая куртка не давала опускать голову. Два дня назад надел он ее, и тут же увидел девочку на заднем дворе дасткарта. Дочкой управляющего садом Михробазеда была она и все бегала мимо кухни, где получали еду диперaны. Четверо их жило в доме эрандиперпата: старый Саул, который ругал его в дороге, и трое молодых. Ближе всех стал Артак, хоть и язычник. . .

Рука Авраама нерешительно остановилась: помешал кипарисовый крест. Он вспомнил глаза эконома, пригнявшего на нем одежду в царских мастерских. Портные тоже были христиане и все поглядывали в его сторону. Авраам тогда оставил крест сверху, хотя другие диперaны-христиане носят его под курткой. И кресты у них совсем маленькие.

Впрочем, многие христиане на границе и по ту сторону, в империи, вовсе не носят крестов. Это здесь стали носить после старых гонений. Когда-то при царе Шапуре

Втором, в год истребления христиан, повесили на позор им тяжелые дубовые кресты на шею. В память мучеников не снимают их теперь...

В коридоре он остановился, пригладил волосы ладонью и сам не заметил, как убрал крест под застежки на груди. Там он и остался, под курткой...

Девочки, которую заметил он, не было во дворе. Артак уже получил по круглому персидскому хлебцу для себя и Авраама. Как и в другие дни, им дали еще кислое молоко в чашках. Саул уже поел и подгонял их. Сегодня был Большой Царский Совет...

Двенадцать диперанов сидели за желтой занавеской, которая скрывала нишу писцов от царского зала. Они все видели и слышали оттуда. Гладкая подставка стояла перед каждым и бронзовая чернильница. Старший диперан Саул только хмурился, когда они слишком громко говорили друг с другом.

Внизу, в необъятном зале, стены были серебряные, и светильники тысячу раз отражались в них. На квадратных колоннах выделялись звери с крыльями и цари на конях. Все они — звери, лошади и люди — были приземистые, могучие, с толстыми ногами и мощно выгнутыми шеями. Арташир, внук Сасана, основателя династии, Шапур Великий, Бахрам Гур — он видел уже эти рельефы на дороге из Нисибина. У арийцев царь — это бог, и Авраам с замиранием поглядывал на красную завесу от пола до потолка в начале зала. Царь царей, незримый за ней, будет сегодня здесь. Он правнук всех этих богов в коронах с тяжелыми прямыми мечами у пояса. А пока что рядом с Авраамом диперан Артак все баловался и дергал за штаны худенького армянина Вуника.

— Это у нас маленький зал, — объяснял Артак. — Главный зал — с той стороны, для приемов...

Авраам только издали видел гигантский сверкающий фасад. На площадь перед дворцом никого не пускали. Сюда, в Зал Царского Совета, они проехали сзади, через внутренний двор. Но почему здесь нет окон и персы жгут светильники, когда снаружи день?..

Диперан Вуник вдруг повернулся и ловко щелкнул пальцем в лоб донимавшего его Артака. Молодые прыснули. Главный диперан-распорядитель внизу недовольно

посмотрел в их сторону. Артак лишь погрозил Вунику кулаком. . .

Один огромный ковер, темно-бордовый, в персидских ромбах, закрывал весь пол. В строгом порядке были разложены по нему красные, синие и желтые подушки. Как раз посредине зала ковер был прорезан по кругу и зияла черной пустотой яма.

— Зачем она? — тихо спросил Авраам.

Артак как-то странно посмотрел на него и не ответил, только поежился и втянул голову в плечи.

Прислуживающие внизу диперанеы давно уже скрылись в боковых проходах. . . Окинув в последний раз внимательным взглядом зал, вышел распорядитель. Наступила тишина. . .

И вдруг дрогнули стены. Авраам испуганно оглянулся на других диперанов, но они были спокойны. Когда затих низкий глухой рев, он понял, что это персидские трубы — карнаи.

— АТРАВАН! .. СЛУЖИТЕЛИ СОВЕСТИ, ГДЕ ВЫ?

Невидимый голос стократно отдавался под высоким куполом. Неслышно поплыли по ковру кроваво-красные покрывала. Мобедан мобед, высший арийский маг, опустился на первую к царской завесе подушку. За ним сели, откинув с лиц покрывала, пять главных мобедов — жрецов огня. Авраам вытянул шею — крайним среди этих мобедов был большелобый Маздак. . .

Все красные подушки с левой стороны занял атраван — сословие жрецов. И сели они по порядку. Артак шепотом объяснил ему, кто из них служители огня, судьи, наставники нравственности. . .

И снова загремели трубы.

— АРТЕШТАРАН! .. ОПОРА ПРЕСТОЛА И ХРАНИТЕЛИ МУЖЕСТВА, ГДЕ ВЫ?

Это было сословие правящих и воителей. Они прошли на правую сторону — к синим подушкам. Первым сел артештарансалар — глава легиона, из рода саксаганских царей. Рядом с ним, подвернув по закону правую ногу, опустились на родовые подушки вазирг Шапур и главный военачальник эранспахбед Зармихр. . .

— Быку сегодня опять нелегко придется! — заметил Артак.

Авраам вгляделся в бычью голову на кулоне эранспахбеда. Он вспомнил вдруг убийцу — лучника, которого вытащили из кустов возле дасткарта. Точно такие же рога были на его рубахе. И Светлолицый в гневе плюнул тогда. . .

Эрандиперпат Картир, начальник всех диперанов Эраншахра, сидел на одной линии с вазиргом и эранспахбедом, дальше шли сатрапы и шахрадары городов, округов и провинций, марзпаны подчиненных территорий. Среди воителей, почти рядом с Зармихром, выделилось знакомое лицо: большой костистый нос, сросшиеся брови. Сиявуш! . .

Авраам поискал глазами Светлолицего, но не нашел. У Сиявуша теперь был широкий блестящий пояс. Украшенные золотом ремни шли от него через плечи, перекрещиваясь на спине. Раскрытая волчья пасть скалилась на круглом кулоне, который пряжкой стягивал боевые ремни на груди Сиявуша. Видно, немалый был он воитель. . .

В третий раз грохнули трубы.

— ВАСТРИОШАН! . . КОРМЯЩИЕ И ОДЕВАЮЩИЕ, ГДЕ ВЫ?

Желтых подушек было совсем мало. Далеко впереди сел вастриошансалар — глава третьего сословия: простых земледельцев, мастеров и торгующих. Его Авраам узнал сразу. Это был начальник царских мастерских, тонкоголосый важный перс. К нему ходили они с Саулом приставлять печать к разрешению на пошив формы диперана. Прямо за ним сейчас сели пятеро стариков в белых крестьянских одеждах. Один был такой дряхлый, что глаза у него сами закрылись, как только опустили его на подушку. Пожилыми были и два купца сзади. И только старшина кузнецов выделялся ростом и могучими плечами. Старый кожаный фартук с черными ожогами от огня закрывал его грудь. Авраам вспомнил персидское предание. Простой кузнец Кова спас когда-то трон Кеев от змея-узурпатора Заххака и вернул его арийскому царю Фаридуну. С тех пор вечным знаменем Эраншахра стал кожаный фартук — «Звезда Ковы», и старшина кузнецов всегда присутствует в Большом Царском Совете. . .

В неподвижном мертвом ожидании сидел зал. И тогда в четвертый раз выматывающе завыли карнаи. Когда

укатился куда-то под землю их гул, все прикрыли ладонями глаза и опустили головы в сторону завесы.

ПОКЛОНЯЮЩИЙСЯ МАЗДЕ КАВАД, БОГ, ЦАРЬ ЦАРЕЙ АРИЙЦЕВ И НЕАРИЙЦЕВ ИЗ РОДА БОГОВ, СЫН БОГА ПЕРОЗА, ЦАРЯ, СЛУШАЕТ ВАС, АРИЙСКИЕ СОСЛОВИЯ!

Все подняли лица, положили перед собой руки. Три главы сословий: мобедан мобед, артештарансалар и вастриошансалар сделали разрешающий жест. И тогда заговорил эрандиперпат Картир. Авраам знал его тихий и глуховатый голос. Но купол над головой усиливал звук и равномерно распределял по всему залу.

— Брат царя царей и бога Кавада, кей-сар Запада Зенон, умер. . .

Никто не пошевелился. Все диперана уже знали о смерти ромейского кесаря. Артак шепотом объяснил, почему кесаря называют братом арийского царя. Персы считают, что великий македонский император Александр был сыном Кея-Дария Ахеменида от дочери Филиппа Македонского. Потому и имя он взял себе на арийский манер — Искандарий и звание кей-сар. И жить тоже потом пришел в Эраншахр. . .

— Но Зенон, который умер, был простой исаврийский солдат, — удивился Авраам. — Потом только он стал кесарем.

— У нас тоже так бывает, дорогой Авраам, — в голосе Артака была шутливая важность. — Но всегда выясняется, что такой человек обязательно из царского рода. Просто птица Симург еще младенцем утащила его из дома царя. Или злые люди положили его в бочку и пустили в море. . .

Не просто умер кей-сар Зенон. Есть сведения, что, воспользовавшись слабостью к вину, его живым заколотили в могильный ящик. И когда по ромейскому обычаю молились над ним в главном константинопольском храме, крики его перекрывали пение попов. . .

Эрандиперпат посмотрел на завесу, задумчиво качнул головой. . . Жена кей-саря Ариадна уже объявила свое желание сделать мужем и императором безродного ромея Анастасия, из партии «зеленых». Ее поддерживают мать-императрица Верина и вазирг ромеев — евнух Урвикий. Трудно угадать истину в мыслях женщин и оскопленных, но наши друзья в Константинополе считают, что силен-

циарий Анастасий еще до дня летнего солнцестояния станет новоримским кей-сарем. И может случиться, что Эраншахр не получит золота, положенного от ромеев за охрану кавказских перевалов. Чем будем платить тогда туранцам?

На Кавказе неспокойно. Марзпан Армении доносит, что иберийский царь Вахтанг Волчья Грива снова тайно объединяет своих картлинцев с горными армянами против света Мазды. В новом городе Тбилиси имел он встречу с албанским царем Вачаганом. Любым способом стремятся они вывернуться из-под железной руки царя царей. И условились, что при новой войне им следует договориться со степными гуннами по ту сторону Кавказа. . .

Все сидели неподвижно, руки у каждого лежали на колене поджатой правой ноги. Эрандиперпат закончил речь, снова приложил ладонь к глазам. Сделав так же, заговорил вазирг Шапур. Лицо у него было белое и худое, а голос слабый. Видимо, он чем-то болел.

— Это плохо, если ромеи не дадут денег, — сказал вазирг. — Государственный хранитель золота — эранамаркер Иегуда подтверждает, что нет средств даже на очередную выдачу жалования охране дворца. Поступления оказались в полтора раза меньше, чем в прошлом году, а цена на пшеницу выросла вчетверо. Хузистан и Мидия почти ничего не дали в царскую казну: саранча съела там все живое. Хорасан опять наполовину вытоптали туранцы. И если не дать им то, что обязались мы выплачивать после исчезновения бога Пероза, они придут сюда.

Рассказывают о царе Бахраме, — в голосе главного вазирга появилась жизнь. — Услышал Бахрам Гур разговор сов при луне в оставленном людьми селении и попросил мобеда перевести ему смысл. «Я стану тебе женой, — говорила совиха филину. — Но мне мало развалин одной деревни. Для хорошей жизни мне нужно двадцать деревень, откуда ушли бы люди». — «Если правление этого царя продлится, то все совы на земле станут счастливыми», — отвечал филин. Вспомните, что сделал тогда царь царей!

Разве не наступает время, о котором говорила ночная птица? Разве не пустуют селения Эраншахра и не полны дороги умирающими? Все новых земель требуют некоторые из великих, и у царя царей скоро не останется лю-

дей, платящих подать. Богаче самого царя и бога стали эти из великих, и ночь затмила их разум. Говорят, на рельефах в домах у них священная повязка Мазды покрывает неизвестные нам головы! ..

Вазирг Шапур замолчал, но не делал знака окончания речи. Все смотрели на эранспахбеда Зармихра. Он сидел прямо, и широкий лоб его был словно из большого тяжелого камня.

— Арийскую мудрость зову! — Голос вазирга стал вдруг звучным и сильным. — Звезды гнева остановились над Эраншахром. Пусть каждый из нас придет на задний двор своего дасткарта, отмерит пятую часть пшеницы прошлых урожаев и отдаст царю царей для раздачи в селения. И пятую часть масла, и сушеных плодов, и всего, что есть там, пусть отдаст. И каждый из великих пусть пойдет в свою хранительницу и пятую часть того, что там, отдаст в казну царя царей для войска и уплаты туранцам. Так сохраним остальное!

Он обессиленно опустил руки. Знак начала речи сделал мобедан мобед. Голос у него был певучий и то поднимался до самых высоких нот, то уходил в пришептывания...

— Свет Мазды меркнет в душах людей. От этого — несчастья Эраншахра. Вопреки заветам пророка от естественной жизни в развратные города уходят зороастрийцы. Разве не пренебрегают уже многие из них огнем, первым началом из начал? Разве не моются уже они в христианских банях, оскверняя своей плотью согретую на огне воду, второе начало из начал? И не находятся разве уже мобеды, которые вместо отведенных для человечьей падали башен разрешают осквернять ею землю, третье начало из начал?

— Пятой части не хочет выделить! — шепнул Артак.

Мобедан мобед заговорил о христианах. Это их церкви возвышаются над храмами огня, их кости оскверняют арийскую землю, их попы убивают арийских детей, чтобы взять здоровую кровь для своей пасхи. Снова в Нихавенде пропал зороастрийский мальчик. Тамошний датвар — праведный судья выяснил, что накануне ребенок играл во дворе сапожника Гушнаспа, который два года назад отрекся от огня и прозывается теперь по-христиански Евсеем.

Все знают, что христиане режут больных в своей медицинской школе в Гундишапуре. Кругом проникли и командуют эти ромейские прислужники. Распятый иудейский бог Исо послал их, чтобы расслабить крепкую арийскую руку, размочить слезами твердое арийское сердце, дурманом сострадания отравить чистую арийскую душу. Некоторые мобеды продались им...

Теперь все смотрели на Маздака, но он думал о чем-то своем. Авраам посмотрел на диперанов. Половина их были христиане. Двое быстро записывали речь мобедан мобеда. Остальные играли в кости или подчищали изогнутыми ножичками-серпиками ногти. Саул дремал, время от времени вскидывая голову и подозрительно глядя на Артака с Вуником...

Авраам снова стал слушать мобедан мобеда. Тонкошеий бритоголовый старец говорил равномерными, словно заученными периодами. К концу каждого предложения он далеко вперед вытягивал маленькую голову из широкой красной хламиды, а закончив, быстро втягивал ее обратно. Главный маг предлагал перебить всех христиан и иудеев, а имущество их взять на прокорм народу и уплату войску.

— Знает ли Солнце Истины, великий мобед мобедов, что две трети поступлений в казну Эраншахра в этом году пришло от царских мастерских, базаров и торговых продвижений из Индии и Китая? — спросил главный вазирг Шапур. — Лучшие мастера наши — христиане и иудеи. Кто пилит дуб, с которого ест желуди?

— В Мазде спасение Эраншахра! — пронзительно закричал мобедан мобед, выбросив вперед правую руку и до отказа вытянув шею. — Пусть сословие атраван — все мобеды и хербады — отправится в Фарс к своему главному Огню. К своему сословному Огню в Шизу пусть отправится артештаран: цари, великие и воители. В Хорасан, к своему Огню, пусть пойдут старшины вастриошан. Огонь очистит и просветлит мысли!..

Потом в ряд говорили шахрадары на синих подушках. Они рассказывали о нападениях голодных. В Хузистане дочиста ограбили дасткарт Михрака, из рода младших Зиков. Сам великий умер от удара серпом в живот. Пшеницу, масло и все, что было, разделили в селениях, а жен и дочерей его раздали по дворам, где не было женщин. Людей вели за собой свободные дехканы окрестных дере-

вень, а подстрекали низшие мобеды. И говорили они, что это и есть правда Мазды.

На днях только горел большой дасткарт Михргударзов — всего в трех фарсангах от Ктесифона вверх по Тигру. Тысячи голодных скапливаются на улицах Ктесифона, Гундишапура, Истахра, Нихавенда. И не имеющие хлеба дехканы с ними...

— Бык... Бык... — оживились диперапы.

Эранспахбед Зармихр Карен неспешно коснулся лица, твердо опустил обе руки на колено.

— Слоны — опора порядка! — хрипловатый голос знаменитого военачальника колыхнул огонь в светильниках, слова обрывались, как камни. — Тремя боевыми линиями пусть пройдут они по селениям, где допущены беззакония. А за ними — тысяча гурганцев. И пусть ничего больше не растет там!..

Авраам увидел глаза полководца, удивительно маленькие и круглые на широком мясистом лице. Даже не глаза это были, а две злые водянистые точки без ресниц и бровей. Эранспахбед требовал старой арийской казни для тех, кто нарушает порядок.

— Связать и растоптать слонами на майдане, как при Шапуре Великом! Это все христиане мутят. Много воли дали им, вот и подбивают молодых и неразумных. Нехорошие песни уже поют про великих...

Артак, записывающий речь эранспахбеда, пощелкивая пальцами левой руки, тихонько пропел двустишие о быке, которого пора кастрировать.

Авраам закрыл глаза. Все сместилось со своих мест, плавало и кружилось без опоры. Нисибийское построение мира рухнуло... Эраншахр: таинственное сияние над головой царя царей, тысячелетние твердь и сущность. Он представлял себе: бесчисленные цари и народы, склонившие головы; города, которых не посчитаешь; от блеска дворцов слепнут однажды видавшие их; боевые слоны по четыреста в ряд, под которыми прогибается земля. Он открыл глаза...

Недвижно сидели на подушках мобеды и великие. Ровно горели светильники. Цари на рельефах требовательно протягивали богу правые руки. Все было так и не так!..

Шахрадары продолжали говорить... Слабеет огонь Мазды. Уважение к старшим и великим теряется. Пайгансалар — «Отвечающий за порядок в государстве» не

может справиться с этим. В его подчинении только городские и базарные стражники. Усилить надо войска порядка!..

Что-то вдруг случилось в зале. Дипераны умолкли, перестали возиться. Мобедан мобед дернулся и быстро втянул голову...

Сразу же поразил голос: спокойный, резкий, без взлетов и замираний. Он сглаживал арийские рыкающие звуки, словно не имел времени задерживаться на них. Но никто не замечал этого.

— Великий мобедан мобед справедливо призывает нас разжечь ярче огонь Правды, — глаза Маздака в упор смотрели на того, о ком он говорил. — Прямодушен отважный эранспахбед, требующий наказать ложь и беззаконие. Мудры и рассудительны великие, говорившие здесь против беспорядков...

О трех началах всего сущего, данных людям Маздой, напомнил нам наставник веры. Огонь, Вода и Земля — эти вечные начала. Бог не делил их — одному больше, другому меньше, — когда создавал мир. И плоды, рожденные из трех начал, отдал он всем. И радости жизни представил он людям одинаково. Это есть порядок Мазды. Все остальное — хаос и тьма. Почему же, когда великий вазирг Шапур, поделившись с нами пятой частью своей мудрости, предложил на столько же приоткрыть хранилища для голодных братьев, мы не слышим слов одобрения?..

Авраам замер. Яркие глаза мага скользнули на миг по нише писцов, встретились с его глазами. Почти одновременно вздохнули другие дипераны. Маздак обвел весь зал, рывком сдвинул тогу на груди. Тремя узлами на теле была повязана грубая веревка. Левая рука мага собрала воедино все узлы:

— Великое триединство Мазды — Добрая Мысль, Доброе Слово, Доброе Дело!.. Наша жажда света — только Мысль, наши гимны огню — только Слово. Где облекающее их Дело? Люди умирают с голоду — и полны наши хранилища. Холодны постели людей — и переполнены ленивыми женщинами наши гаремы. Лишь сытого единоверца кормим, такому же пресыщенному отдаем на ночь жену. И забываем, что кровь блекнет от

сытости и пресыщения так же, как от голода и воздержания. . .

— Зачем огонь в храмах, если тьма в душах! — Маздак круто повернулся к царской завесе. — Не пятую часть из хранилищ должны отсчитывать, потому что часть — всегда подаяние. Что отвратительней подаяния, которое погружает в ложь берущего и дающего? Пусть все ворота и запоры откроются, и в людях вспыхнет тогда первозданный свет Мазды! . .

Они уже не были одинаково неподвижны. Эранспахбед Зармихр выпятил нижнюю губу. Прищурившись, улыбнулся главный вазирг Шапур. Мобедан мобед покачивал головой на длинной шее. Великие исподтишка переглядывались. Поблекли серебряные зеркала в простенках, багровый отсвет от царской завесы падал на напряженные лица. . .

И никто из них не смотрел на Маздака, кроме двух или трех — из сословия артештаран. Древний старик в белой крестьянской одежде вдруг проснулся. Он даже приподнялся с круглой желтой подушки, стремясь разглядеть говорившего. И еще громадный кузнец в старом кожаном фартуке не сводил с мага Маздака спокойных глаз. . .

Загремели трубы.

ПОКЛОНЯЮЩИЙСЯ МАЗДЕ КАВАД, БОГ, ЦАРЬ ЦАРЕЙ АРИЙЦЕВ И НЕАРИЙЦЕВ, ИЗ РОДА БОГОВ, СЫН БОГА ПЕРОЗА, ЦАРЯ, СЛЫШАЛ ВАС, АРИЙСКИЕ СОСЛОВИЯ! . .

V

Легкие и светлые лампады горели в доме врача Бурзоя — сына Аудмихра. Летний розовый виноград и сыр — пендыр лежали на плоских блюдах. И два высоких остроколых кувшина прислонены были к стене возле стола. Они наливали, пили и ели, разговаривали и смеялись. . .

Артак с Вуником привели его сюда после царского совета. И врач Бурзой, седоватый умный перс, говорил ему «вы». Диперáны разных служб были тут от пятого до второго ряда: врачи, художники из царских мастерских, судьи-датвары и молодой арийский мобед, сбросивший свою хламиду при входе. Персы, сирийцы, иудеи не

различались. Пришло на мысль о новом Вавилоне, как называют на границе Ктесифон, и тут же забылось. Бурзой, хозяин дома, знал на память стихи о гречанке Елене, но не совсем так, как в книге, которую привезли из Нисибина. И художник по шелку Кашви из Гундишапура их знал, и молодой иудей Абба.

Вино было не той мерзкой влагой, которую хлебал Тыква. Оно приятно холодило язык, очищало и приподнимало мысли. Еще раз мир перевернулся в голове, но уже легко и просто. Артак не стесняясь прислонил пустое блюдо к уху, застучал, запел во все горло о тупом быке. Губы он грозно оттопыривал, как эранспахбед Зармихр. А диперан-финансист Евсей изобразил своего начальника эранамаркера Иегуду, когда с жугутской жадностью оттягивает тот время оттиска печати при денежных выдачах. Он и дулся, и почесывал за ухом, и шептал всякие иудейские слова. Абба и другие валились на подушки от смеха. Здесь все были свои и не было недоверия...

Об эрандиперпате Картире сказали, что хороший человек, лишь ухмылялись при этом. Оказывается, четырех жен по ученой скромности держал усатый старик. И взял пятую — молодую Фарангис из рода саксаганских царей, которая сразу заменила ему целый гарем. Говорят, несмотря на ученость, древний обычай чтит теперь долгоусый Картир: из всех своих ближних и дальних Спендиатов приглашает крепких молодцов в гости, чтобы оставлять на ночь. Есть, правда, слухи, что полных трех ночей с нею сам Бахрам Гур бы не выдержал. И еще говорят, что уже успокоилась она на постоянном госте — воителе Сиявуше из гилянских Испахпатов. Теперь жизнь старика размеренна и спокойна. Даже песня об этом есть. Артак снова стал отстукивать такт на блюде. Кабруй, царский музыкант, тронул струны чанга, запел. Речь шла о старом достойном дереве, взявшем под свою охрану прозрачный и душистый родник. Все было на месте, розы и тюльпаны цвели кругом. Не хватало лишь кого-то, кто пил бы из родника и выедал вокруг сладкую траву. И вот тот, которого недоставало, явился:

У родника, где так трава сладка,
Увидел я гилянского бычка...

Пусть вечно это дерево цветет!
Да будет сень его как небосвод!

Пусть вечно льется чистый родничок,
И пусть пасется рядом с ним бычок! [1]

Друг над другом смеялись легко и беспощадно. Разились вперемежку арийское упрямство, иудейская спесь, христианское велеречие, армянская страсть к соленому сыру. А заспорили сразу, как пересохшая трава вспыхивает от одной молнии. Маздак! ..

— Мысль и Слово — лишь атрибуты, не имеющие значения. Какая разница, чему поклоняться: арийскому огню, иудейской книге или гуннским камням. Это только различные формы стремления к правде. Чем, кроме шелухи, является форма? И что значит пустое стремление? Дело и есть правда. Для него не жаль формы, как бы красива она ни была. Природа создала людей равными, и следует вернуться к первозданной правде! ..

Так говорил Розбех, перс-датвар, и рука его под фиолетовым судейским плащом была сжата в кулак. Художник Кашви кивал головой, глаза Аббы горели черным иудейским огнем самоотречения. Противоречащих не было — спорили лишь о способах выражения мысли. На лицах у всех был отсвет тоги удивительного мага. Так казалось Аврааму...

Красная вода в реке и зарево вполнеба... Мертвые на улицах... Кровь на рубашке убитого раба... И большелобый человек в багровом тумане, выбрасывающий сжатую руку к царской завесе...

Снова заговорил Розбех... Слово поработило мир, наполнило его ложью. Кого насыщают наши молитвы, наши росписи и песни, наши расчеты движения планет? Лишь идущий за быком в поле правдив. Они, сеющие хлеб и кующие железо, должны править миром!

— Разве не нужен людям красивый рисунок на ткани? — возразил своим негромким голосом Бурзой. — А человек, рассчитавший плотину в Дизфуле, не накормил ли многих людей?

— Хлеб нужен людям, а не красота! .. Все мы, диперааны: судьи, лекари, астрологи и поэты — только рабы и прислужники богатых и пресыщенных. Разве не ложь — копировать формы и краски природы? Мы можем познавать сложные таинства чисел, составлять головоломные

---

[1] Гургани. Вис и Рамин. (Перевод С. Липкина.)

теоремы, блуждать мыслью в мирах, но чем заменим живого быка, впряженного в соху? . .

— А если когда-то позволит бог? — врач Бурзой не шутил. — Если мысль станет производить во много раз больше, чем руки?

— Мыслью не вспашешь поля!

— Доброе слово учит нравственности. . .

— От хлеба и женщины — нравственность! . .

Видно было, что спор давний. Розбех опрокидывал заслоны Бурзоя, обнажая его диперанскую трусость перед делом. Всякое насилие есть ложь. Но если совершается во имя справедливости, то становится угодным Мазде. Кашви, Артак, все остальные кивали головами. Абба бледнел, стискивая кулаки, в глазах его стояли слезы. Кабруй рванул струны, гордый прекрасный голос его наполнил комнату. Они подхватили. . .

Слон мчится вперед, сметая все на пути, и только ветер свистит в ушах вожатого-копьеносца. . . Старая солдатская песня, но слова совсем другие, необычные. Устремленная мысль, страсть, поэтическая мощь были в них. Могучее животное рушило стены дасткартов, втаптывало зло в землю, а впереди занималась светлая заря. . .

Это был его город. Огромный Ктесифон, бесконечные кубы и прямоугольники из камня и глины, миллионы каналов. Бесчисленными улицами и площадями синел он в ночи. Легкий теплый туман плыл из предрассветной черноты Тигра. Баг-Дад это был, Богом Данный город Кеев, вечная столица Востока. Великая и добрая сила скопления вер и языцей в его ложе. Воистину мировой город. Задворками тут же становились города и империи, теряя эту способность. Все книги Востока и Запада об этом. . .

Артак с Вуником окликнули из серой мглы. Он отвернул коня от темной громады Ктесифона, и рысью понеслись они к дасткарту Спендиатов. Ветер жизни, волнующий и радостный, пел в ушах голосом Кабруя. . .

Никак не мог уснуть он на своей лежанке в книгохранилище, хоть уже утро блекло в оконных щелях. Вспомнились ему приход с нисибийскими письмами сначала к родственнику Авелю бар-Хенанишо, а потом с ним вместе к самому мар Акакию — главному епископу христиан Востока. Торговыми делами в своем огромном складе был

занят Авель бар-Хенанишо, но принял Авраама по-доброму, дал серебра на расходы. Мар Акакий, желтолицый старик в суровой черной мантии, нехорошо дернул щекой, услыхав, что письмо от мар Бар-Саумы. Люди знали про размолвку между епископами. Ровным голосом объяснял мар Акакий обязанности члена общины, три или четыре раза напомнил, что тут они на виду у всего мира, а не где-нибудь в Нисибине. Ни одной службы не должен он пропускать... Вчера как раз была вечерняя служба, и Авраама снова на ней не было...

Заснул он на мгновение. Голос Кабруя подбросил его с лежанки, он схватился за перо. Чуть светлее стало за окнами, черными уступами выдвигались книги по стенам...

Нет, не с боевой песни Кабруя начал Авраам. Сначала записал он притчу о совах из времен царствования Бахрама Гура, которую рассказал вчера на Царском Совете главный вазирг Шапур, и легенду об Искандарии Македонском, что якобы тот был сыном арийского царя из дома Кеев. Вдруг заметил он, что пишет мерными двустишиями. Так было естественней на языке пехлеви, и он продолжал. Еще притчу о цыганах записал Авраам...

Ее рассказал позавчера голосистый Фархад-гусан. Все они снова сидели на казарменном дворе у хауза с водой, и Авраам подошел. Голозадый цыганенок Рам выплясывал перед ними, и солдаты смеялись. Вот тогда и сказал Фархад, откуда взялись на свете цыгане. Это Бахрам Гур пригласил их из Индии, чтобы в свободное время песнями и танцами забавляли земледельцев. Десять тысяч мужчин и женщин пришло оттуда, и каждому дал царь царей осла, по паре быков и зерно для посева. Разожгли сразу огромные костры цыгане и не встали с места, пока не съели всех быков и зерно. Рассердился Бахрам Гур, но по зрелому размышлению понял, что каждому следует заниматься своим делом. «Ослы-то хоть остались?» — спросил царь царей у цыган. Потом велел им погрузить поклажу, разделил их на четыре части и направил в четыре разные стороны: на Север, Юг, Восток и Запад. Так и бродят по миру теперь цыгане, потому что имел Бахрам Гур силу заклятия...

Только записав все это, взялся он за «Песню Красного Слона», которую пел Кабруй-хайям... Хайям или хоам. «Вино Жизни» это значит по-арийски. Напиток самого бога, которым причащаются зороастрийцы при своем служении огню. Поэтов тоже называют этим именем, если сладки, мудры и пьянящи их стихи.

Хайям! Лехайм! Хайль! Хай! Хей!.. На всех языках, божьих и варварских, — это жизнь, здравица. Что-то роднило людей когда-то...

VI

Маленькая рука ее была, как всегда, холодной. И молчала она обычно. Даже имя свое — Мушкданэ не произнесла ни разу. «Мускусное зернышко» — означало оно. На следующий день после посещения дома врача Бурзоя остановил он дочку управляющего садом Михробазеда, бегущую с блюдом желтых слив на голове. Она без удивления посмотрела на него, повернула голову с блюдом в ту сторону, куда он показал, и побежала дальше. А вечером пришла. Он сразу взял ее за руку и удивился, что она холодная...

Каждый вечер стояли они у стены, там, где лазил цыганенок Рам. Авраам брал ее за руку, а она смотрела в темноту, куда-то поверх стены. Он начинал говорить, спрашивал ее, а она молчала. И Авраам не знал, что ему дальше делать...

Отблески светильников из узких окон библиотеки рассыпались по листьям деревьев, громадная персидская бабочка крутилась в прямоугольнике света. Сегодня снова был здесь великий маг Маздак, а с ним Сиявуш со Светлолицым, Розбех, еще какие-то люди. Каждый день приезжали они в дасткарт. Стражу без знаков на одежде выставляли теперь во всех проходах и даже на дороге...

Эрандиперпат Картир велел однажды позвать его. Им понадобилась старая ромейская книга, в которой со слов грека Платона пояснялось существо мира. Темной пещерой видел Платон этот мир, на стене которой двигались кривляющиеся, перевернутые тени другого, настоящего, мира.

Сладкий дымок от звериной курильницы окутывал библиотечный зал. Все сидели полукругом на туго скатанных подушках. На ковре стояли кувшины с цветочной

водой. Лишь Светлолицый сидел у столика для арийской игры, а маг Маздак стоял, чуть расставив ноги под красной тогой. Светлолицый с удивлением посмотрел на Авраама и кивнул — одними глазами.

И опять широко открытые глаза мага изучающе остановились на нем, когда он протянул найденную книгу. Ничего призывного, приказывающего, убеждающего не было в его взгляде, но Авраам уже знал, что если этот человек сделает знак, то он бросится в пламя. И не только он. Авраам видел уже на площади перед храмом, как дрогнули вдруг тысячи людей. Даже у тех, кто умирал от голода, появились силы встать. Из последних сил ползли они к Маздаку. И стон стоял: «О-о-о! . .»

Заспорили о логических фигурах, ссылаясь на книги, которых он не знал. А Маздак все стоял, и видны были его расставленные ноги в остроносых персидских туфлях. Легкая улыбка была в уголках его рта, но слушал он внимательно. И лишь потом короткой фразой остановил спорящих. . . Нет, Высшая Сила, безусловно, есть. Это бог, природа или материя — назовите, как хотите. Четыре силы в нем: способность Различения противоположностей, покоряющая время Память, не дающая терять равновесие Мудрость и, наконец, Радость удовлетворения, к которой стремится все живое. Эти четыре понятия управляют миром путем семи сущностей: Власть, Управление, Хранение, Исполнение, Разумение, Рассуждение, Служение. А семь вращаются по извечному кругу двенадцати действий: произносить, давать, брать, нести, питаться, двигаться, пасти, сеять, бить, приходить, уходить, пребывать твердым. Соединение этих Четырех сил с Семью и через них с Двенадцатью и есть свет правды. Так что у платоников с их пещерой имеется зерно истины, ибо свет этот действительно попадает в наш мир через узкую щель, преломляясь и искажаясь. Но законы света тверды и извечны, в то время как тьма случайна и все равно будет побеждена. Этого не знал Платон. Наша задача — осветить пещеру до последних ее уголков! . .

Авраам вдруг понял необычную силу великого мага. Ясные серые глаза под огромным лбом не ведали сомнения. И людей освобождали от него, давая им чистую веру. Да, «Четыре» через «Семь» и «Двенадцать». И свет, разгоняющий тьму. Это была та правда, которую ждали на площадях. . .

———

Листья померкли, света больше не было. Простучали копыта за стеной. К ночи они всегда уезжали: Маздак, Светлолицый и другие. Потом быстро, сверху донизу засеребрились сразу все деревья. Луна стремительно двигалась по краю крыши. Авраам привычно сжал маленькую руку: «Мушкданэ!» И вздохнул: рука была холодной, глаза ее не мигали. . .

Жаркая волна вдруг прилила к сердцу. Все напряглось в нем. Он уже видел здесь ее, Белую Фарангис, когда все уезжали. И ждал. . .

Так близко ее еще не было. С полуспущенным покрывалом остановилась она в шаге от них. Цвета луны были ее лицо и изогнутая шея, черный провал был вместо губ. Даже частое тревожное дыхание слышал он и чувствовал, как напрягается и опадает светлый шелк на ее груди. Она не видела их, его и дочку садовника Мушкданэ, стоящих вплотную к стволу платана. . .

Он ничего не понял вначале. Просто Белая Фарангис перестала дышать, вся подавшись вперед. Рот ее открылся в беззвучном крике ожидания. Лишь потом, через некоторое время, послышались твердые шаги. Сиявуш подошел в отброшенном за спину плаще, и все тело ее со стоном приникло к нему. Покрывало сползло, упав краем на землю, и ничего больше не было под ним. . .

Рука Сиявуша двигалась, темнела на светлых бедрах. . . Не выпуская его, зажав в зубах покрывало, повела она высокого Сиявуша. Там была малая калитка в стене на женскую половину сада.

— Мушкданэ! . .

Авраам стиснул холодную руку, взял девочку выше — за локоть, за плечо. Оно было совсем худое и тоже холодное, глаза ее не мигали. Он подержал ее еще немного, отпустил. И она ушла домой, на задний двор досткарта. . .

Боясь наступить на сухую ветку, подошел Авраам к самой калитке. Маленьким квадратом темнела она в стене, а за ней было тихо. Он долго стоял, неистово прислушиваясь, потом пошел к себе, в книгохранилище. На повороте в главный коридор пришлось отступить в нишу. Эрандиперпат Картир с большим свитком в руке прошел мимо него медленным размеренным шагом. Раб с факелом освещал ему дорогу. . . Знает или не знает старик, что воитель Сиявуш у его жены Фарангис? По

древним арийским законам лучшая женщина дома — гостю, но кто соблюдает их? Перс Курт в Нисибине, увидев со своей молодой женой приехавшего брата, не дал им встать — так и приколол, как застал, к ковру одним кинжалом. Здесь все знают о Фарангис и Сиявуше, а в городе поют...

Яркий белый свет лился в узкие щели окон, Авраам не мог уснуть. Постель была какая-то влажная, невыносимая. Он встал, сбросил кошму, лег горячим телом на доски...

VII

Эрандиперпат Картир позвал его к себе. Теперь Авраам часто выполнял его поручения по царской переписке с ромеями. Но главная его работа была все та же — кратко излагать день за днем, что делается в государстве персов. И еще переданы были ему записки всех царских диперанов-хронологов, которые были до него, папирусные свитки во много локтей длины, потемневшие пергаменты, книги ромеев и арамеев. Историю династии предстояло ему составить. Полным хозяином библиотеки он стал и целыми днями от зари до зари копался в ней. Ему уже представлялась будущая книга...

Эран, Ариана, Страна арийцев... Кеи — извечно предопределенные ей и миру цари... Не случайно у всех земных владык есть в термине этот знак — «кей». Каганы, конунги, кениги, князи, короли, кинги, кесари. Так, вопреки ромеям, утверждают ученые персы. И эта династия — лишь продолжение древней кеевой крови.

Тысячу лет назад начались цари Ахеменидского дома из Фарса. Киры, Дарии, Ксерксы — они воевали с туранцами, вавилонскими и египетскими царями, ромеями-греками и ромеями-латинянами, от Китая до Карфагена клонилось все перед ними. Конец им положил Александр Великий, которого персы называют Двурогим и числят своим Кеем, хотя был он из ромейской страны Македонии. Те, что видели, говорят, что на фарсанг лежат развалины, которые оставил он от Кеевой столицы Персеполиса в Истахре...

Пятьсот лет после этого правили арийцами парфянские цари вкупе с наследниками Искандария. Они тоже считались Кеями, но по побочным линиям. Родственники

эрандиперпата Картира — Спендиаты были кровно связаны с парфянами, и в его родовом книгохранилище нашел Авраам старый свиток с изложением событий, случившихся в правление Аршакидов — парфянских владетелей.

Но подлинные Кеи чистой царской крови по-прежнему обитали в Фарсе, где вечно горит их огонь. И когда пришло время, великий маг Сасан зажег скрытый до тех пор от глаз людей божественный фарр над головой своего внука Арташира — сына Папака. Это случилось два с половиной века назад — в 224 году по христианскому счислению. В битве при Ормиздакане Арташир собственной рукой убил парфянского царя Артабана, забрал у него родовую корону Кеев и дочь его взял себе в жены. По имени прародителя Сасана и называется династия...

Тогда же, при Арташире, начали записываться его деяния, а потом деяния его внуков и правнуков — Сасанидов. Их, эти записи, следует лишь привести в порядок, отделить зерна от плевел, изложить достойно и красочно на языках пехлеви, арамейском и ромейско-греческом. Авраам уже на память знал всех царей и великих до сегодняшнего дня, одержанные победы, построенные и разрушенные города...

Был Шапур Великий после своего отца Арташира. Он взял в плен римского императора Валериана вместе со всем войском, превратил в рабов пленных ромеев и заставил их строить плотину на реке Карун при Дизфуле. Так и называется она теперь — «Плотиной кесаря». При Шапуре проповедовал пророк Мани, призвавший все веры к братству, а людей — к очищению от зла. Огнепоклонники, христиане, иудеи — все тогда склонялись к манихейству, и царь царей поощрял их. Но потом пророка заключили в темницу, а по смерти Шапура — казнили...

Множество было царей после Шапура Великого. Не подолгу правили они, ибо многочисленные братья свергали друг друга. По старым арийским законам не должен иметь каких-либо телесных уродств царь царей, чтобы не окривели и мысли его. Когда человек крепок, прям и строен, с красивым лицом, острым зрением и мощной мужской плотью — не будет злобы в его душе. Потому издревле завещано лишь выкалывать глаза царю при свержении. Слепой остается Кеем, но уже не допускается

к правлению. И делается это в круглой черной яме посредине Царского Совета...

А случалось, чуть не век сидел на троне царь царей, как произошло это с Шапуром Вторым. Младенцем возвели его, и семьдесят лет правил он Эраншахром. При нем были неоднократно отбиты туранцы, отвоевана почти вся Армения и Нисибин — город, который на границе, тоже перешел к персам. Горе обрушилось в его правление на христиан, потому что не любил их Шапур Второй. Записаны тогдашним дипераном-хронологом его слова: «Они живут на моей земле, а смотрят в сторону кей-саря, врага моего!»

Зато Ездигерд Первый, внук его, открыл свое сердце христианам. Иудейку из дома экзиларха взял он себе в жены, принял из Константинополя малолетнего кесаря Феодосия на воспитание, разрешил собрать в Селевкии Собор христиан Востока. Во всем уравнял он христиан и иудеев с огнепоклонниками, и построены при нем в Эраншахре многочисленные церкви. За это прозвали его арийские маги базагаром — грешником. И ничего не говорится в диперанских записях, как умер он на двадцать первом году царствования. Рассказывается лишь там, что поехал царь царей охотиться в Гурган — Страну Волков. Дивный белый конь выскочил из священного источника и ударил его копытом в сердце...

Когда старший сын Ездигерда Первого приехал в Ктесифон, чтобы наследовать отцу, его лишили жизни. А царем царей был объявлен Хосрой — тоже Кей-Сасанид, но не от племени Ездигерда Первого...

Зато второй сын царя-безбожника от иудейки, Бахрам, с малолетства воспитывался у благородных хирских арабов, которые считали его своим и никого не допускали к нему. Вместе с ним ворвались они в Ктесифон, но Бахрам не стал выкалывать глаза своему брату Хосрою. Просто предложил он снять цепи с громадных диких львов по обеим сторонам короны Сасанидов и сказал, чтобы Хосрой садился на престол. Когда тот отказался, Бахрам спокойно перешагнул через рычащих львов и сел сам...

Ни про одного из арийских царей нет столько рассказов. Еще мальчиком в Нисибине слышал их во множестве Авраам. Это он, Бахрам Пятый, нашел волшебный клад Джамшида и роздал среди бедных. Сильным и великим

не давал он власти над дехканами и земледельцами, воевал с заколдованными львами, волками, драконами. И лжи не терпел этот царь: простого водоноса Ламбака щедро одарил за гостеприимство и наказал за жадность еврея Барахама. Еще про царя и цыган есть рассказ...

Имелась у него слабость: ни одной женщины, будь то девица или замужняя, не мог пропустить царь царей, чтобы не насладиться ею. Потому и прозвали его Гуром, то есть онагром, диким ослом. Говорят, и умер он от плотского истощения. Но все прощается ему в сказаниях — арийских и неарийских. В христианских горных селениях Тавра и Кавказа, по ту и эту сторону границы, рисуют его на стенах церквей. Гиваргис-Победоносец называют его там. Верхом на белом коне колет он змия, и фарр — святое сияние изображается над его головой...

А ведь при нем, как известно, снова начались христианские погромы в Эраншахре и продолжались при сыне его Ездигерде Втором. Только все говорят, что злобствовал против христиан не царь царей, а его вазирг Михр-Нарсе Спендиат — дед длинноусого эрандиперпата Картира...

Смутное время началось потом в Эраншахре. Снова дрались за власть друг с другом царские сыновья, а страной правила их мать — царица Денак, вдова Ездигерда Второго. По всему миру разошлись белокаменные геммы с изображением ее прекрасного лица, которые выделывались знаменитыми мастерами Ктесифона...

Убив брата, сел на престол ее сын Пероз. Туранских белых гуннов призвал он к себе на помощь против брата, а потом всю жизнь воевал с ними. Когда туранцы взяли его в плен, то царь царей оставил им в залог сына Кавада, который правит сейчас Эраншахром. А потом снова пошел Пероз войной на них и пропал в пустыне со всем войском.

И не сразу стал после отца править Кавад. Сначала сидел на троне Валарш — брат Пероза, пока не выкололи ему глаза. Сделали это, объединившись, вазирг Шапур и эранспахбед Зармихр, которые враждуют всегда на Царском Совете...

Все досконально записывали диперaны: про то, как Бык-Зармихр топтал слонами кавказские селения; про голод, который приходил в Эран, а царь царей Пероз, и за ним Валарш силой открывали зернохранилища у вели-

ких; про туранцев, что не оставляли в покое границы Эраншахра; про ромеев, что бунтуют исподтишка христианские Армению и Картли, натравливают гуннов из-за гор Кавказа; про персидских христиан, которые, невзирая на церковный раскол, тянутся душой к ромеям...

Зачем же позвал его эрандиперпат Картир?.. Усы у старика были крашеные, цвета темной бронзы, и тяжело обвисали по обе стороны широкого подбородка. Здесь, в зале для раздумий, тоже стояли по стенам книги и плиты с древними письменами. Солнечный зайчик, попавший сюда из окна под потолком, казался чужим.

— Отец твой — перс...

Старик не спрашивал, не утверждал, а просто говорил сам с собой. Авраама словно бы и не было здесь. Но слова относились к нему...

Долго молчал потом эрандиперпат, а Авраам думал о себе. Кто же он такой, если родился в ромейской Эдессе и жил потом в Нисибине — городе на границе? Близки ли ему эти люди, поклоняющиеся Огню? «В тебе огонь, — говорил ему недавно один старый перс. — Заткни крепко пальцами уши и послушай, как он горит!» Смешное доказательство для тех, кто читал трактаты ромейских врачей...

Старик заговорил — глухо, размеренно, без подъемов и опусканий голоса... Помнит он, как Авраам записывал песню, когда плыли сюда из Нисибина. И знает про то, что персидские притчи собирает Авраам. Нужно будет собрать их все до единой и вписать в историю арийских владык. Но далеки друг от друга сказки и история...

И сколько их, этих притч!.. В Нисибине слышал Авраам бесчисленное количество сказаний о древнем воителе Ростаме, который одевался в тигровую шкуру и взял себе имя «Сделанный из железа» — Тахамтан... И еще был «Сделанный из меди» — Руинтан, как назвал себя другой мифический воитель — Исфандиар... Великое множество сподвижников имелось у них. Огнедышащих драконов побеждали они, летали на коврах-самолетах, просыпались после смерти от живой воды... И куда определить в такой книге сказание о цыганах или о водоносе Ламбаке? Как разделить в ней правду и вымысел?..

А эрандиперпат встал, постоял и положил вдруг руку ему на голову. Тяжелая безжизненная ладонь была больше всей головы Авраама. Наверно, такие руки были и у деда его — вазирга Михр-Нарсе, который громил христиан...

Авраам поднял глаза. Неизреченная грусть стыла в безразличном взгляде эрандиперпата Картира. Такую грусть уже видел Авраам у людей, прочитавших много книг. Интересно, какой взгляд был у гонителя Михр-Нарсе?.. Эрандиперпат снял руку с головы Авраама, отпуская его. Но когда Авраам был уже у выхода, старик тихо спросил:

— Почему ты ночами ходишь в саду?..

Откуда знает он про это?.. Видно, доносит ему все надзиратель над рабами, плосколицый Мардан. Тот с первого взгляда невзлюбил Авраама, и тупые водянистые глаза его с настойчивой внимательностью следили за ним. Мушкданэ, дочка садовника, рассказывала Аврааму, что больно щиплет ее за тело Мардан, когда встречает в темном коридоре... А может быть, и про Белую Фарангис с Сиявушем рассказывает старику надзиратель?!..

— Иди, диперан...

Все такой же тихий был голос у эрандиперпата Картира.

VIII

Споры продолжались в доме Бурзоя. Розбех, близкий Маздаку человек, был датвар, разрешающий судебные тяжбы между огнепоклонниками. И говорил он четко, резко, не принимая возражений:

— Не только на сытых и голодных, на пресыщенных и лишенных женского лона разделен сейчас Эраншахр. Разве не знаете, что, когда дехканы и люди — вастриошан требуют у великих хлеба и справедливости, те гасят их страсти кровью иноверцев. Убив кого-нибудь, человек удовлетворяет свою бунтующую плоть!..

Да, они знали, ибо чуть ли не половина диперанов были христиане, иудеи, индусы. И в городах Эраншахра жило две трети инородцев. Как обычно, в Гундишапуре и самом Ктесифоне некоторые мобеды уже призвали арийцев к христианскому побоищу. Но Маздак и идущие

с ним принимали к себе всех, по примеру пророка Мани. И не произошло погромов, ибо на самом деле нет людей, лучше арийцев относящихся к иноверцам.

— Надолго ли хватит людского согласия? — возразил, как всегда, Бурзой.

— Навсегда оно! — ответил Розбех.

Авраам огляделся. Все они были с Розбехом, разноплеменные диперaны первых трех рядов: Артак, Вуник, Кабруйхайям, Абба, Лев-Разумник...

Многих из них Авраам уже знал. Несколько раз бывал он в доме Артака, потомственного диперана. Старый перс, дед Артака, и предложил ему заткнуть пальцами уши, чтобы услышать горящий внутри человека огонь. К маздакитам старый диперан был враждебен и считал спасителем Эраншахра Быка-Зармихра. Даже сейчас, уйдя давным-давно с царской службы, носил он форменную шапку с выцветшим полем и куртку с нашитыми крыльями — знаком царя царей. Артак смеялся, слушая его, а старик негодовал.

— Правильно предречен был тысячу лет назад конец Эраншахру! — шипел он, моргая красными веками. — Время пришло, если сословия перемешиваются, а мобеды потворствуют греху!..

Другой диперан — Вуник был из рода мятежных армян, которых сорок лет назад переселили в Ктесифон из Нисибина и других пограничных с ромеями селений, чтобы не сносились с лазутчиками кесаря. Вуник-Нисибиец поэтому называли его, что означает «Вуник с границы». Отец Вуника был чеканщиком по серебру. Тонким молоточком выбивал он большие красивые блюда с птицей Симург и танцующими женщинами, которые продавались потом во все страны света.

Сошелся Авраам и с маленьким горячим иудеем Аббой. А тенью Аббы был Лев-Разумник, вместилище неизреченной глупости. Звали его Махой, и только за тупость получил он свое прозвище. И еще среди иудеев звался он «тысячником». По преданию, когда господь бог создал свой народ избранный, то велел пройти ему перед собой. У девятисот девяноста девяти евреев отбирал бог глупость и всю ее без остатка отдавал тысячному...

В первое же знакомство Лев-Разумник крепко взялся за шнуровку куртки Авраама, приблизил к самому его лицу свои выкаченные глаза и принялся объяснять смысл

правды Маздака. Маленького Аббу передернуло, и он грубо оборвал его. Так случалось всякий раз, но Лев-Разумник вечно ходил за Аббой и значительно поднимал палец вверх, когда тот говорил. Может быть, потому, что был Абба из дома самого экзиларха иудеев Ктесифона и Междуречья...

Абба беспощадно определял требования к своей общине. Раздача среди неимущих всего того, что на складах у торгующих, раздел земли и воды, а также рабов...

— Вы посмотрите на нашего Хисду бен Арика! — гневно говорил он. — У него земли — другого конца не увидишь. И вся эта земля вдоль канала: пить ему можно с утра до вечера, уж поверьте мне. И двадцать рабов варят у него черное вавилонское пиво, которое продают на всех базарах до самого моря. На одном этом он зарабатывает тысячи. А с бедняков-евреев, которым сдает землю, сдирает половину выращенного. Или Иошуа бен Гуна, виноторговец. Кроме вина он отправляет в Карку ежегодно по десять тайяров изюма. А что делать тому, кто сажает и поливает виноградную лозу? И лучше ли поступают торгующие, такие, как мой высокий дядя?!..

Авраам был у маленького Аббы. Тут они свободно ходили друг к другу: христиане, иудеи, огнепоклонники.

— Ты не знаешь, что такое наши евреи,— сказал Абба по дороге с раздражением и как будто стесняясь. — Эта мелочная иудейская спесь, вечная грызня о достойном месте в синагоге, глубокомысленные споры по какой-нибудь букве в книге. О, эта тупая вера в книгу! Если в книге написано, что дождь, то пусть камни плавятся от солнца — еврей закутается в плащ. И самое страшное, что ему будет хорошо. Силой воображения он выживет...

На царской половине Ктесифона стоял дом экзиларха. Там же был и дом епископа мар Акакия, к которому приходил Авраам сразу по приезде из Нисибина. И церковь с синагогой стояли напротив. Говорили, что спор издавна шел между ними, чья крыша выше, а гонитель христиан и иудеев — вазирг Михр-Нарсе хорошо пополнил когда-то свою и царскую казну. За каждый разрешенный вверх ряд кирпича он брал с той и другой общины столько же серебра по весу, пока раввин с епископом сами не договорились оставить соревнование...

В передней половине огромного дома экзиларха все крылось хорасанскими и согдийскими коврами, сияло

арийской бронзой. Сзади было проще: один большой столовый зал и длинный дубовый стол на добрых полторы сотни человек. Такой же струганый стол для единоверцев-сотрапезников видел Авраам и у епископа.

На Аббу в доме смотрели ласково, а он покрикивал на всех. Даже своим братом Вениамином помыкал, и тот послушно все исполнял. Широколицего крепкого Вениамина Авраам встречал на торговом дворе у своего родственника Авеля бар-Хенанишо, который водил караваны и имел общее дело с экзилархом...

К Аврааму в доме экзиларха сразу подсел худой разговорчивый старик в потертой ермолке. Он тут же сообщил, что Абба не просто какой-нибудь там Абба, хоть он царский диперан и такой ученый человек. Абба — это прямой росток дома Давидова, потомок того самого царя Давида, настоящего помазанника божьего, а не какого-нибудь...

Тут старик посмотрел на диперанскую куртку Авраама и сам себе закрыл ладонью рот. Но слова прорвались и опять потекли, потому что молчать старик просто не мог, и руки его летали, как взбудораженные ночные птицы при свете дня... Рав-Кагана был экзиларх, потом мар Гуна, брат его. А после него стал экзилархом евреев Эраншахра другой Рав-Гуна, сын Рав-Каганы по закону, ибо был от прямого ствола Давида. А жена Рав-Гуны была дочерью главы академии в Вавилоне — ученейшего Рав-Ханины. Понимаете?..

Авраам поспешно кивнул головой.

...Только однажды пошел судья экзиларха в Вавилон, чтобы устроить чтение по спорным вопросам талмуда, но не допустил его Рав-Ханина. И вызвал тогда экзиларх этого Рав-Ханину в Махозу, как называют евреи Ктесифон, и велел стоять ему день и ночь у Западных ворот. Приказал экзиларх, и вырвали все волосы бороды его; и приказал не давать ему пристанища. Пошел Рав-Ханина, сел в большой синагоге Махозы и плакал; наполнилась чаша слезами, и выпил он ее. И в тот же час случилась смерть в доме экзиларха: все умерли в одну ночь. Остался только вот этот самый Абба в чреве матери его. Понимаете?..

Опять пришлось кивнуть.

...И уснул тогда в синагоге Рав-Ханина, глава академии, и увидел он во сне, что зашел в сад кедровый, взял

топор и срубил все кедры, которые были в нем. Остался лишь один кедр маленький под землей. И поднял он топор, чтобы срубить его, как вдруг появился красный старец и сказал ему в гневе: «Я — Давид, царь Израиля, и этот сад — мой сад. Ты, что надо тебе было в нем, зачем срубил ты его?» Ударил его старец, и повернулось его лицо назад. Проснулся академик Рав-Ханина и видит свою спину. Спросил он тогда своих ученых Рав-Сама и Рав-Исаака: «Остался ли из дома Давидова хоть один?» Ответили ему: «Не остался из них ни один, кроме дочери твоей, которая беременна». Пошел Рав-Ханина и стерег у дверей ее в дождь и солнце, пока родила она мальчика...

— А Вениамин? — не удержался Авраам.

— От ветки лишь, а не от ствола Вениамин! — отмахнулся старик. — Так вот, как родила она, выпрямилось лицо Рав-Ханины. А экзилархом, когда вымер дом Давидов, стал Рав-Пахда, зять покойного Рав-Гуны, давший много денег царю царей и вазиргу персов. Только ненадолго: божья муха влетела ему в ноздрю — опух и умер. И стал тогда законным экзилархом мар Зутра наш, брат покойного Рав-Гуны, и Аббу малолетнего взял в дом свой от Рав-Ханины, из Вавилона...

— Так он тоже из дома Давидова — экзиларх мар Зутра? — заинтересовался Авраам.

— Да, но лишь от ветки, — пояснил старик. — И всем, кто из дома Давидова, показывается в какой-то день столб огненный, и они могут идти с ним на врагов, обращая в пепел...

Авраам заглянул в глаза старика. Они восторженно сияли, и не было силы, которая могла бы убить этот безумный блеск. Уходивший зачем-то Абба еле смог оторвать его от Авраама.

— Про столб он говорил? — спросил Абба.

— Говорил...

— Ну, вот видишь!..

Абба опустил черную курчавую голову. Аврааму стало жаль друга, и он положил на его руку свою. Так они сидели долго...

С самим экзилархом мар Зутрой, который вместе с Авелем бар-Хенанишо содержал большое торговое подворье, разговаривал Авраам. Он пришел в очередной

раз к своему родственнику и увидел большого иудея с густой бородой вкруг всего лица. Холодные темные глаза были у него и властные движения. Авель бар-Хенанишо, приходившийся троюродным дядей Аврааму, собирался как раз с бесчисленным караваном в далекий путь. Гремя колокольчиками, один за другим выходили из высоких каменных ворот верблюды, груженные кавказским чеканным серебром, бронзой, слоновой костью из страны эфиопов, светлой ромейской шерстью. Хирские всадники умчались вперед, расчищая дорогу. Где-то в Мерве, на краю Хорасана, охрану примут у них туранские кайсаки, в далекой Согдиане на смену придет китайская стража, с которой и войдут они в пределы Поднебесной империи. И обратный путь предстоит им такой же, на полгода, через пески и пропасти, только будут гружены верблюды шелком да еще нежной голубой посудой, которую так любят ромеи.

Молчалив и неприступен был Авель бар-Хенанишо, соблюдавший все праздники Христовы и никогда не снимавший с шеи тяжелый деревянный крест. Дав обычно Аврааму положенное от себя серебро и постояв с ним недолго, снова углублялся он в расчеты. Аврааму скучно было слушать его бесконечный разговор с мар Зутрой. Скупо и негромко роняли они арамейские слова, и почти всегда это были цифры. Не было у Авраама родственной близости к этому человеку...

Рядом они стояли: высокий, сухощавый дядя его Авель бар-Хенанишо и большой важный экзиларх мар Зутра. Когда последний верблюд вышел из ворот и начал удаляться от них, показывая широкие белые ступни, Авель бар-Хенанишо повернулся к иудейскому экзиларху, и молча прижались они друг к другу лицами. Край деревянного креста торчал, запутанный в их бородах...

Постояв так с мар Зутрой, дядя повернулся, неспешно влез на большого рыжего коня и поехал не оглядываясь. Улица от торговой площади шла прямо к Восточным воротам. Мар Зутра неотрывно смотрел вслед уходящему каравану и вдруг заговорил негромким ясным голосом:

— Большой и достойный человек ваш дядя бар-Хенанишо...

По словам его выходило, что торговое занятие — главное дело в этом мире, ибо все человеческие чувства рождаются при таком общении. Обмен плодами трудов чело-

веческих — основа всего, потому что нет уз более крепких, чем вещественные. Война и мир на земле зависят от них. Чем больше ромейских торговых людей входит в их дело, тем дальше отодвигается война с кесарем. А чем большую прибыль получают от их дела торговые люди в Согдиане, тем спокойнее на туранских рубежах. Разве испокон века все войны с ромеями были не потому, что персы рвались к морям — Красному, Черному и Средиземному, чтобы стать на торговых путях. Находящийся в круге этого общения между народами всегда процветает — нравственно и государственно. Как только обрубаются эти питающие артерии, страна и народ вянут, дичают и быстро уходят из истории. . .

Это было необычно для Авраама. Значит, не цари, стратиги, мобеды, а производящие и торгующие — суть истории? Что же тогда означает воитель Ростам с его подвигами? . . Так или иначе, Аврааму было приятно, что экзиларх говорил с ним как с равным и понимающим

Человек сорок обедало у экзиларха: какие-то старики, старухи, бесчисленные родственники и множество детей — те, что постарше, ели со взрослыми, а маленькие — на другой половине стола, с женщинами. Неистовый шум, плач, смех и восклицания неслись оттуда, но никто и бровью не повел. Обед был скупой, с положенными для иудеев и христиан запретами. Мар Зутра, великий экзиларх, имеющий доступ к самому царю царей, сидел молчаливый и важный во главе стола. Только раз уловил Авраам, как потеплели его холодные глаза, когда посмотрел он на своего племянника Аббу. . .

IX

При свете солнца увидел он Белую Фарангис. . . Замерли и опустили глаза азаты. Стихли за стеной шумливые рабы, собиравшие оливки. И сразу вдруг перестали пахнуть цветы. Она шла той же дорогой, что и ночью, закутанная в светлое шелковое покрывало, и только часть лица и еще узкая белая рука с зелеными и золотыми камнями на пальцах отданы были солнцу.

Авраам стоял неподвижно у дерева. Она прошла мимо, не видя его, как и при луне. Все было у нее ноч-

ное — необычный профиль, прозрачная, словно из теплого льда, белизна, как на фарфоре нарисованные губы. И лишь глаза, зелено-золотые, продолговатые, отражали день. Радость, печаль, ожидание счастья светились в них открыто, перемешанные с чистым небом и разноцветной перевернутой землей.

Она стояла перед воротами, и Авраам боялся двинуться с места, чтобы не переступить ее дорогу. Потом Белая Фарангис пошла обратно, и опять грозным туманом из старых арийских сказаний повеяло на него. Квадрат в желтой стене погасил белую тень. Подняли глаза азаты у себя на дворе, зашумели собиратели оливок, жарко, ошеломляюще запахли гигантские ктесифонские розы. Целая река их росла между высокими окнами дворца и стеной. . .

А ночью он снова мучительно ждал с нею воителя Сиявуша. И когда приходил Сиявуш, он горел с нею вместе, бессмысленно сжимая постороннюю руку дочки садовника. . .

Артак и Кабруй-хайям взяли его с собой. Персидские овальные хлебцы имелись у них, сыр, халва и яблоки, потому что голод был в Ктесифоне. И еще певец Кабруй-хайям тащил на плече здоровенный кувшин с крепким вавилонским вином, которое везут из Междуречья иудеи. Лошадей не седлали, ибо сразу за Южными воротами был храм Источника. Жрицы жили при нем, в специальном поселке. . .

Они голодные были, эти женщины. Как только отыскали в вечерней полутьме нужную калитку и зашли в пустую, устланную камышом комнату, появились жрицы. Они заходили неслышно и садились от порога у стены. Главная среди них приняла у Артака и молча раздала им еду. Женщины тихо и быстро ели, потом запили еду вином, передавая друг другу чашу. Так же неслышно ушли они. Остались лишь трое. . .

Пока они ели, главная жрица, знавшая диперанов, рассказывала Артаку о делах храма. Почти никто не приходит сейчас с приношением плодотворящей богине. Пятьдесят молодых и крепких жриц было здесь раньше для танцев и удовлетворения мужской необходимости. Остались лишь те, которых они видели. . .

Залив принесенным ими маслом громадный бронзо-

вый факел, она зажгла его от скудно мерцавшей лампады. Буйный огонь осветил раскрашенные стены, убрал тени с женских лиц. У всех были широкой линией нарисованы брови. И подкрашенные глаза казались одинаково большими и черными. Покрывала, не в пример обычным женщинам, ограждали лишь плечи и часть груди...

Теперь все, что осталось из еды и питья, составили на коврик с расшитыми плодами. Разговаривали все громче, и женщины серебристо смеялись, взглядывая почему-то всякий раз на Авраама.

— О, ты красивый, христианин Авраам! — сказала ему главная жрица.

Он ощутил, как горячая кровь прилила к лицу. На него смотрели уже из-под белых покрывал на улицах. В доме Артака круглолицая сестра диперана все жалась к Аврааму, когда приходилось помогать ей таскать по лестнице на крышу персики для сушки. Сам Артак собирал с дедом плоды с веток в саду. Она говорила, что ей страшно, вскрикивала всякий раз и просила поддержать. Он осторожно придерживал ее снизу, а она валилась всей тяжестью... И на торговом подворье у дяди перебирающие коконы арамейки смеялись, звали его к себе... Потом, лежа на досках, он стискивал руки и представлял, как надо было делать это с сестрой Артака. И на торговом подворье был совсем темный склад со старыми мешками...

Авраам почти не пил. Он шел сюда, взволнованный тем, что предстояло изведать, и знал, зачем несут они с собой еду и питье. Но когда увидел утоляющих голод женщин, смутился...

А товарищи пили и тянули руки к женщинам. Вина было еще много. Главная жрица села, ровно вытянув ноги, поставила между ними трехугольную арфу и заиграла. Чудный голос Кабруй-хайяма наполнил комнату. Это была песня парфянского воителя Рамина, обращенная к луноликой царице Вис. Ласковая, томительная мелодия растворяла мысли, убирала настоящее, звала к мучительному счастью.

Я от желанья изнемог, гляди;
Прижми меня к серебряной груди...

Все три женщины поднялись, взяли каждая в правую руку триконечный светильник и в левую — кубок с вином.

Одинаково наклонившись, зажгли они от факела свои светильники, отпустили покрывала с плеч и плавно задвигались, раскачиваясь телом. Сначала только чуть наполнялось бедрами белое полотно. Потом все шире стали разводиться круги, все мятежней заходило оно толчками. Медленно, почти незаметно сползали покрывала, обнажались розовые груди с торчащими сосками, чуть видимые ребра, живот. И вот лишь на раскачивающихся кругами бедрах задержались слабые куски материи...

А бедра вырывались, вздрагивали в мучительном нетерпении, стремясь окончательно сбросить мешающую ткань. Казалось, это делалось отдельно от женщин, которые по-прежнему неподвижно держали светильники и кубки. Ровно горел их огонь, и не пролилось ни капли вина...

Оборвал на полуслове песню и протянул к одной руки Кабруй-хайям. Выпив все вино из ее кубка и единым вздохом задув светильник, он поднял ее покрывало до плеч и повел в темнеющую нишу. Артак сделал то же с другой. Таких ниш в стенах было несколько: глубоких, обособленных...

Она все танцевала перед ним, не опуская рук. Широкие розоватые бедра с треугольной тенью посредине призывно колебались на уровне его глаз. А он смотрел ей в лицо, на которое падал ровный свет от правой ее руки с тремя огнями. И не мог уже оторвать взгляда от рта ее с горестными, плохо замазанными морщинками по краям, которым только что женщина ела хлеб. И был этот хлеб платой за предстоящее!..

Авраам встал, растерянно посмотрел в серьезное лицо главной жрицы и пошел к выходу...

Железные ворота Ктесифона были закрыты. Темными прямоугольниками стояли башни по обе стороны от них. После ухода солнца за горизонт сам царь царей не может въехать в город.

Авраам вернулся к источнику, на котором стоял храм, вместе со слабо мерцающей при луне водой пошел к Тигру. И в реке вода была бесшумна. Он сел на нагретую за день землю, принялся смотреть. Какие-то длинные неясные тени медленно проплывали перед глазами. Наверное, грузовые тайяры мар Зутры или плоты с верховь-

ев. На той стороне, за широкой водной гладью, темнела деревьями Селевкия Великая, разрушенная когда-то ромеями...

Почему убежал он сейчас? Ведь для этого и шел он туда. Все было обычно для других. И ниша призывно темнела в стене... Рука его бессознательно нащупала крест под жесткой диперанской курткой. Всплыло вдруг в памяти лицо епископа Бар-Саумы, бегающего по комнате. Длинная белая борода развевалась на поворотах...

X

Снова была песня. На этот раз другая, но такт все тот же — мерный, степной, с сухим стуком копыт... С полуночи засвистали поход молодому азату, и уже заплакала свои карие глаза девушка... Фархад-гусан снова скакал без шапки, и ветер трепал на бритой голове оставленную на счастье полоску густых черных волос...

Было время осенних полевых работ, когда поочередно отпускают азатов со службы по домам. Только вместо положенного месяца на этот раз им давали по десять дней, ссылаясь на предстоящую войну с ромеями. Но не ромеи были тому виной...

Авраам отпросился с сотником Исфандиаром в его родовой дех, и эрандиперпат разрешил. Старик читал все его записи и молча кивал головой. Он освобождал теперь Авраама от других диперанских обязанностей, лишь заставлял сидеть на царских собраниях. Там все повторялось: эранспахбед Зармихр противостоял вазиргу Шапуру, мобедан мобед призывал к истреблению христиан, а всех их обличал справедливый маг Маздак. Так или иначе, великие боялись его. Два раза направлял эранспахбед Зармихр конных гурганцев в помощь стражникам для разгона голодных перед храмом Маздака, но в последний раз половину их стащили с коней. В доме врача Бурзоя открыто говорили, что ждать осталось недолго...

Когда выбирались азаты из Ктесифона, мертвые валялись под копытами. Их все прибавлялось, голодных со всех концов Эраншахра. Как только они умирали, специальные прислужники стаскивали их особыми острыми

крючьями на каменный пустырь за Северными воротами.

Это было как раз на пути. Слева красновато отсвечивал Тигр, а справа стоял непрерывный треск и скрежет, словно дробили камни. Вся долина до ближайших холмов была покрыта шевелящейся черной массой. Прислужники на конях волокли мертвых прямо в середину пустыря, и тогда черный вихрь взметывался в небо, закрывал солнце. Тысячи громадных птиц неистово били крыльями, и ветер шевелил конские гривы. Не успевали отъехать прислужники — черное облако оседало и слышался все тот же леденящий душу треск лопающихся костей.

Удовлетворенный хриплый клекот стоял над долиной. Конь под Авраамом вздрагивал всей спиной, жался к реке...

Не проехали и четверти фарсанга в сторону от реки, и кони стали. Через дорогу переводили людей, прикованных к единой железной цепи. Гуркаганы это были, «Волчья кровь». За грабеж и убийство по арийским законам опускали их под землю, где рыли они во тьме большой царский кариз — водовод. Там и должны были они умереть.

Через каждые двести шагов пробивался от кариза наверх узкий колодец для проветривания текущей воды, но так глубоко это было, что дневной свет не достигал до низу. Почти все, которых вели на цепи, смотрели пустыми глазами, повернув головы к солнцу. Их навсегда ослепила тьма. Попавшие недавно мучительно дергались, стремясь уберечь лицо от света...

Цепь не обрывалась. Медленно, нескончаемо ползла она из круглой дыры в земле, пересекала дорогу и снова уходила под землю. Как из белой китайской бумаги были лица гуркаганов. Отвращение увидел Авраам в глазах азатов. Нет у персов человека, презренней убийцы или вора...

И вдруг замер Авраам. Один из гуркаганов приоткрыл наконец глаза. Искривилось большое, с крупными дырками от оспы лицо, желтые зубы обнажились до корней. Что-то необычное, жестокое, крысье проглянулось в этой улыбке. Но тут другой, маленький и черный горбун, задергал цепь, забился в припадке, начал кусать рядом идущего. Стражник принялся размеренно бить его

бамбуковой, с бронзовыми шипами, палкой. Горбун хватался зубами за нее, и кровь капала из большого безгубого рта. Авраам вновь обернулся к рябому гуркагану, но тот уже вместе с цепью уползал в землю...

Значит, поймали все же его!.. Аврааму вспомнился первый день в Ктесифоне, скачущие меж кустами Сиявуш со Светлолицым и убегающий по ту сторону рва человек. Та же оскаленная улыбка была у него...

Полсотни азатов ехало с ними. По дороге они сворачивали к своим селениям. К деху сотника Исфандиара повернули только на второй день, к вечеру. Пятеро азатов ехали в том же направлении. Кроме них были приглашенные в гости Авраам, Фархад-гусан и еще двое.

Хороший, легкий конь был под Авраамом, и сам он ездил теперь, как азат. Убитая копытами дорога сужилась между холмами, снова разбегалась, терялась в жесткой сухой траве. Неподвижные суслики проваливались при их приближении. Они бы уже доехали, но по древнему арийскому закону по возвращении домой надо раньше навестить кузню. А это было на добрый фарсанг в сторону...

Крепкая, из дикого горного камня, со времен первых Кеев стояла она здесь на восьми дорогах. Две дехканские арбы и десятка полтора азатов из других полков уже ждали очереди. Возвращаясь, каждый азат обязан привезти домой новый сошник. И выковать его должны только в своей кузне. Полуголый перс, прикрытый одним кожаным передником, бил красное железо. Молодой курчавый цыган раздувал мехи. Белые искры летели во все стороны, и нельзя было оторвать глаз от этого...

Красное, как из железа, солнце закатывалось за холмы. Полукругом сидели азаты. Позвякивая пальцами по крепленным к ореховой дуге воловьим жилам-струнам, слепой гусан пел о сотворении богом мира и человека; о первом на земле царе Кей-Марсе, научившем людей одеваться в звериные шкуры; о внуке его Хушанге, добывшем огонь из камня; о золотом царствовании Джамшида... Тысячу лет царствовал вещий Джамшид, мудро разделивший людей на сословия, пока не бросил вызов самому богу. «Мир — это я!» — сказал он, и с этого начались все войны и несчастья...

Когда измучили арийцев распря и усобицы, послали они старейшин к соседнему царю Заххаку в Страну Всад-

ников, чтобы пришел и владел ими. Явился тот со своим войском и стал править, а законного царя Джамшида распилил надвое. Только заклят был дьяволом-иблисом отцеубийца Заххак. Две змеи от поцелуев Ахримана выросли из его плеч, и кормить их надо было человечьими мозгами. Двух самых прекрасных арийских юношей приносили ежедневно в жертву змееподобному царю. И вот тогда-то объявился спаситель Эрана, простой кузнец Кова. На железную пику поднял он свой передник, ставший знаменем Эраншахра...

От Ковы пошло у арийских царей имя Кавад. И когда беда грозит Эрану, бог посылает царя с этим именем... Молчали азаты. Глубокая ночь была уже давно. А кузнец с глухим стуком все бил и бил красное железо, и звездами взлетали искры в черное небо.

Авраам не спал... Кова... ковать... коваль... всех это слово!..

Дех был небольшой: домов сорок. Глухими дувалами выходили они наружу. Сад, огород и хозяйственные строения были за ними, а заезжали туда через вмазанные в стену резные деревянные ворота. Канал — яб протекал под дувалами через все дворы, а улица вилась как придется...

Еще издали были видны коричневые прямоугольники на плоских крышах: сушились поздняя курага и персики — шаптала. Хороший знак: у самого въезда оглушил азатов с дувала огненный с зелеными переливами петух. Авраам вспомнил старика гусана у кузни. Это царь Тахмурас дал людям петуха с курами, обязав кормить и называть ласковыми именами...

Две жены были у сотника Исфандиара и шестеро детей от них. И раб был у него, но только на две трети. На треть он был свободным и имел маленькую мазанку со своим огородом сразу за дувалом Исфандиара.

Женщины надели новые покрывала к приезду господина, но быстро сняли: надо было готовить еду. Мальчики с невыстриженными клочками волос на бритых головах сразу принялись кормить лошадей. Обмылись с дороги по-арийски — нагретой на солнце водой из медного кумгана. Фархад-гусан и он, Авраам, были гостями Исфандиара. Другие азаты тоже взяли к себе в дом по гостю, и лишь один, Адурбад, поехал дальше в одиноче-

стве. В малом селении жил он, в полуфарсанге от главного деха.

Ели большие светлые лепешки и суп из козла, зарезанного к приезду хозяина. Раб Ламбак, низенький длиннорукий перс, ел со всеми из общей глиняной миски. Потом передохнули на кошме у хауза с водой, переоделись в белое и пошли со двора. Исфандиар подумал немного и кивнул Аврааму, чтобы тот шел со всеми.

— Внутрь только тебя не пустят! — сказал ему Фархад-гусан. . .

Храм огня стоял на холме — маленький куб без окон. Низ его был из камня, а верх мазан красной глиной, как все дома в селении. Внизу у холма уже ждали приехавшие азаты — свои и из окрестных дехов. Несколько седоусых стариков сидели полукругом на корточках. Тут же был маг — тоже старый, но с бритым лицом. Он подслеповато щурился на всех, а красную хламиду держал свернутой под рукой. Вместе с другими он спрашивал у азатов, правда ли, что бог и царь царей Кавад думает совсем отменить сбор с дыма. Об этом говорили и в кузне и по дороге сюда. . .

С холма было все хорошо видно. Брошенные дома узнавались по оплывшим, рухнувшим дувалам, потемневшим крышам. Даже деревья во дворах были какого-то другого — серого цвета. Многие свободно пашущие из сословия вастриошан ушли за речку на землю великих Каренов, потому что сборы там были меньше, чем на царской земле. Сразу за речкой виднелись мазанки нового селения. У самого подножия гор стояла ровная стена зеленых деревьев, квадратные белые башни поднимались за ними. Это был дасткарт Фаршедварда Карена — младшего брата Быка-Зармихра.

Маг, приложив ладонь к глазам, посмотрел на солнце и принялся облачаться в свою хламиду. Все поднялись с корточек, прислужник пошел в дом у подножия холма за атрибутами. Авраам решился:

— Отец служитель совести, позволено ли будет мне увидеть Огонь?

Старый маг с изумлением посмотрел на него.

— Это царский диперан, — сказал Исфандиар.

Все с почтением посмотрели на Авраама.

— Нельзя иноверцу в капище огня. . . — маг почесал большим пальцем за ухом. — Пусть постоит в проходе. . .

Прислужник вынес чашу, каменный топорик и барсам — пучок ярко-зеленых прутьев от какого-то горного кустарника. Маг принял у него топорик и прутья. Все встали, положив руки на веревочные узлы под одеждами. Настало «Время Сосредоточения»...

«Ануаварью» — главную молитву зашептал маг. Как ветер шелестели слова. Авраам оглянулся. Наверное, он один понимал что-то из шепота мага, потому что читал древние арийские книги... «Так же, как бога небесного, следует выбрать и наставника земного по праведности его, чтобы был он подателем добрых мыслей и вдохновителем дел, ведущих к истине — Мазде, а мир принадлежит ей!» — таков был смысл формулы из двадцати одного вечного слова.

Маг с топориком и прутьями, служитель с чашей, а за ними старики и азаты двинулись вверх к храму. Авраам шел сзади, рядом оказался раб — подросток с живыми темными глазами. По облику его было видно, что это аншахрик — невольник из иноверцев, скорее всего от корня тех римлян, которых два века назад пленил царь царей Шапур Первый. Это они построили знаменитую Плотину Кесаря в Дизфуле...

Двери у храма не было. Стена возникла сразу при входе. Нужно было сворачивать налево, узкий лабиринт вел вдоль всех четырех стен. Это было сделано, чтобы дневной свет не попадал внутрь и не смешивался там со святым огнем Мазды.

Через пахнущую печной глиной тьму двигался Авраам, задевая шершавые стены и тыкаясь в идущего впереди азата. Мальчик-аншахрик, которому тоже запрещалось заходить сюда, дергал его за руку при поворотах. Когда забрезжил свет, он подмигнул Аврааму и втолкнул вдруг его в самую молельню. Никто и головы не повернул в их сторону, а ему отсюда все хорошо было видно и слышно...

Резкое багровое пламя покачивалось на четырехгранном столбе-пиреуме. Никакой книги или свитка не было у мага, по арийскому закону слово написанное теряло чистоту. Даже в школах магов книги Авесты учили с голоса, из века в век. Недавно, уже при Сасанидах, стали добавлять к ним Зенды — толкования, разъясняющие древние, непонятные для нынешних персов слова...

«Зем-зем» дразнили арийских магов за их шуршащие молитвы. И песчаного варана, шуршащего и шипящего в колючей траве, называли зем-зем. Ровным кругом стояли азаты, и красные угли тлели в спокойных глазах. К растению, из которого производят «Напиток Жизни» — Хайям, обращался маг... «Первое твое изготовление я прославлю словом, о мудрый, когда жрец берет ветви... Я прославляю и облако и дождь, которые дают расти твоему телу на вершинах гор. Я прославляю высокие горы, на которых ты вырос, Хайям! Я прославляю землю широкую, обширную, производительную, безграничную, твою мать, Хайям праведный. Я прославляю поле земли, где ты растешь, благовонный, и маздаическим ростом растешь, Хайям, на горе. И чтобы ты вырос по пути птиц, и был явно источником праведности. Расти моим словом, по всем стволам, по всем ветвям, по всем сучьям!..» [1]

Маг вложил прутья в чашу, брызнул на огонь, на людей. Чашу передали по кругу, и каждый по очереди пригубил из нее...

«Малейшего выжимания Хайяма, малейшего прославления Хайяма, малейшего вкушения Хайяма достаточно для уничтожения тысячи злых духов. Изгоняется осквернение из того дома, куда его привезут, где его прославляют, Хайяма целебного, явную силу его и пребывание его в селении. Ибо все другие напитки сопровождаются дайвом — дьяволом гнева страшным, но то питье, что от Хайяма, сопровождается праведностью возвышающей: радостно увеселяет сок Хайяма...»

Снова побрызгал маг, и чаша прошла круг. Безостановочно шелестели молитвы...

«Спросил Заратуштр Аурамазду: Аурамазда, дух святейший, творец миров телесных! Кому из людей ты впервые открылся, кроме меня, Заратуштра? Кого ты учил вере арийской, заратуштрийской? Сказал Аурамазда: Иима-Дмажшида прекрасного...

И Иим выступил к светилам навстречу пути солнца. Он толкнул эту землю золотой палкой и ударил ее рожном, так говоря: милая, святая Арамати-земля, выдвинься, раздвинься, кормилица животных, скота и людей! И Иим раздвинул эту землю на одну треть больше того, чем она прежде была. Там нашли обиталище животные,

---

[1] Авестийские тексты даны в редакции К. Г. Залемана.

скот и люди, по своему удовольствию и желанию, каково бы ни было желание каждого... Собрание устроил тогда создатель Аурамазда с небесными азатами в знаменитой родине арийцев на доброй реке Датье... Да не будет там ни спорливости, ни наветливости, ни невежливости, ни неверия, ни бедности, ни обмана, ни низкого роста, ни уродливости, ни выломанных зубов, ни чрезмерного тела, и никакого из других пятен, которые есть тавро Ахримана, на людей наложенное...

И сказал Аурамазда: «Молись ты, Заратуштр, доброй вере маздаяснической... Речь мою исполнил Заратуштр, говоря: «Молюсь, Аурамазда, творец праведного творения. Молюсь Митре, имеющему широкие пастбища, носящему отличное оружие. Молюсь святой молитве чрезвычайно славной; молюсь самосозданному небосводу, беспредельному времени, воздуху, действующему на высоте. Молюсь ветру сильному, сотворенному Маздою...»

Авраам вначале ничего не понимал. Обе жены Исфандиара сели к ужину вместе с мужчинами и сняли покрывала. Брови у них были соединены широкой темной линией, но лица не были крашены, как у городских. Старшая сидела спокойно и строго, не опуская красивых темно-золотистых глаз. Младшая, лет пятнадцати, круглолицая и крепкая, краснела всякий раз и так и не подняла глаз...

Он совсем забыл об этом. Только когда Исфандиар с факелом проводил Фархад-гусана в гостевую комнату, вспомнил он арийские правила. Аврааму постелили на тахте против входа, и он все видел.

— Какая женщина в этом доме пришлась по тебе, Фархад-гусан? — с тихой торжественностью спросил сотник Исфандиар, став у входа и держа факел в вытянутой руке.

— Ты лучше меня это знаешь, Исфандиар-лев! — так же торжественно ответил из комнаты Фархад-гусан.

Сотник Исфандиар ушел и вернулся уже без факела, ведя за руку завернутую в покрывало фигуру. По росту Авраам определил, что это — младшая, круглолицая. Они остановились перед занавешенным входом...

— Ты поел хлеб в моем доме, — сказал Исфандиар. — Возьми необходимую тебе на ночь женщину...

— Согласна ли женщина? — спросил Фархад-гусан.
— Да, она согласна, — ответил Исфандиар.

Завеса приоткрылась, и белое покрывало скрылось за ней. Исфандиар повернулся и пошел на женскую половину дома. Авраам лежал и смотрел на звезды...

Было жарко. Он открыл глаза, и солнце ослепило его. Авраам встал, отер пот. Никого не было во дворе. Только рыжий конь его стоял, привязанный к столбу. Неужели спят еще?..

Грубошерстная ковровая завеса гостевой комнаты была откинута. Он подошел, посмотрел: никого там не было. Даже на женской половине были отброшены завесы. Он быстро всполоснулся из стоявшего у тахты кумгана, свернул белое домотканое полотно, на котором спал. Потом решил выглянуть на улицу. Ворота были лишь притворены...

Вчерашний мальчик-аншахрик ехал мимо на осле с перекинутыми через седло кувшинами в плетеной суме. Он махнул рукой куда-то в долину:

— Они там.

Авраам вернулся, оседлал коня и поехал за мальчиком. Осел дробно трусил по пыльной дороге, и нельзя никак было подобрать шаг коня. Но ехать далеко не пришлось. Мальчик показал острой палочкой туда, где горы ближе всего подходили к селению. В низинках между холмами виднелись люди. Авраам толкнул коня...

Он приехал к самому началу. Пара длиннорогих волов стояла впряженная в соху. Мужчины повернулись к солнцу лицами, руки их были сложены на груди под одеждой. На мешках с зерном сидели женщины. Редкая прошлогодняя стерня виднелась на буроватой земле. Здесь, в предгорьях, можно было сеять хлеб без поливов.

— Пора, брат Фархад! — сотник Исфандиар вынул большие руки из-под рубахи.

— Бог — помощник, брат Исфандиар! — ответил Фархад.

Теперь, после этой ночи, они считались родственниками. Авраам посмотрел на женщин: обе деловито готовили зерно к севу. Исфандиар подошел, взялся за соху обеими руками, приподнял, негромко сказал что-то. Си-

неватое свежее железо с хрустом вошло в землю. Соха скрипнула под тяжестью тела, качнулась и двинулась...

Влажный темнеющий след оставался за ней. Комья земли солнечно сверкали, соприкоснувшись с железом. Дойдя до выложенной камнями межи, Исфандиар повернул быков назад. Ручки сохи на второй заезд принял у него Фархад-гусан, за ним раб Ламбак. Потом они стали меняться реже. Темная полоса становилась все шире. И вот женщины, старшая и младшая, подули в кулаки — от злых девов — и пошли следом, разбрасывая из деревянных мисок крупную бронзовую пшеницу. Теперь свободный мужчина гнал за ними лошадь с бороной. Это была рабочая лошадь, приземистая и ширококостая. Тонконогие войсковые кони паслись, спутанные, неподалеку. Они не годились для земли...

Он еще никогда не видел такими сотника Исфандиара и Фархад-гусана. Что-то могучее, вечное было в их упирающихся в землю фигурах, в сильных руках, разворачивающих и направляющих соху. Горы в белых облачных шапках, желто-зеленая долина и люди с быками и сохой, оплодотворяющие землю, — все было естественно, как в древних молитвах.

Ему до дрожи в руках захотелось взятья за соху, тоже пойти за серыми быками по жесткой бугристой земле. Он сказал об этом. Оба с удивлением посмотрели на него, но Исфандиар без слов отдал ему ручки сохи.

Авраам каким-то высоким, не своим голосом крикнул на быков, навалился телом на соху, но успевшее обцарапаться железо не лезло почему-то в землю. Оно проехало поверху шагов десять, рисуя беловатую линию, а потом вдруг зарылось по самое дерево, дернулось, вырвав громадный ком земли, и запрыгало дальше. И быки почему-то шли равнодушно, словно не касалось их то, что сзади...

Когда он вернулся с быками назад, Исфандиар так же молча забрал у него ручки сохи. Он ничего не сказал, но Аврааму стало почему-то неловко. Это была серьезная работа — пахать землю.

Обедали у расщепленного молнией тутовника на краю поля. Ели печенные в золе яйца с солью и вареную пшеницу. Тут же, по другую сторону от дерева, обедали

соседи — семья одного из азатов: старик отец, мать и сам он. Жены у азата не было, и вол был только один, с обломанным до половины рогом. Пожелтевшие усы висели у старика, но выправка была ровная, военная. Вместе с сыном налегали они каждый на одну ручку сохи и успели вспахать к обеду почти столько же, сколько Исфандиар.

Подошел пожилой перс-пастух с длинным плетеным кнутом на плече. Вместе со своим помощником-аншахриком, который привел сюда Авраама, пас он людских и дехканских коров в балке неподалеку. Свободные податные из сословия вастриошан назывались просто «люди» в отличие от служилых азатов-дехкан из военного сословия. А всю общину персы называли миром...

Из разговора, медленного, немногословного, Авраам узнал, что здесь, у гор, находится царская земля, выделенная столбовым дехканам. Часть ее они сдавали людям из вастриошан. Кроме того, люди со своих земель должны десятину пшеницы, соломы и плодов, растущих не на деревьях, передавать на содержание дехканских семейств. Шесть дехканских родов на сорок два дыма вастриошан было в селении. Земля за рекой до самых гор принадлежала им. Но шесть лет назад правивший тогда царь Валарш в награду за усмирение Кавказа передал Каренам всю заречную землю и половину воды. Дехканы и люди сообща жаловались в округ, начальнику — кардару, сатрапу области, но бесполезно. А пока многие тоже ушли к Каренам, и те приняли их. Сейчас в дехе осталось только двадцать четыре семьи из вастриошан. Мост через речку строили тоже их люди. Налоговый диперан — вор и взяточник. Когда приезжает — из семьи в семью переходит, где красивые женщины. Полтора кувшина вина за один раз выпивает этот человек, конь уже не удерживает его на себе. И дехканы, и приписанные люди не знают, что делать дальше...

Вечером они опять сидели на тахте. Пахло пылью и молоком. За дувалом хлопал кнутом и покрикивал мальчик-аншахрик, звякали коровьи бубенчики. Ворота были растворены, и коровы заходили во дворы, шли к своим сараям.

Раб Ламбак оказался хорошим рассказчиком. Положив перед собой длинные руки и тараща круглые совиные глаза, объяснял он повадки всякого порождения нечистой силы Ахримана — девов горных, лесных, водяных, домовых. Миллионы их незримо действовали вокруг, оборачиваясь то оленем, то волком, то добрым ласковым старичком или невиданной красоты девушкой... Это были дайвы из древних арийских книг, девы, дивы. Авраам вспомнил одну ромейскую рукопись о путешествиях к северным народам. Девами там называют молодых женщин, а слово звучит похвалой: дивное диво. Так же, как «ромеи» по ту сторону моря, а по эту — «арамеи»...

Когда Авраам писал, персы замолкали, с почтением глядя на его работу. Письмо тоже было искусством девов. Царь Тахмурас заставил их когда-то обучить этому людей...

А утром не пришлось уже пахать. Когда вывели быков за ворота, подлетел всадник на лошади без седла, крикнул что-то. Сотник Исфандиар и Фархад-гусан посмотрели друг на друга и побежали седлать войсковых коней. Авраам ничего не понимал, но тоже поскакал за ними. Дорогой их догоняли другие азаты...

Это был Адурбад — тот азат, что проехал дальше, самый молодой из них. По черенок сидел у него с левой стороны груди прямой арийский нож, а рука не разжимала пальцев на рукоятке. Он убил себя. И место для этого выбрал, чтобы не опоганить землю, на камнях за дорогой...

Все знали, почему он сделал так. Дом его оказался на земле, переданной великим Каренам, и Фаршедвард, брат Зармихра, захотел изгнать его. Но отец Адурбада — старый дехкан, воевавший против туранцев еще с Ездигердом Вторым, дедом нынешнего царя Кавада, отказался подчиниться. Тогда Фаршедвард запретил им ездить по своим дорогам, а другого пути к их земле не было. Воду он тоже не давал им, а пшеницу стаптывал. Старик прошлым летом умер, осталась молодая жена с двумя детьми. Накануне приезда азатов Фаршедвард увидел ее и приказал увезти в свой гарем как сакар — ненастоящую жену. Приехавший вчера азат поехал в дасткарт просить возврата ее, а на него выпустили собак...

Азаты стояли теперь, не подходя к мертвому. За белыми листьями джиды нарастали шум и гиканье. Между деревьями пронеслись всадники, осадили у самых камней, на которых лежал самоубийца. Первый из них, в голубом бархате с золотом, качнулся в седле, выпрямился, упираясь рукой в конскую гриву. Худое бескровное лицо его дергалось от непрерывной икоты, светлые глаза смеялись. Свора громадных желтошерстых собак саксаганской породы с рыком и лаем догнала всадников. Но собаки вдруг замолкли, тихо отступили, легли, поджав хвосты.

— Вон он лежит, пес! — захохотал голубой. — А я хотел взамен ему толстую Фиранак послать...

Всадники повалились в седлах от смеха. Кулон с бычьей головой качался на шее у голубого. Авраам понял, что это и есть сам Фаршедвард — младший брат эранспахбеда Зармихра. И у всадников были нашиты бычьи рога...

Фаршедвард плюнул, отворотил коня. В теплом небе растворились смех и лай. Молча стояли азаты. Пришли два аншахрика-прислужника из дакмы — «Башни Молчания», расстелили широкое серое рядно, перекатили на него мертвое тело. Только тогда приблизились азаты, взяли рядно за края и побежали. Каждые двести-триста шагов сменяли они друг друга, но не останавливались, не замедляли бега...

«Башня Молчания» была не такая, какую видел он в Ктесифоне. Там она — большая, многоярусная, похожая на ромейский театр. Здесь было сложено простое возвышение из камней, а в середине, за невысоким барьером, располагалось по кругу несколько мощенных галькой углублений. Прислужники залезли наверх, подтащили туда рядно с телом. На каменном ограждении уже дрались громадные черные птицы с белыми шеями — отгоняли чужих. Злобные резкие крики и скрежет когтей о камни наполняли воздух...

«Спросил Заратуштр Аурамазду: — Аурамазда, дух святейший, творец миров телесных, праведный! Когда умирает праведник, где в ту ночь находится душа его? — И сказал Аурамазда: — Около головы она восседает...

По истечении третьей ночи, на рассвете, душа праведника носится над растениями и благовониями. Ей навстречу является ветерок, веющий с южной стороны, из южных стран, душистый, душистее иных ветров... В сопровождении этого ветра является собственная его вера, с телом девицы прекрасной, блестящей, белокурой, плотной, статной, великорослой, с выдающимися грудями и славным станом, благородной, с сияющим лицом, пятнадцатилетней по возрасту, и столь прекрасной телом, как прекраснейшие из созданных...

Да поднесут ему пищу из желтоватого масла! Вот пища для юноши благомыслящего, благоговорящего, благодействующего, благоверного — после смерти. Вот пища для женщины очень благомыслящей, очень благоговорящей, очень благодействующей, очень благоверной, наученной добру, покорной супругу, праведной — после смерти...»

Опять стояли кругом азаты. Маг брызгал в огонь, поминая Адурбада...

«Спросил Заратуштр Аурамазду: — Аурамазда, дух святейший, творец миров телесных, праведный! Когда издыхает грешник, где в ту ночь находится душа его? И сказал Аурамазда: — Там же, праведный Заратуштр, около головы она шатается...

По истечении третьей ночи, праведный Заратуштр, на рассвете, душа грешника носится над ужасами и зловониями. Ей навстречу является ветер, веющий с северной стороны, из северных стран, зловонный, зловоннее всех ветров... И потом дева, на женщин вовсе не похожая, идет ей навстречу. Говорит душа грешника скверной деве: — Ты кто, сквернее и отвратительней которой я на свете не видал никогда скверной девы? — И ему в ответ говорит эта скверная дева: — Я не дева, а злые твои дела, о грешник зломыслящий, злоговорящий, злодействующий и зловерный. Ибо когда ты видел на свете, что служат Богу, ты сидел тогда, поклоняясь дайвам. И когда ты видел, что доброму мужу, пришедшему издалека или изблизи, дают пристанище, оказывают гостеприимство и дают милостыню, тогда ты доброго мужа унижал, и обижал, и не давал милостыни, а запирал дверь. И когда ты видел, что творят правосудие, не берут взяток, дают верное свидетельство и говорят правдивые речи, ты сидел тогда, творя несправедливость, лжесвидетельствуя и ведя

дурные речи. На! Я — твои злые мысли, злые речи и злые дела...

Да поднесут ему пищу из яда, и вонючего яда! Вот пища для юноши зломыслящего, злоговорящего, злодействующего, зловерного — после издыхания. Вот пища для бабы очень зломыслящей, очень злоговорящей, очень злодействующей, очень зловерной, наученной злу, непокорной супругу, грешной — после издыхания...»

Азаты молчали. Красные угольки тлели и вспыхивали в их глазах...

XI

Ктесифон пылал. Бесчисленные башни, храмы и рощи, пальмовые острова — все было красно вокруг. А посредине, на черной наковальне площади, лежал гигантский брусок раскаленного железа...

Впервые подъезжал он к Ктесифону с этой стороны. Заря горела за их спиной, и серебряные плиты дворца царя царей впитывали ее огонь весь, без остатка...

Всю ночь скакали азаты. Сразу после арийского отпевания тронулись они в путь. И ни одного слова не сказали в дороге друг другу. А ночь тоже была красной. Слева и справа горели невидимые пожары. Под самой луной двигались багровые огни: люди в горах тоже не спали. Звезды сходились, сливались за синими тучами и огненными реками текли оттуда на землю...

Авраам оглянулся. Столбы черного дыма вплетались в зарю. Тысячами дорог шли к городу люди в белых одеждах с обгорелыми факелами в руках. Все перевалы в горах, сами горы дымились по всему горизонту...

Не сговариваясь, остановились азаты. Они смотрели на Ктесифон, и все те же угольки сухо горели в зрачках. Потом они тронули дальше запаленных коней...

Такого еще не видел Авраам. И раньше у каналов, под мостами, в переулках лежали голодные, сотни и тысячи были их. Но сейчас ему показалось, что люди плотной массой покрывают всю землю и не хватает уже места на ней. Кони плыли в этом море, и сразу смыкались и застывали за ними человеческие волны. На азатов смотрели без всякого выражения. Только проехав город, стало возможно пустить коней в рысь...

Но и поесть не успели они. Вся сотня Исфандиара

была вызвана для сопровождения. И Авраам не знал, откуда у него взялись в этот день силы и в следующие три дня, потому что не спал и не ел он. И не было спавших в эти дни...

Снова плыли кони в человеческом море, пока не вынесло их к храмовой площади. И сразу же отбросило назад, потому что из прохода главного храма вышел маг в красном. В ужасе закричал кто-то. Пиреум со священным огнем был на вытянутых руках мага, и свет небесный святотатственно соединялся со светом внутренним, данным Арамати — земле для вечного плодоношения.

Настала тишина. И в этой тишине маг поднял над головой священный огонь и швырнул его на белые камни перед храмом. Вспыхнуло, разбрызгиваясь, горящее масло. С бронзовым звоном запрыгала по земле чаша...

— В чем же правда, Маздак?

Голос спрашивающего был совсем юный, но его слышала вся площадь.

— Правда — это хлеб и женщина! — ответил Маздак, и площадь согласно вздохнула.

Их оттеснили, потому что маг Маздак взял факел у ближнего к нему человека и зажег, окунув в горящее масло. И сразу все двинулись вперед, окуная в масло и зажигая факелы...

Все, что было потом, запомнилось, как один дымный, пламенный сон...

Пустая черная площадь перед дворцом. Гурганцы на черных лошадях стремя к стремени, и черные волчьи хвосты свисают с их башлыков. А все остальное вокруг белое...

И еще: багровое солнце дымится над миром, и тысячи таких же солнц стоят стеной вполнеба. Темной печью в этом серебре — арка дворца. Содрогающий землю гром труб, и львы, рычащие, рвущиеся с бронзовых цепей по краям завесы...

Все белое склонило головы. Только красный маг Маздак идет через пустую черную площадь, и тысяча красных магов с дымными факелами в руках идут ему навстречу из серебряной стены. И происходит то, чего никогда еще не было...

Ахает мир. Испуганные львы припадают к земле. Тяжелая царская завеса вздрагивает и вся, от одного края до другого, начинает медленно уплывать вверх. Откры-

вается огромный жертвенник, и царский огонь соединяется с солнцем. Все выше завеса: стали видны уже широкие львиные лапы трона Сасанидов, золотой панцирь, недвижное бронзовое лицо — прямой подбородок и резкий изгиб бровей. И фарр — божественное сияние ослепляет Эраншахр. Железные крылья орла парят в этом сиянии.

Закутанная тощая фигура мобедан мобеда в ужасе корчится, отползает в сторону. Маздак останавливается напротив трона, поднимает факел. И тогда бог и царь царей, сын бога и царя, встает, делает два быстрых шага вперед и вытягивает правую руку в древнем приветствии мира и жизни... Авраам узнает его, потому что это Светлолицый, с которым играл он в арийскую игру «Смерть царя»...

Гусары стояли стремя к стремени. Гургасары — «волкоголовые» — так персы называли гурганцев за волчьи хвосты на башлыках. Первой тысячей царских «бессмертных» были они, люди из Страны Волков. В Ктесифоне их звали просто гусарами...

С четырех сторон рухнули на дворцовую площадь белые толпы. Черные всадники отъезжали в сторону, и витые ременные плети без дела висели на их запястьях. Но, докатившись до арки, миллионный человеческий вал вдруг отхлынул, закружился, попятился к Большому царскому каналу. Качнулась земля...

Тысячебашенная стальная стена перегородила площадь. Она медленно двигалась и, если бы не случайный взмах хоботом, казалась бы неживой. Кованые башни с узкими щелями для стрелков были словно спаяны друг с другом...

Один Маздак с факелом стоял перед слонами. И царь царей, лишивший себя святости и власти, был один наверху у своего трона. Великие жались к стенам, львы выжидающе рычали по краям. Толпа все пятилась, освобождая площадь. А перед боевой линией слонов сидел на широкогрудом мидийском коне эранспахбед Зармихр, и тысяча черных гусар выстраивалась впереди. Пронзительно и страшно завывали сигнальные трубы.

Тогда и почувствовал Авраам, что дернулся конь стоящего рядом Фархад-гусана. А когда посмотрел на площадь, то увидел скачущего по ней азата. Без щита и пики был он, только с голым арийским мечом в руке. Прямо

на строй черных гусар несся азат. И еще раз случилось невероятное. Строй вдруг разломился, гусары отъезжали в стороны, освобождая ему дорогу. А он, подскакав к неподвижному эранспахбеду, махнул мечом...

Все было смешано потом в красной ночи: землепашцы в белых одеждах, азаты, гусары, диперанры, люди города. В эту же ночь появились среди них деристденаны — «верящие в правду», люди в красных одеждах с прямыми ножами у пояса. А на гигантском боевом слоне была площадка, к которой крепится башня; на ней стоял великий маг Маздак с факелом и говорил о победе света и правды.

Горячий ветер пронесся над площадью. Ударили невидимые барабаны, тысячи рожков, труб, сантуров нащупывали мелодию. И высокие пронзительные голоса десятков гусанов в разных концах площади нашли ее... «Красный слон мчится вперед, и только ветер свистит в ушах вожатого-копьеносца...»

Волны припева катились в факельном море. Площадка с Маздаком двинулась и поплыла над Ктесифоном, над Эраншахром, над видимым миром...

Часть II

ПРАВОВЕРНЫЕ

Да будет справедливым этот свет,
Наложим на богатство мы запрет.
Да будет уравнен с богатым нищий, —
Получит он жену, добро, жилище!..

Фирдоуси, «Шах-Наме»

I

Дергался человек, изрыгая кровавую кашу. Потом затих, неестественно выпрямившись под кустом. Это был уже третий, которого видел Авраам на дороге...

С ночи открылись засовы всех дасткартов. Голодные припадали к зерну, ели его сырым, и многие умирали тут же, под стенами хранилищ. К середине второго дня вызвали всех диперанов. Розбех теперь командовал ими. Он объявил, что перед правдой все равны, поэтому не будет деления их с первого по пятый ряд, и честь каждому по его делам.

К ним вышел маг Маздак. Он коротко объяснил, что надлежит учесть имеющееся в дасткартах, но зерно раньше всего. Надо утолить первый голод людей, пришедших в Ктесифон, а по дехам затем произойдет широкая раздача из местных дасткартов.

Для порядка им выделяются азаты и деристденаны — «верящие в правду». Так называли себя те, кто в «Ночь Красного Слона» надели на себя красные рубашки — кабы и кровью поклялись, что переделают мир согласно великой правде Маздака...

Ночь, день и еще ночь сыпали потом они с Артаком желтое сухое зерно в подставляемые платки и ничего нигде не писали. Вастриошан, люди от земли, не знали лжи.

Наутро третьего дня сделали перерыв. Артак упал в зерно и уснул, но Авраам не мог. Он вышел на дорогу за дастрактом эранспахбеда Зармихра, куда их послали, и тут увидел умирающих от сытости. . .

Человек больше не дергался. Он лежал разведя руки и положив лицо в рассыпавшуюся по утренней земле пшеницу. Аврааму почему-то захотелось заглянуть ему в лицо. И он увидел то, что ждал: покорную складку возле закрытых глаз. Такое же спокойное лицо было у его отца — перса Вахромея. Это все, что помнилось из его облика.

Авраам оглянулся на умирающих, посмотрел на землю с пожухлой осенней травой, на высокие серые тучи, и сжалось его сердце. На спину он лег, а ветер гнал и гнал тучи над его головой. . .

Да, он перс — Авраам, и это его земля. И все они персы, невзирая на род и племя: Абба, Кашви, Вуник, ибо родились на этой земле, говорят одинаково, живут и плачут с народом ее. . .

Кричало сразу много женщин, истошно, захлебываясь плачем. Авраам вскочил, бросился туда, где к реке выходила стена гаремного сада. Азаты стояли перед калиткой, не решаясь войти. Прибежал Артак, сдвинул засов. По составленному вчера списку шестьдесят две женщины находились здесь: четыре подлинные хозяйки, остальные — сакар, не имеющие родовых прав жены убитого Быка-Зармихра.

Гуркаганы — «Волчья Кровь»! О них уже слышали. В «Красную Ночь», воспользовавшись человеческим смятением, разбили они цепи, загрызли стражников и вырвались из-под земли, куда были навечно опущены за убийство. . .

Пятеро их стояло на ведущих к реке ступенях. Большой ковровый узел и две закутанных женских фигуры лежали у их ног. Еще один, с кривыми ногами и руками, отвязывал внизу большую плоскодонную лодку. Мостик от дасткарта к причалу был спущен.

— Эй, зачем вы здесь? — спросил Артак.

У них были белые, неживые от подземной тьмы лица. Маленький горбун крикнул мерзкую ругань, яростно погрозил дротиком. Черные волосы, как перья у поедающих мертвечину птиц, закрывали у него уши. Виден был лишь большой безгубый рот, извергающий похабные слова. Азаты вынули мечи.

— По закону справедливого Маздака!

Голос у сказавшего это был спокойный, уверенный. Рябое, сильно выдающееся вперед лицо с едва различимой полоской лба показалось знакомым Аврааму. И вдруг край верхней губы сам собой обнажился, открыв крепкие желтые зубы... Да, это был он, который у досткарта Спендиатов хотел убить из кустов Светлолицего Кавада, царя царей!..

Азаты переглядывались, некоторые вложили мечи в ножны. После смерти хозяина — эранспахбеда Зармихра все здесь разбежались или забились в свои помещения. Азатов послали с диперанами на раздачу зерна и не дали никаких указаний...

Тот, который возился у лодки, что-то крикнул. Двое сразу подхватили закутанных женщин, бегом понесли к мостику. Остальные отступали спиной. Рябой главарь прижимал к себе непонятный узел.

— Слово и дело! — закричал Артак.

Услыхав знакомый приказ, азаты уже без колебаний бросились, ломая розовые кусты. С ними были два мальчика-деристденана в красных кабах, и они опередили остальных, став на пути гуркаганов. Один из убегавших сразу оставил завернутую женщину, но горбун продолжал волочить свою добычу вниз по ступеням. Он злобно завизжал, увидев преграду, и начал быстро и часто колоть ножом свой сверток. Один из деристденанов ухватился рукой за лезвие. Тогда горбун извернулся, огромный безгубый рот впился в затылок мальчика. Хрустнули позвонки...

Азаты в это время были заняты. Они окружили с трех сторон рябого главаря. Тот загородился узлом, и острый меч сверху донизу разрубил вдруг ковровую ткань. Мягкий золотой звон заставил всех опустить руки. Словно сияющее солнце вывалилось из ковра, раскатилось по траве. В тот же миг рябой с горбуном оказались в лодке,

и она поплыла вниз по реке. Огромный рот горбуна был красным. Главарь встал на корме, повернулся лицом к берегу. Все та же желтая крысья улыбка кривила его губы. У азатов не было с собой луков...

Закутанные в белый и розовый шелк женщины показались из-за деревьев, принялись быстро собирать запястья, браслеты, жемчужные нити, узнавая свое. На азатов посматривали, поправляя «платки молчания» поверх ртов. Только одна, неперсианка, подсела к мертвой, отвела намокшее кровью покрывало с лица. Лет десяти была убитая девочка. Рядом лежал мальчик-деристденан с перекушенной шеей...

Это было уже не первый раз, когда гуркаганы именем правды Маздака отнимали золото и женщин, поджигали дасткарты и убивали людей. И рабы из некоторых дасткартов шли в гуркаганы...

В дасткарте Спендиатов на большом хозяйственном дворе тоже были сдвинуты все засовы. Диперлны-финансисты от эранамаркера Иегуды производили учет и вывозку масла и пшеницы для раздачи голодным. Два больших каравана по сто мулов, груженных мешками и высокими белыми кувшинами, ушло в Ктесифон. Часть продуктов была оставлена для кормящихся здесь азатов и диперанов. Рабов, принадлежащих тем из великих, кто состоит на царской службе, тоже пока не делили между людьми. Да мало кто и принял бы к себе их в такой трудный год...

И лишних женщин не было у эрандиперпата Картира. Три его жены находились в горном Фарсе, а здесь жила лишь четвертая — Белая Фарангис. Временных жен — сакар старик не имел...

Эрандиперпат спокойно занимался своими делами, как будто не касалось его то, что происходило в дасткарте. Все диперраны знали, что старик сам одобрил действия царя царей в раздаче голодным добра из хранилищ великих. Другие великие злобились на него и говорили, что твердый арийский разум всегда оставляет читающих книги...

Зато Мардан, надзиратель над рабами, все время бегал на хозяйственный двор. Безмерное удивление было на его плоском лице. Каждый выносимый кувшин

с маслом провожал он своими водянистыми глазами и всякий раз сглатывал слюну...

Один вид этого человека был противен Аврааму. И не только ему. Фархад-гусан однажды при молчаливом одобрении прочих азатов свалил надзирателя Мардана на землю и иссек ему всю задницу арийской ременной плетью. Кара эта была за цыганенка Рама, которого всячески травил Мардан, стремясь отвадить от дасткарта. Надзиратель вопил, хватался за сапоги, трусливо молил о пощаде...

Зато к рабам он не ведал жалости. Однажды видел Авраам, как, величаво усевшись на специальный пень для наказания строптивых, надзиратель Мардан заставил за сто шагов ползти к себе на животе какого-то провинившегося старика. Потом два дюжих раба, прислуживающих Мардану, положили старика на этот пень и принялись терзать его тощую спину колючими прутьями. Рядом плакала и молила молодая женщина, а Мардан лишь самодовольно улыбался. А ведь сам он был сыном рабыни, надзиратель Мардан.

Никаких поручений не давал ему старый эрандиперпат, но Мардан по собственной воле подглядывал за всеми людьми в дасткарте. Как-то, стоя с Мушкданэ под платаном, заметил Авраам у каменного желоба для стока воды короткую тень. Потом вышла, как обычно, Белая Фарангис. Когда она удалилась, Авраам оставил дочку садовника и поспешил к водостоку. Но тень уже пропала. И все же Авраам заметил того, кто скрылся в коридоре. В полосе света на миг обозначился вдавленный в плоское лицо нос ноздрями наружу и вороватые испуганные глаза...

Белая Фарангис ждала Сиявуша и все ходила по саду. Редко приезжал воитель Сиявуш, потому что был с войсками. И без Мушкданэ теперь приходил к платану Авраам. В двух шагах застывала от него белая тень. Ярким лунным светом светилось ее лицо и узкая рука, придерживающая покрывало. Все остальное в саду было темное: посыпанные белым камнем дорожки, серебряные листья деревьев, луна над головой...

Однажды Авраам не вышел в сад. В лунную тьму смотрел он из окна. Белая тень замерла, качнулась в недо-

умении и сделала вдруг два шага к платану. Он похолодел и отпрянул от окна. Неужели знает Белая Фарангис, что стоит там он всякий раз?! Когда, набравшись духу, Авраам снова выглянул, лишь луна светила в саду...

II

Почти все собрались в доме врача Бурзоя. Не было лишь Розбеха, занятого где-то с самим Маздаком. В красных кожаных куртках сидели диперaны. Раньше их носили только лучники из броневых башен на слонах. Этих курток много было на царских складах, и по приказу Розбеха они выдавались теперь едущим на хлебораспределение в сатрапии. Многие диперaны сами заказывали для себя такие куртки, обязательно нашивая карманы для зажигательных наконечников к стрелам.

— Хватит диперанской болтовни! Пришло время действовать!..

Это сказал Абба, повторяя неумолимого Розбеха. Но врач Бурзой покачал седеющей головой:

— Что вы думаете делать с рабами, если захотят равенства, хлеба, женщин ваших? Из плоти и крови рабы...

Все сразу замолчали. Абба вспыхнул.

— Ну и что же! — закричал он, и отчаянность слышалась в его голосе.

Бурзой вдруг повернулся к Аврааму:

— А ведь даже в вашей святой книге, к рабам обращенной и к равенству призывающей, сказано: «раб лукавый»... И это правда: родившийся в рабстве лукав, труслив и злобен.

— И у рабов бывает смелость, — заметил кто-то из диперанов. — Известна притча о рабе, который бросился на льва и жизнью своей заплатил за спасение господина. Разве мало таких примеров? Не всякий свободный способен на такое!

— Да, свободный не способен на это, потому что собственная жизнь ему дорога. Не меньше чужой жизни ценит он ее, а жертвует лишь при желании. И смелость раба, про которую сейчас сказано, в безграничном его подобострастии. Смело заслоняет он в бою своего господина, смело бросается на льва вместо господина, смело ложится под палку, которой господин наказывает его.

И терпит, смело терпит... Да, смелость раба — это высшее выражение подлой, собачьей трусости!

Впервые видел Авраам таким всегда спокойного, мягкого Бурзоя. Губы врача были по-арийски высокомерно сжаты, в глазах застыло презрение.

— Ну, и... всегда рабам быть такими? — спросил Авраам.

Бурзой пожал плечами:

— Семь поколений требуется прожить свободным, чтобы очистить кровь от этой мерзости... И в вашей книге тоже так сказано!..

Врач Бурзой уже успокоился и продолжал слушать других. Про рабов не хотели больше говорить и вернулись к указу царя царей и бога Кавада о раздачах из дасткартов.

— Увидите! — кричал Абба. — Наши иудеи и христиане откупятся. Они дадут золото, и серебро, и зерно, только бы не трогали их главные торговые склады и мастерские. И будут говорить о братстве во Сионе, как будто Хисда бен Арика или Иошуа бен Гуна братья тому стоящему по колено в воде земледельцу, который задолжал им уже на семь лет вперед! Или, может быть, Авель бар-Хенанишо, первый купец Ктесифона, брат гундишапурскому ткачу-христианину, ослепшему от шелковой пыли!..

Диперан Лев-Разумник подтвердил, что действительно экзиларх мар Зутра и епископ мар Акакий обговаривали с вазиргом Шапуром положение иноверцев в новых условиях. Двадцать мулов с серебром от них было вчера разгружено на монетном дворе у эранамаркера Иегуды. Кроме того, от торгового товарищества выделяется пятьдесят тайяров и пятнадцать караванов по пятьсот мулов и верблюдов в каждом для царских перевозок хлеба. Они благодарили царя за освобождение от незаконных поборов со стороны великих.

— Они еще выиграют от этого! — воскликнул Абба, задрожав. — Все... все надо отнять у них!..

Врач Бурзой уже улыбался, как обычно. Когда опять заговорили о великом дне, он вдруг спросил:

— Что, если бы не нашлось азата, который снес голову Быку-Зармихру?.. Ведь народ, о котором столько говорим, побежал перед слонами. Он один повернул все, этот азат...

— Если... Если!!..— снова вскипел Абба, считающий для себя необходимым занять место Розбеха в спорах. — И Маздак один, и царь царей один. Но миллион людей пришло в Ктесифон за правдой. И гусары разъехались перед этим азатом: они ведь тоже народ. А сам азат — разве не народ? Никто не знает до сих пор его имени!..

— Да, это так, — согласился Бурзой. — А вот сами мы кто? Кем себя считаем?.. Мы не пашем, не пасем скот, не куем железо, не сучим шелк. А вот ездим теперь в красных куртках, плохо едим, не спим ночами. И нанятые великими люди убивают нас на дорогах. Зачем нам это: самому Маздаку, Розбеху, Аббе, Кабруй-хайяму? Что в нас это? Кто мы?!..

— Благодарности хотите? — ядовито спросил Артак.

— Я не о благодарности, — спокойно ответил врач Бурзой. — Всегда были, есть и будут такие люди, и я хочу объяснить место их в мире. Сами они чем считают себя?..

Абба пожал плечами. Много говорили о великих, которые увозят свои гаремы в дальние дасткарты или в горы, скрывают ценности, всячески оттягивают раздачу хлеба. Вокруг города и в самом Ктесифоне опасно стало ездить из-за гуркаганов. Настоящую битву устроили они недавно с азатами и деристденанами.

Артак, Абба и Авраам ушли пораньше. Завтра им предстояло ехать в Хузистан — самую голодную и близкую к Ктесифону сатрапию...

III

Тот же армянин, смотритель почтового поста, поил лошадей. Авраам задумчиво смотрел на него. Когда-то он натер седлом язву, и старик принес ему травяной мази. Два года прошло с того времени. Неужели это он, Авраам, ехал здесь с израненной прутьями спиной?.. Почему поехал он сейчас в Нисибин, напросившись у эрандиперпата в помощь царскому посланнику для переговоров с ромеями?..

Всю предыдущую зиму занимался он хлебораспределением, побывал в Хузистане, Мидии, в старом Фарсе, где могилы и рельефы великих Кеев. Из гробниц и колонн

мертвого города Персеполиса таскали камни для заборов. Запустение ширилось в Эраншахре. Дасткарты не отбирались у великих, но рабы разбегались от них, шли в гуркаганы. Оливы и виноградники стояли неухоженные.

Накануне в дехе Исфандиара выделял он пшеницу и женщин из дасткарта голубого Фаршедварда, младшего брата убитого Быка-Зармихра. Десять тысяч олив были срублены там под корень: лучше бы распределили их между собой. Люди — вастриошан, несмотря на указ царя царей, все равно смотрели на это как на чужое. В крови это у арийцев — послушание и запрет на принадлежащее другим добро...

Легче всего оказалось с женщинами. Кроме двух, все дали согласие, которого требовал Маздак при определении их в дехканские роды и роды вастриошан. Наверно, очень плохой человек был голубой Фаршедвард. Сам он, боясь соседей — азатов, сбежал после смерти брата на Север. Где-то там у него было еще одно владение с женами. Из его дасткарта отдали в селения восемьдесят одну женщину...

Авраам сам занимался этим. Ему помогали лишь младший диперан из округа — рустака, старый мобед и кедхода — староста селения. Одна из несогласных идти в другую семью женщин приходилась младшей сестрой Фаршедварду — своему мужу. Она захотела остаться в своем роде, и кедхода обещал отвезти ее в дасткарт одного из мелких Каренов неподалеку. Другую женщину Аврааму с азатами пришлось везти в Ктесифон. Согдийка была она и пожелала вернуться домой. Но по дороге мул ее все прижимался к коню красивого сотника-азата, и после ночевки у кузни этот сотник отправил ее к себе домой, куда-то в Гилян...

Грудь и лицо маленькой согдийки видел Авраам у кузни. И слышал ночью, как грубо возился с нею сотник. Она вскрикивала и смеялась, как когда-то Пула за дверью. После этого и потянуло его в Нисибин...

Все уменьшилось в Нисибине: улицы, площади, дома. Даже водовоз Хильдемунд сделался ниже, и бочка его осела. Все так же шили верблюжьи седла не имеющие достатка студенты, по заросшему крапивой двору бегал

и ругался мар Бобовай. На старом месте стоял столб с правилами академии, те же козлы под ними и пустые скамейки были вокруг, но и это не взволновало...

Больше всего обрадовался его приезду Хильдемунд. Старый вандал ходил вокруг него, поглаживал и украдкой вытер глаза. И Авраам почувствовал при виде старика, как веки его влажнеют. Что это было между ними: может быть, те слова, которые повторил когда-то Авраам на чудном северном языке...

Мар Бар-Саума был плох. Он лежал в затемненной комнате на высокой деревянной кровати, и волнистая белая борода покрывала всю ее, ниспадая к полу. Епископ взял руку Авраама, подержал и отпустил...

Авраам ходил по Нисибину, переходил с царской стороны на торговую, подолгу останавливался на углах, в тени деревьев. И вдруг понял, зачем приехал. Она шла с оплетенным соломой кувшином под рукой, и крепкие маленькие плечи ее двигались в обратную шагу сторону...

Рабыня Пула остановилась, улыбнулась ему, отставила кувшин. И спокойно стояла, как будто знала все и ждала его приезда. Словно бы ниже ростом сделалась она, но хитон еще туже был натянут у нее на груди. И плечами слегка поводила она, даже когда стояла...

— Ну... как ты живешь, Пула? — спросил он у нее.

Она приподняла локоть к густым каштановым волосам, с насмешливым недоумением посмотрела ему прямо в глаза. И он быстро, сбиваясь, попросил ее прийти к крепости, когда будет садиться солнце.

Она кивнула, выслушав, и еще раз улыбнулась ему...

В крепости она подошла, спокойно оперлась на его руку и повела по тропинке. Солнце еще висело в небе, но было уже не жарко. Он по дороге попытался обнять ее за плечи, но она освободилась, потому что неудобно было идти так вдвоем по чуть видной тропинке среди кустов. В сторону потом прошли они еще немного...

На небольшой полянке, когда к кустам вокруг прибавились высокие папоротники, она остановилась, потянулась слегка и удобно села на траву. Он сел рядом и сразу обнял, стал трогать руками ее грудь, плечи, шею, прижиматься к ним лицом. Руки его мелко дрожали. Она

разрешала все, освобождая только лицо. Потом положила прохладные ладони ему на щеки, медленно, закрыв глаза, приблизила губы... Руки у него вдруг перестали дрожать. Они сразу почувствовали ее колени и выше...

— Подожди...

Она встала, распоясала хитон, сняла его через голову, аккуратно постелила и легла на спину. Он упал на колени, повалился на нее, и сквозь поиски пробилось удивление: какие у женщин тяжелые и твердые ноги... Она помогла ему...

Потом он не знал, что ему делать. Она говорила о чем-то, как будто ничего не было, смеялась. Когда ушло солнце, она сказала, чтобы он разделся, потому что испачкает травой одежду. Он разделся, стараясь, чтобы она не видела, лег к ней. Тогда Пула повернулась и обняла его...

Каждый вечер теперь пробирался он в крепость и ждал во тьме белый хитон. Она приходила позже, закончив свои дела, и они сразу ложились на траву. Она учила тому, чего он не знал, и сама загоралась до потери памяти. А он привык уже к ее груди, бедрам, телу. И только первое удивление не проходило: какие у женщин крупные, округлые колени. Он почему-то представлял их иначе.

Хильдемунд ждал его на скамье у сторожки, потому что Авраам не ходил ночью в царские казармы, где им отвели место, а спал у него. Вандал покрякивал, стелил ему рядно на лежанке, сам ложился на широкую дубовую скамью. Кусок пирога с сыром и холодное молоко в чашке всегда были у него для Авраама.

Днями он сидел в царском зале сатрапии, составлял записи разговоров посланника эрандиперпата с ромейским сенатором Агафием Кратисфеном. По всему было видно, что ромеи тянут дело с выдачей положенного по договору золота. То они справлялись, будет ли царь царей строить защитную стену против гуннов в Каспийских воротах, у Дербента; то снова заводили вечный разговор о Нисибине. Сенатор ненароком осведомлялся о том или ином из воителей Эраншахра, чьи дасткарты были разгромлены. Чувствовалось, что он знает все про дела в Ктесифоне. Один раз сенатор даже спросил о Маздаке...

Хушнаваз, великий туранский владыка, разгромивший девять лет назад самого Пероза с лучшим персидским войском, ждал где-то в своих степях ежегодного приношения. Что, если, не получив требуемого, бросит он опять своих царских саков на Эраншахр и, пройдя его, обрушится на империю?! Об этом надо было неустанно напоминать ромеям, но так, чтобы не ронять достоинство Эраншахра. А посланник эрандиперпата, неумный старый шахрадар, все сводил на законный договор Византии с Эраншахром, по которому ромеи обязались платить за защиту кавказских перевалов. Это была извечная тупая вера в доблесть. Как будто значат что-либо в реальной жизни клятвы и договоры, не подкрепленные корыстью. Лишь для детей годятся старые арийские сказки. Сами же арийцы первыми нарушают свои клятвы...

Авраам засыпал сидя, голова его кружилась. И оживал лишь к вечеру. В городе на него смотрели с интересом, перешептывались друг с другом. Здесь уже некоторые дипераны тоже надели красные куртки. Фаруд, которому помогал он когда-то переписывать христиан города, бурчал что-то себе под нос о «красных абрамах».

Уезжал он утром и еле взобрался в седло. Пула махнула ему рукой из крепости, засмеялась и ушла. Хильдемунд брел рядом с конем до самого выезда из Нисибина...

Видел он еще в городе Елену, дочку ритора Парцалиса. Она вытянулась, сделалась худой и долголицей. Пятнышко у левого глаза пропало...

IV

В третий раз пришли в Ктесифон деристденаны — «верящие в правду». Даже из туранского Согда и ромейской Армении были здесь люди в красных кабах, перепоясанные веревками. Ничего из оружия не имели они: ни меча, ни щита. Только прямой обоюдоострый нож висел у каждого на животе вместе с черным точильным камнем...

Датвар Розбех командовал ими. Задолго до «Красной Ночи» объединялись по пять человек приверженцы правды Маздака и давали клятву. «Четыре через Семь и

Двенадцать» — было их учение, и эти знаки выбивали они на лезвиях ножей.

Несколько раз уже ездил с ними Авраам для раздачи хлеба из дасткартов. В последний раз был он в Хузистане, и кедхода, староста приданной ему пятерки из местных деристденанов, удивил его. Это был вольный перс — гончар из людей города Гундишапура, обликом похожий на эрандиперпата Картира.

— Каково значение великих цифр? — спросил у него Авраам.

И гончар объяснил... Четырьмя понятиями проявляется Высшая Сила: первое — Различение противоположностей; второе — Память, властвующая над временем; третье — Мудрость, способствующая равновесию; четвертое — Радость удовлетворения... Путем Семи сущностей определяются они в обыденной жизни, и эти сущности — Власть, Управление, Хранение, Исполнение, Разумение, Рассуждение, Служение... А Семь вращаются по извечному кругу Двенадцати действий — произносить, давать, брать, нести, питаться, двигаться, пасти, сеять, бить, приходить, уходить, пребывать твердым. Свет и тьма борются в этом непрерывном вращении...

Авраам много раз слышал откровение Маздака. Но не умеющий читать деристденан понимал это не просто как заученную истину. Построенная великим магом система мирового движения проникла в плоть и кровь, целиком захватила разум. Никаких других возможностей не существовало для него в этом мире, бесконечность которого прежде всего признавалась Маздаком. Сомнения врача Бурзоя вспомнились тогда Аврааму. Сколько было уже четких, завершенных систем: вавилонских, египетских, ромейских, и они рушились, развеивались в прах...

Когда Авраам попытался осторожно заговорить об этом, гончар запрещающе поднял правую руку. В спокойных глазах его светилась разумная вера. И лишь подумав, ответил он:

— Ты просто никогда не работал руками, красный диперан... Родившись, начал мять я глину. Чистую глину, без примесей. И тридцать пять лет делаю одинаковые, в четыре локтя длины, трубы для воды и стока нечистот. У меня не может быть сомнений. Если я поверил, — значит, это правда!..

Ладонями к огню, у которого грелись они, лежали

большие жесткие руки гончара. Такие же руки были у сотника Исфандиара и Фархад-гусана. Авраам вспомнил непрерывный, однообразный, отливающий солнцем след от сохи, размеренный, обреченный шаг быков... И у рабов, окапывающих оливы, такие руки...

Осознанность веры была у этих людей, но не она поразила тогда Авраама. Другое было неожиданным. Гончар ощущал бесконечность, но не хотел ее. Он сознательно и непримиримо отметал все другие возможные системы. Значит, за высоким лбом мага родилась такая правда, которая именно сейчас нужна людям. Только она и никакая другая. Свет уже побеждает тьму, и для полного торжества правды необходимы лишь самоотречение, чистота мысли, слова и дела!

Наверно, каждая забытая правда прошлого нужна была людям. Они сами выбирают и прилаживают ее себе ко времени. Что же такое — правда?.. Авраам посмотрел в глаза гончару и не стал спрашивать.

Белую муку, досуха прожаренную в сладком масле, раздавали людям деристденаны. Вяленые бычьи туши они разрубали на двенадцать положенных частей каждую. Бруски истекающего желтым жиром арийского сыра резали широким тесаком без взвешивания. Сушеные абрикосы, инжир, финики отмеривали в шапки. Ароматом бесчисленных пиров пропитались их тела и одежда. Один раз в день садились они у хауза, миску теплой воды ставили между собой. По горсти принесенной из дому сухой муки ссыпали туда деристденаны и ели, передавая по кругу большую деревянную ложку...

В третий раз после великой ночи пришли они, и словно кровь проступила сквозь черные каменные плиты. Пятерками, по сто в ряд, стояли «верящие в правду», бесконечно отражаясь в серебряной стене. Близкие друг другу люди это были — отцы с сыновьями, братья, родственники по праву ночи в доме единоверца. И дети стояли среди них, не достигавшие до плеча зрелым мужчинам...

Подъезжая к площади, Авраам смотрел по сторонам и вдруг увидел гончара. Те же трое братьев и двенадцатилетний внук были с ним.

— Мы пришли к Маздаку спросить, что нам делать дальше...

Это сказал гончар, и в знак безмолвного согласия наклонились головы у всех четверых. Одинаковые были они — ссутуленные, с длинными руками, приспособленными мять чистую глину. И мальчик был такой же, только без отвисающих к плечам усов.

Когда Авраам оглянулся от дворца, то снова увидел гончара среди тысяч людей...

Давно убрали желтый шелк, отделяющий нишу для дипиранов. Не приходилось теперь сдвигать его всякий раз, чтобы увидеть говорившего. И внизу все было не так...

Не гремели трубы и не призывались сословия. Пустой трон стоял где-то за тяжелой бордовой завесой, а царь царей и бог Кавад сидел со всеми на высокой подушке, и каждому было открыто его лицо. Звериные лампады больше не зажигались — горели простые трехъярусные светильники. Они источали ровное пламя, и не было от него дымного багрового отсвета.

Все здесь теперь было обычным: большой ковер на полу, колонны с рельефами, человеческие лица. Только круглая черная яма по-прежнему холодно зияла посреди зала. Прямо напротив нее сидел царь царей...

Вчера лицом к лицу увидел его Авраам. Как когда-то, вошел вдруг в книгохранилище Светлолицый. Сделав разрешительный знак, он остановился в шаге от Авраама и вдруг коснулся его плеча:

— Ты пишешь мою хронику?

Авраам хотел склониться. Светлолицый еще раз досадливо поднял руку и стремительно прошел к окну. Он долго смотрел куда-то поверх стены дасткарта, а Авраам не знал, что ему делать. Эрандиперпат, наверно, рассказал царю царей о «Книге Владык», но не об этом спрашивал сейчас Светлолицый. Помнит ли он то первое утро, когда учил Авраама старой арийской игре «Смерть царя»?..

— Мы в один день родились с тобой, христианин...

Авраам сначала не понял. Тень Светлолицего падала к самым его ногам. В узком окне виделся лишь край широкой брови и повторяющий ее угол подбородка. Действительно сказал это царь царей или послышалось ему?..

Уже во дворе вспомнил он арийское поверье о ровесниках. У каждого человека есть двойник, родившийся в один день с ним. Они связаны навечно... Да, он, Аврам — сын Вахромея, родился в День Царя...

Светлолицый быстро поворачивал голову к каждому говорившему. В глазах его открыто вспыхивали огоньки одобрения или осуждения. Бледной тенью сидел за ним царевич Замасп, брат его по отцу Перозу. Во всем повторял он Кавада — резко изогнутые брови, хищность носа, твердая линия губ. Лишь подбородок вдруг терялся, заостряясь и пропадая где-то внизу. И еще глаза никак не могли остановиться на лицах людей и беспокойно метались по потолку...

Немного великих осталось в Царском Совете — половина подушек пустовала. Мобедан мобед сидел поникший, затаив маленькую голову в одеждах. Не было вазирга Шапура из Михранов, который умирал от болезни крови. Ни один из восьми больших Каренов не остался в Ктесифоне после смерти родового главы — Быка-Зармихра. В горной Мидии на путях к Турану засели они, не допуская в свои дасткарты царских диперанов. Так же сделали многие другие из великих...

Зато появилось здесь несколько новых из приверженцев правды Маздака, и среди них неистовый датвар Розбех — вождь деристденанов. Сразу за Маздаком сидел он в ряду. Оставшиеся великие настороженно посматривали на него...

Только старики в белых одеждах из сословия вастриошан были все те же. Они неподвижно сидели на своих желтых подушках, и громадный кузнец в прожженном кожаном переднике стоял за ними.

И на прежнем месте, пятым в ряду мобедов сидел великий маг Маздак. Огромный лоб его высился над всеми, и все подушки были повернуты к нему. Царь царей и бог — Светлолицый Кавад смотрел на него, ожидая решения...

Розбех кивнул в сторону царя царей, коснулся рукой глаз и быстро повернулся к Маздаку:

— Три года прошло с великой ночи... Не отворились до сих пор ворота дасткартов в Мидии, Атурпаткане, Гиляне, Хорасане. За их каменными стенами спрятано

счастье Эраншахра. И разве все свои сокровища и женщин отдали сидящие здесь великие?!..

Маздак молчал. Что-то новое, несвойственное ему, увидел Авраам в очертаниях тяжелой головы.

— Чего ты хочешь, датвар? — спросил Светлолицый.

— Они пришли к нам за правдой... — Розбех, задыхаясь, простер руку куда-то ввысь. — Нужно дать им право на убийство!

Мобедан мобед совсем вдруг исчез в своей хламиде. Великие пошатнулись и замерли. Тяжелый гул послышался в наступившей тишине, словно огонь горел где-то в глубинах земли. Это было, как если бы заткнуть пальцами уши. «Верящие в правду» ждали на площади, и плоские точильные бруски висели на их поясах...

— Мы не пустим краснорубашечников в дехи!..

Диперaны вытянули шеи, стремясь увидеть заговорившего вдруг старика от людей-вастриошан. Из Атурпаткана был он. Деристденаны накануне поехали туда, чтобы раздать пшеницу одного из Каренов, но сами люди-вастриошан не позволили им этого сделать...

Они сидели тихо, земледельцы в белых одеждах. И тогда заговорил старый азат со шрамом через все лицо из сословия артештаран:

— Твои люди, великий датвар Розбех, захотели коснуться нашего Огня в Шизе. Почему они лишают людей свободы совести?.. Они убили невинного человека лишь за то, что он обладает богатством. Среди твоих людей видели нечистых, осквернивших себя воровством. Зачем приобщаешь ты к нашему делу неугодных Мазде?..

Датвар Розбех снова выбросил белую руку из-под фиолетового судейского плаща. Его сухощавое лицо было неподвижно. Только светлые холодные губы чуть двигались и неумолимы были глаза:

— Вы темны и не знаете собственной пользы, арийские дехканы и люди-вастриошан. Огнем ослепили вас мобеды. Но нужнее огня вам хлеб и женщины. Почему же противитесь вы?!..

Страдание слышалось в голосе неподкупного датвара. Весь Эраншахр знал и любил его, ненавистника великих, первого сподвижника Маздака. Все молчали. Но вновь прокатился подземный гул, и страшно, неистово закричал Розбех:

— Нет, не правдой и молитвами опрокинут будет

Ахриман в душах великих! Смерть им, и пусть рухнут все стены на земле!..

Качнулась голова Маздака, и Аврааму вдруг показалось, что трудно ее стало держать великому магу. Печальная складка обозначилась на лице его, у самых губ. Не было ее раньше...

Светлолицый повел рукой:

— Говори, датвар!

Ровно, убеждающе заговорил опять Розбех... Да, нужно убрать огонь от глаз людей, чтобы увидели они мир в естественном свете. Под страхом смерти следует запретить посещать огнища. И не надо страшиться лжи, когда она служит правде. Гуркаганы из черных каризов пусть будут призваны, потому что лишь волчий язык разумеют великие. Обратно под землю уйдут силы зла, когда исполнят свое...

Резко поднялся с подушки Маздак, и сразу встал вместе с ним Светлолицый. Открылись где-то невидимые завесы, и грозный гул ворвался в зал. Колыхнулось белое пламя светильников...

Авраам с диперанами поспешил по переходам верхних этажей к площади, где ждали деристденаны...

— О Маздак!..

Красным ветром пахнуло в открытый зев дворца. Не из диперанской ниши под сводами, а вблизи увидел Авраам помост во всю ширину арки. Один Маздак стоял на нем, и Светлолицый сидел в вышине под короной на бронзовых цепях. Арийские железные крылья были на ней, означающие орла-властелина и петуха, приносящего счастье Эраншахру...

Голова Маздака приподнялась, оглядывая площадь перед дворцом, улицы и переулки, полные людей в красных одеждах. Он даже привстал на носках, чтобы дальше увидеть, и печальная складка у рта не видна стала при свете солнца. Люди склонились, положив ладони на глаза...

Что-то звякнуло под ногой. Авраам увидел обрывок бронзовой цепи, на которой сидели когда-то желтые львы по бокам трона Сасанидов. Их убрали после «Красной Ночи»...

Он уже много раз видел заполненную людьми площадь. И деристденаны уже дважды приходили сюда в великую годовщину. Но другими были сегодня люди. . .

Авраам оглянулся на узкую нишу под самым потолком арки и понял. Оттуда, с нечеловеческой высоты, смотрел он на людей, и муравьями казались они, чьи судьбы решает садовник. Здесь, у помоста, глаза и лица были у них. . .

Рука Маздака взметнулась над этими людьми:

— За правдой или ложью пришли вы сюда? . .

Только губы шевельнулись у великого мага. Голос его весь без остатка ушел под своды и лишь потом низринулся на площадь, стократно усиленный. Красная волна покатилась по ней, достигла дальних деревьев и миллионоголосым воплем возвратилась назад.

— О-о Маздак! . .

Первородный ужас был в глазах мужчин, стариков, детей. Они тянули руки к великому магу, страшась его недоверия, боясь остаться одинокими в этом мире.

А Маздак заговорил быстро и четко, с мягким северным пришептыванием. . . Свет отделить от тьмы — вот к чему должны от рождения стремиться люди. И не может быть послаблений в этой битве. Непобедима правда, пока ложь не проникнет в нее изнутри. Трудность в том, что ложь всегда может прикрыться правдой, но правда ложью — никогда. Малейшие ростки лжи должны быть отделены, иначе снова смешаются свет и тьма в мире. И наступит хаос, а при нем — беспредельна ложь и все несчастны. . .

— О-о-о! . . — простонала площадь.

— Свет зари на ваших одеждах! . . — Маздак шагнул к самому краю помоста. — Все больше людей побеждает тьму в своих душах. Бесконечен этот путь, и мы не увидим встающего солнца. Но слепы те, кто хочет приблизить его восход убийством, ибо убийство — всегда ложь. Разве пролилась кровь в великую ночь? Никто не знает имени азата, убившего эранспахбеда Зармихра, и не от Мазды ли был послан этот человек, чтобы люди не осквернили свои руки кровью? Нет, не совместимы кровь и правда и не может быть у людей права на убийство!

— О-о. . .

Это вздохнули за спиной, и, обернувшись, увидел Ав-

раам великих. Свет был у них в глазах, и руки тянулись к Маздаку. Из плоти и крови состояли они, открывшие свои дасткарты.

И только потом разрешающий знак тихо прочертила ладонь великого мага:

— Обороняясь от напавших на вас, убивайте без радости. Нет увлечения страшнее убийства.

— Маздак, о-о-о-о-о! . .

Датвар Розбех в фиолетовом плаще стоял первым к помосту, бесконечно повторяясь рядом с Маздаком в серебряных пластинах на стене дворца. . .

V

К войскам на границе с ромеями поехал воитель Сиявуш, потому что оставляли самовольно рубежи азаты и уезжали в свои голодные дехи. Давно уже не было его, но каждую ночь выходила Белая Фарангис и ждала, придерживая покрывало. В двух шагах стоял Авраам. Все больше становилась луна, пока не пропала, и ночи сделались черными. . .

Это было сразу после Нисибина и Пулы. Он позвал Мушкданэ — дочку садовника в темноту от платана и не стал больше трогать ее руки. Короткое покрывало развернул он на ней, снял все и положил ее на землю головой к забору. Ноги у нее тоже были совсем худые и холодные. Но он зажмурился и сделал то, от чего не мог удержаться. Она молчала и даже от боли только тихо вздохнула. . . Ему было неприятно.

Никогда больше он не знал Мушкданэ. . .

Все на том же месте стояла Белая Фарангис. Безлунный воздух был горячим. Растворились звезды, в черной неслыханной духоте повисли умирающие листья платана. . .

К стволу прикоснулся Авраам и отдернул руку. Дерево было раскаленным, и сок уже не двигался в нем. Он потрогал себя и ощутил ту же горячую, не принадлежащую ему твердость. Неподвижен был вязкий остановив-

шийся мир, лишь Белая Фарангис стояла все там же, и частыми толчками приподнималось на груди у нее покрывало...

Все уже делалось помимо него: не стало вдруг сердца, голова закружилась в безмерном ожидании. Лунное лезвие прожгло листву, помчалось по кромке крыши. И тогда она повернулась и пошла к нему, прятавшемуся у дерева...

Протянув руки, с закрытыми глазами коснулась она его волос, глаз, шеи; покрывало сползало с ее плеча. Он хотел остановить падение, но тяжелый шелк скользнул между пальцами, и осталась только холодная чистота тела. Потом ладонь его двигалась, никак не остывая...

Руками защищал он ее спину от шершавой коры платана и не чувствовал боли в ободранных пальцах. Колени его напряглись, приняв всю ее тяжесть. Она вдруг открыла глаза, задыхаясь:

— Вот какой... какой ты, христианин!..

Они вздохнули вместе, но она все не отпускала его. А он уже проснулся, не веря себе. Чуть присев, подняла она потерянное покрывало, взяла его за руку и повела через калитку в стене.

Крест там упал ей на грудь. Она отбросила его и ничего уже больше не было между ними. Он почувствовал сразу всю несдерживаемую силу ее бедер, кровь полилась из прокушенной губы.

Стиснув зубы, душила она его до утра. И всякий раз широко открывала глаза, удивленная, растерянная от счастья, уничтоженная. Имя его с медным арийским звоном выговаривали ее губы:

— Я люблю тебя, Абрам... Абрам!..

Нет, Белой Фарангис она была и утром отстранила его. Потрясенный, переполненный, он захотел благодарно прижаться к ней и вдруг увидел рядом с подушкой легкий саксаганский серпик без ножен. Она лежала, закрыв глаза, и он ушел. На руках осталось неслыханное ощущение ее тела...

Он шел к себе через сад. Гром гремел в предутреннем небе. Огненные зарницы вспыхивали, не прерываясь ни на мгновение. И не было нигде воды — в воздухе, на земле, в траве и листьях. Земля потрескалась, обнажив корни. Черными обугленными факелами торчали из нее гигантские розы.

Авраам откинул завесу главного коридора, и руки его сделались чужими. Ярко горели светильники в нишах. Эрандиперпат Картир смотрел куда-то поверх его головы...

Медленно отступил Авраам, приник спиной к каменной стене. Как будто не было его здесь, прошел эрандиперпат. Долго хрустели по песку размеренные шаги, пока не прервал их новый удар грома в сухом, искаженном молниями небе...

VI

Безразличны ко всему были руки, ноги, голова. Мысли сплетались и расплетались, уползали куда-то, и не хотелось их удерживать. А может быть, приснилось ему все земное: грубая шершавость платана, тяжелые удары широких и белых бедер, серпик у подушки? ..

Да, все по-прежнему. И Белая Фарангис под покрывалом. Воитель Сиявуш еще когда-то снился ему... Все тело его содрогнулось воспоминанием. Авраам приблизил руки к лицу, и невозможно уже было оторвать искусанных губ от их терпкого запаха...

И эрандиперпат Картир в предрассветном коридоре — тоже не сон!.. Холодная испарина выступила на лбу. Невидимый Мардан крикнул, что его зовут. Кто-то другой, а не он, встал с лежанки, прошел знакомый путь, отвел рукой завесу и коснулся мокрого лба. И еще раз ощутил от ладоней счастье ночи...

Это был только сон... Эрандиперпат, как всегда, важно указал на подушку, где садились диперааны. Ему, Аврааму — сыну Вахромея, предстояло завтра отправиться с поручением царя царей в Туран. Сорок мулов с чеканным серебром и в слитках должны без задержки дойти до золотой юрты Хушнаваза — владыки всего Востока. Это не простая уплата за разгром царя и бога Пероза десять лет назад, а дар приемного сына Кавада своему второму отцу, у которого он воспитывался с малолетства. И еще благодарность за помощь в предстоящей войне с ромеями, потому что упорно требует возвращения Нисибина новый кесарь Анастасий. На царской стороне уже собран караван и полк охраны. Они выйдут на рассвете через Восточные ворота, а в Хорасане возглавит посольство

великий канаранг Гушнапсдад, военный правитель Мерва.

Медленно и со всеми подробностями объяснял эрандиперпат, как ему следует действовать в пути и по прибытии в Согдиану, где разбил сейчас свою юрту туранский царь. А в ушах Авраама все хрустели по песку удаляющиеся размеренные шаги, и не мог он поднять головы...

О главной его цели заговорил старик. В Туране вторая половина сказаний о древних владыках, так как мир был когда-то единым. И даже когда он раскололся на три части: Рим, Эран и Туран, они оставались связаны враждой. Там, в Туране, тысячу лет назад погиб Кир — великий из великих Кеев. Двурогий Искандарий вернулся оттуда, не дойдя до последних его пределов. И там же, в безмерности пространства и времени, следы великого царевича Сиявуша...

Авраам напрягся, ибо знал это странное арийское предание... У одного из первых царей — грозного Кей-Кавуса была молодая и не сдержанная в чувствах жена Судаба. Она пленилась сыном царя — благородным Сиявушем. Трижды искушала она его, но, воспитанный в чести самим Ростамом, отверг он измену. Похотливой женщине поверил царь, а не кровному сыну. И дальше происходит неслыханное искажение прямого, как меч, арийского мышления. Отправленный воевать Сиявуш соглашается вдруг на мир с Тураном, и железнотелый воитель Ростам почему-то одобряет его действия...

Нет, равнодушно выговорили губы старика имя неверной царицы и больше не повторяли его. И благородство отвергнувшего ее царевича осталось где-то в стороне. Записи о жизни и смерти Сиявуша в Туране предстояло разыскать Аврааму, а если нет их, то записать со слов разных людей. Все надо привезти, что можно будет найти о Сиявушкарте, потому что царь царей и сам великий Маздак интересуются этим...

Сиявушкарт, город вечного счастья, построил где-то на краю мира мягкосердый царевич, когда бежал от отцовского гнева к извечному врагу Кей-Афрасиабу. Есть много рассказов, как отправлялись искать этот город и даже находили его в разных местах. Каждого третьего в Эране нарекают именем Сиявуша...

Во весь свой рост поднялся вдруг эрандиперпат. И Авраам поспешно встал, не поднимая головы. Долго

слышались, приближаясь, шаги. Громадные остроносые туфли — одна, потом другая — возникли и остановились перед Авраамом. Кровь медленно отливала у него от сердца, болели колени. Тяжелую безжизненную руку почувствовал он на своей голове. Как и в тот день была она, когда поручили ему «Книгу Владык». . .

Авраам облизнул ссохшиеся, истерзанные губы и поднял глаза. Эрандиперпат важно кивнул, отпуская его в путь. . .

В казармах при царском монетном хранилище готовились к дальней дороге. Диперапы эранамаркера Иегуды выдавали азатам из полка охраны деньги, сушеное мясо и жареную в сладком масле муку. При каждом азате шел второй конь с провизией. Сотники проверяли оружие, подгоняли нерадивых. Только здесь Авраам узнал, что с ними пойдет большой караван от торгового товарищества. Он поспешил туда, на подворье. . .

И на торговом подворье была кутерьма. Три или четыре каравана из разных концов света скопились там. Мулы и верблюды не вмещались уже в конюшни и стояли на площади перед воротами. Прислужники на ослах подвозили им сено.

Последний караван пришел, по всей видимости, утром, и черные люди из дальней страны Аксум поспешно перегружали товары на главный двор, откуда готовился выйти в путь его родственник Авель бар-Хенанишо. Рычание послышалось рядом. Отпрянув от огромного ящика, Авраам разглядел за железными прутьями рыжую косматую голову. Эфиоп с совком приоткрыл клетку, протиснулся внутрь и начал убирать за львом. Зверей продавали вместе с людьми, умеющими ходить за ними. . .

Прохладный полумрак был в главном складе и пахло свежими вениками. У низкого сирийского стола сидели люди. Дядя его оглянулся и ничего не сказал. Мар Зутра кивнул Аврааму, показав на табурет в стороне. . .

Кроме них Авраам знал из сидящих черноусого перса Зиндбада с бешеными глазами, который водил тяжелые двухэтажные тайяры товарищества через моря к неизведанным землям. Знал он и умного ромея Леонида Апиона с зеленой повязкой у рукояти меча. И старик индус, привозивший с собой своего маленького золотого бога, был

знаком Аврааму. Остальных не видел он раньше. Здесь сидели еще два или три грека-ромея, какой-то благообразный светлобородый гот, красивый аксумец с плавными царственными движениями, арабы, иудеи, армяне...

Говорили по-арамейски, вежливо передавая друг другу папирусы с бесчисленными цифрами, и спокойное понимание было между ними. Где-то по ту сторону остались страсти, сотрясения духа, бронзовый звон. Словно призрачное сказание выглядел мир из этой реальной полутьмы. Лишь к концу разговора по отдельным фразам понял Авраам, что все то серебро, которое повезут в Туран, передало царю царей товарищество. Со всех концов земли собрали его, и чуть ли не половину дали ромейские сотоварищи помимо своего кесаря. Мир нужен был им, чтобы водить караваны, а если вконец ослабеет Эраншахр, то быть войне...

Артак, Абба и Қабруй-хайям приехали проводить его в далекий путь. За городскими воротами они слезли с коней. Все удалялся и удалялся медный звонок последнего, замыкающего, верблюда. Никто больше не мешал им, и они обнялись. Что-то горячее ощутил Авраам на своих руках. Это слезы закапали из глаз маленького Аббы. У всех покраснели лица...

Солнце уже взошло. Авраам отвернулся, утираясь ладонью, и увидел на белой потрескавшейся земле две знакомые тени. Он сначала не понял, зачем они здесь: сотник Исфандиар и Фархад-гусан. А потом бросился, прижался головой к одному и другому, ощутив запах пота, кожаных ремней, степной травы. Слезы уже свободно лились из глаз...

В ряд они стояли у высоких кованых ворот, все уменьшаясь: диперани в красных куртках и сотник с азатом. Потом ворота начали быстро уходить под землю. Радужными разводами плыла дорога...

Откуда это тепло между людьми, отделяющее их от зверей? Может быть, правда, что внутри у каждого — огонь. Сильнее или слабее он горит, привлекая других. Есть люди, у которых он совсем погас или только чадит, отталкивая... Авраам отпустил поводья, крепко заткнул пальцами уши. Ровное мощное гудение не прерывалось.

Он нагонял уже караван. И вдруг остановил коня, приложил обе руки к лицу, и сразу вернулся запах ночи. Солнце пропало куда-то, и лунное лезвие помчалось по кромке крыши. В душной тьме повисли омертвелые листья. Он медленно потянул поводья и поехал назад, но конь остановился...

Нельзя уже было разглядеть отсюда дасткарт Спендиатов. Белый горячий туман стлался от реки по всему горизонту. Недвижно стоял в волнах сверкающий куб дворца, и рубиновой каплей была вправленная в него арка...

VII

Бам... бам... бам... бам... Непрерывность времени утверждал этот звон. Он не кончался и ночью, когда караванщики подвязывали медные языки на шеях верблюдов. Лишь тише становился он при свете костра и снова возникал в полную силу, как только приходил сон.

Каждый десятый верблюд нес с собой колокол, потому что на полфарсанга растягивался в пути караван. Черным дымом давали знак остановки. Воспользовавшись охраной царского серебра, полторы тысячи вьючных верблюдов вел с собой Авель бар-Хенанишо...

А трещины в земле становились все шире, и кони ломали ноги. С начала лета дул гармсель — медленный и горячий ветер. Из слабых предгорных речек, из щелей в скалах, из самых глубоких колодцев впитывал он в себя воду. Листья оставались как живые: зеленые, с синими прожилками, но ни капли сока не было в них. Сухо трескались стволы деревьев, трескалась земля, камни и лица людей. На первом же привале услышал он про «Ветер Наказания»:

— Огонь вынесли из храмов, и стал он ветром...

— Те, кто в красном, сделали это...

Азаты молчали. Говорили люди, пришедшие из ближайшего селения, и казались безразличными их голоса...

Потом все меньше становилось городов и селений, ярче разделялись свет и тьма, кончалась жизнь. Из горячих каменных долин попадали они в узкие ледяные ущелья, и звезды среди дня загорались в небе. И сразу опять

пылало солнце, а камни сверкали, как раскаленные звезды. Горы Мидии были все время слева, и вечно высилась на краю их белая глыба Демавенда. Царь Заххак, змей-отцеубийца, висел там, прикованный царевичем Фаридуном...

Да, здесь порожден он, железнотелый Ростам, которого не минует ни одно из сказаний!.. Нет больше людей, только голые скалы, оплавленная земля и пустое, беспощадное небо над головой...

Когда при помощи Кузнеца приковал к скале Заххака и сел на отцовский трон царевич Фаридун, то мощнотелый воитель Сам из рода саксаганских царей был его опорой. И родился от Сама сын Заль с солнечным лицом и полный благодати. Не имело изъяна тело младенца, но голова его была седой. Устыдился старый Сам и велел отнести сына-урода в глухое ущелье. Птица Симург с железным сердцем вскормила Заля и вернула увидевшему вещий сон отцу, когда пришло время...

А Заль полюбил чистую Рудабу — дочь кабулского царя Михраба, ведущего свой род от змееподобного Заххака. И никого не хотел больше видеть из женщин седоголовый юноша. Тогда и предрекли мобеды, что родится от Заля и Рудабы неслыханный воитель...

Все происходило, как сказали мобеды, прочитавшие в небе судьбу Ростама. Тахамтаном — «Железнотелым» стал он, опорой Кеева трона и мстителем Турану. Высокое чувство верности было присуще ему, а честь была дороже жизни. Прямо смотрел он на мир и знал только арийские «да» или «нет».

Но рок тяготел над благородным Ростамом, потому что смешана была его кровь. В бою, не ведая о том, убивает он сына. Потомок Кеев — меднотелый воитель Исфандиар гибнет от его руки, хоть не желает Ростам его смерти. И сам он умирает от руки брата...

Ускакав от каравана, посреди слепящего безмолвия въехал на одинокую скалу Авраам. Соль проступала сквозь камни, и в алмазах была пустыня до горизонта. Где-то там, справа, угадывались горы Систана и Забул — вотчина великого воителя. А слева все стояла синяя стена Страны Дивов — Мазандерана, где совершил Ростам семь своих великих подвигов. Поганое летающее чудище, самого Акван-дива, сокрушил он и навечно изгнал силы зла из их каменной твердыни. Страну Волков — гурга-

саров он покорил, что начинается сразу за Демавендом...

Кто же такой был этот вечный воитель, уже много тысяч лет не знающий смерти? Что олицетворял он?.. Минувшее?.. Будущее?.. Изначальное?.. Взметнулся и дико, на всю пустыню, заржал конь под Авраамом. Дрогнуло, забилось сердце, беспредельно расширилась грудь, красная пелена наползла на белые камни:

Мой трон — седло, моя на поле слава,
Венец мой — шлем, весь мир — моя держава!

Не дав опуститься передним копытам коня, бросил его Авраам со скалы в галоп. Буйно свистнуло в ушах, качнулся горизонт, бронзовые сполохи побежали по всему небу. И заревели карнаи, заметался в тоске Туран...

Впереди он был, Тахамтан, и земля неслась под копыта его коня. Затмевая день, опять плыли в небе знамена витязей Эрана. Могучий слон на знамени — это Тус, от каждого удара которого плачет целое туранское селение. Солнце и луна на знаменах, под которыми Фарибурз с Густахмом. Хищнопенного барса голову везет Шидуш, похожий на горный кряж. Полные грозной отваги, мчатся они: Гураз, чей знак — кабан, доблестный Фархад со знаком буйвола, Ривниз с зеленоглазым тигром, открывшим пасть. Как жемчужина, светла ромейская рабыня на ратном знамени удалого Бижана. Волк матерый с капающей изо рта кровью венчает стяг его отца — старого Гива. И лев золотой — знак дома неистового Гударза здесь...

Плачет Туран. Негде спрятаться его коварному царю Афрасиабу. Быками под лапой эранского льва валятся туранские витязи. И вот уже в который раз горячей кровью благороднейшего из них — Пирана наполняет чашу старый Гударз. И выпивает всю чашу в память павших сыновей и внуков...

Снова дымом и кровью пьяны всадники. Сам Кей-Хосрой ведет теперь их. Быстрее мысли настигают туранцев доблестные мечи, быкоголовые палицы вбивают их в землю...

Брызгал, искрясь, соленый прах из-под копыт. Конь нес его по пути древних воителей, и не надо было больше сдерживаться. Заново рождались, набегая, слова и

ритмы, послушно укладывались в бронзовые формы — двустишия. Прямой арийский меч с расширяющимся книзу лезвием ощущал он на боку. Желобок для стока вражьей крови шел от самой рукоятки. И черный точильный брусок висел на его поясе справа. Одной крови был Авраам с бессмертным воителем...

Теперь он знал, что напишет «Книгу Владык». Ничто земное, слабое, повседневное не отуманит больше его мозг, никакие путы не лягут на руку. Чадит и меркнет, отравляя первозданную чистоту природы, тусклая жалость. Она противоестественна этим скалам, песку, солнцу. Здесь, среди пустыни, понял он величие неукротимого духа. Все предопределено, даже страдание, и не надо уклоняться. Полет коня над землей, кровь, песня — и есть жизнь. Пусть кружится от стихов голова и взрываются страсти...

Авраам нашел под курткой шнур от креста, брезгливо дернул. Но был этот шнур из грубой шерсти, скрученной с конским волосом, и больно стало его пальцам. Темная комната в Нисибине представилась на миг. Маленький старец с ниспадающей бородой лежал в глубине на высокой кровати...

А конь все несся по завороженной земле. Изломанные столбы соли поднимали в небо горячие вихри, и двигались они вместе с ним, не отставая и не обгоняя. Ничего реального не осталось в мире. Смутным видением выплыл в оцепенелой, засыпающей памяти Ктесифон... Дасткарт... Остановившиеся ноги эрандиперпата... И склад товарищества, где все передавали друг другу папирусы с бесчисленными свитками: дядя его Авель бар-Хенанишо, экзиларх мар Зутра, Зиндбад-мореход. Тени это были из другого мира...

Бам... бам... бам... бам... Конь остановил свой бег, осел на задние ноги, заржал негромко, обыкновенно. От толчка открыл глаза Авраам. Неглубокая долина была впереди, и совсем близко шли через нее верблюды с аккуратно уложенными тюками. Они выходили из-за неровного горизонта, проходили через всю долину и расплывались в прозрачной струящейся мгле. Люди на лошадях ехали по бокам каравана, и лошади встряхивали подвя-

занными хвостами. Высокую фигуру дяди явственно различил Авраам...

Никогда не испытанное им тепло шло от узких и сильных рук, и были это руки дяди его Авеля бар-Хенанишо. Они сами меняли влажную повязку у него на лбу, выжимали гранат на жесткие губы. Темно-голубая жилка билась под сухой коричневой кожей...

Много дней ехал он, подвязанный между двумя мулами, после того как солнце соленой пустыни ударило ему в голову. Конь тогда сам вынес его к каравану. Когда он снова взобрался в седло, они уже оставили в стороне Страну Волков. Красные осыпающиеся горы были впереди, и за ними Хорасан — страна, где восходит солнце над Эраншахром...

VIII

На краю видимого мира стоял Авраам — сын Вахромея. В пути остались вершины, где камни преображались в белый лед. Но здесь, на ровной земле, только дивы могли насыпать эту гору. Она так и называлась, древняя крепость на горе — «Дворец Дивов». В старой парфянской рукописи рассказано о царице Вис, запертой здесь когда-то ревнивым мужем. Ее любовник, воитель Рамин, слал ей письма, привязанные к стрелам...

Совы живут сейчас в цитадели. Ее толстые стены пробили когда-то солдаты Искандария, но не стали их восстанавливать. Новый город Маргиана-Александрия был построен рядом, и только окаменевшие кирпичи брали для него из древнего Кеева городища. А потом царь Антиох огородил стеной зеленые поля и сады, и стали называть это место Маргиана-Антиохия. Она ясно видна отсюда, волнистая стена, защищающая Мерв от сыпучего песка и туранцев. А вокруг, во все стороны, лишь голые барханы до горизонта...

Три дня он уже в Мерве, и каждое утро задолго до солнечного восхода взбирается сюда, на искусственную гору. Не верится, что маленькие земные люди могли насыпать эти чудовищные валы. В предутренней чистоте особенно ясно видна граница жизни и смерти. Как меч Джамшида, на треть раздвинул пески желтый Мургаб. Где-то в горах Эраншахра твердая ледовая рукоять, а здесь, в утяжеленном расширении, Мерв. Он синий и

зеленый отсюда. Ветви смыкаются над рекой, и только восьмиугольные башенки дасткартов разрывают кое-где сцепившиеся кроны карагачей и платанов...

Великий канаранг Гушнапсдад, военный правитель Хорасана стал во главе посольства и сразу возненавидел Авраама. Губы на большом отекшем лице по-арийски брезгливо поползли книзу, когда услышал он, что дано Аврааму право ходить где захочется и записывать какие-то сказки. Зато других диперанов посольства он приказал не выпускать из казармы. Все три дня они учились быстрой посадке в седла, чистили двор, сбрую, коней. Слова сказанного, а тем более написанного, не терпел канаранг и вымещал на них свои чувства.

Хоть одно было хорошо, что избавило это наконец Авраама от Льва-Разумника. При царском серебре послан был тот от эранамаркера Иегуды и всю дорогу до Мерва лез Аврааму в душу. На первом же привале подошел он вплотную, взялся за шнуровку куртки, заглянул в глаза.

— Нам предстоит длинная и ответственная дорога, — сказал он. — Очень хорошо, что с посольством едет такой высокообразованный человек, как вы, мар Авраам! ..

Впервые назвали его так, и это было приятно. Серьезно, доверительно умел разговаривать Лев-Разумник, так, что человек невольно поднимался в собственных глазах. Самые большие глупости не казались уже такими очевидными. Хотелось слушать и соглашаться. Даже умный, благородный Абба терпел его возле себя и только временами грубо обрывал, когда тупость превосходила всякую меру. Ни единой искры божьей не было в выкаченных глазах Льва-Разумника, но зато считал он лучше всех в Эраншахре. Со сна мог он мгновенно разделить или умножить любые многозначные числа. Зато теперь канаранг Гушнапсдад заставил его пересчитывать серебро, что везли на сорока мулах! ..

Молодой воитель Атургундад, племянник канаранга, стал почему-то покровителем Авраама в Мерве. Как и сам канаранг, был он большим и спесивым, а на одутловатом лице читалось такое же закоренелое омерзение ко всему живому и подвижному. Но когда при взгляде на Авраама губы канаранга поползли вниз, у племянника они сразу выровнялись. Воитель Атургундад сам подошел к нему, а великий канаранг отвернулся...

Неустанно ходил Авраам по Мерву. Кружилась голова от звуков и красок. На всех дорогах земли лежит от сотворения мира этот город, и все человеческие боги нашли здесь убежище. Жрецы и монахи населяли его древнюю часть: индийские предсказатели судьбы с их застывшим медным богом, христиане, манихеи, иудейские наставники праведности, даже гуннские шаманы с бубнами сидели на базаре. И жрицы огня Арамати-земли с голыми животами находились при каждом из сорока зороастрийских храмов. Танцы и удовлетворение мужского голода — их пропитание...

А на прямых, как в старых ромейских городах, улицах встречались под косматыми овечьими шапками правильные ромейские лица. И не только от солдат Искандария Великого и Антиоха происходили здешние жители. Много позже парфянский царь Ород расселил здесь, на границе с Тураном, плененные римские легионы консула Марка Красса...

Тяжелая серая пыль лежала на дорогах — та же, из которой высились барханы за Антиоховой стеной. Но, смоченная водой, она буйно рождала все доступные глазу цвета: зеленый, синий, желтый, голубой, багровый. Словно покрашенные были звонкие продолговатые дыни, гигантскими пирамидами уложенные на базаре, оранжевое пламя источали в темной листве персики, и обрызганными кровью казались абрикосовые деревья. А синим, голубым, фиолетовым был виноград. Высоко над головой висели причудливые гроздья величиной с хорошую овцу, и так густо теснились в них ягоды, что становились квадратными, прямоугольными, коническими. Большие зеленые листья прорастали между ними...

И все, все было неправдоподобно сладким. Даже снежно-белая редька и крупный матовый лук елись просто, как яблоки. Сладким было мясо и рыба в Мургабе. А ночью одуряюще сладким был воздух. Плоские земляные крыши в локоть ширины от палящего солнца покрывались грубым полотном и кошмами. Все, что произрастало здесь, резалось, разламывалось и сушилось, испуская невероятные запахи...

И животных эта земля порождала необыкновенных. О кентаврах, полулюдях-полулошадях, рассказывалось в предании у греков-ромеев. Высокие, с длинной сильной

шеей кони пустыни представлялись им единым телом с парфянскими лучниками...

Еще одно ромейское сказание понял здесь Авраам. Черные, белые, серебряные были маргианские овцы, и шерсть их отливала чудным лунным блеском. Но когда увидел он знаменитый мервский сур, то сразу вспомнил стихи о Язоне и супруге его — несчастной Медее. Раз в году на полтора миллиона ягнят рождается один урод с руном цвета чистого золота. Его везут отсюда на границу в Лазику для перепродажи, потому что издревле идет он на оторочку мантий для ромейских царей. Порождением Кавказа считали его аргонавты. Вчера дядя Авель бар-Хенанишо сам отобрал две бесценных шкурки, чтобы через сотоварища Леонида Апиона передать в подарок новому кесарю. На волосы младенца походили яркие солнечные завитки, и невозможно было оторвать взгляда от них...

Дасткарты в Мерве стояли нетронутыми. Может быть, обилие плодов было тому причиной или близость к Турану, откуда всякий раз можно ждать вмешательства в случае смуты. Пятую часть из хранилищ роздали здесь великие людям, и никто пока открыто не требовал большего...

Вниз посмотрел Авраам. Полутемно еще было в примыкающих к базару улицах, но двигались уже по ним арбы с громадными, выше лошадиного роста, колесами, на которых легко переезжать ябы с водой. И сам базар уже многоцветно пенился, выплескиваясь под старые крепостные стены. Там, где они обрушились, бесчисленные ковры и кошмы, свертки серебристого атласа, чаны жидкой халвы-мешалло и горы дынь-вахрман хлынули внутрь, захлестывая солдатские казармы...

По ту сторону базара виделось большое торговое подворье. Три дня уже люди туранского царя с серебряными пластинами в подтверждение их права учитывали товары и деловито прикрепляли к каждому тюку специальную дощечку с печатью. На всем дальнем пути до границ Китая никто не тронет их...

Все таким же суровым был дядя его Авель бар-Хенанишо. Ни единого родственного слова не слышал от него Авраам. Но помнил он сухие теплые руки и кисловатый сок, лившийся на воспаленные губы.

Ночами бодрствовал дядя. Помимо заботы о караване осуществлял он церковные дела. У епископа Мерва был с ним Авраам. Молодым оказался тот, со светлой волнистой бородкой и мукой в глазах. Смертный кашель душил его всякий раз, но епископ сам обошел все сараи и конюшни, благословляя в трудную дорогу людей и скотов.

С ними пойдут и десять монахов-проповедников. По ту сторону заброшенной цитадели жили они вместе с совами, уже год ожидая попутного каравана. Навсегда останутся они в Китае, разнося среди язычников свет и слово божье...

Как жена Лота, окаменел вдруг Авраам, когда узнал среди проповедников Тыкву, заблудшего студента академии из Нисибина. Но совсем другим уже стал Тыква. Жесткая складка служения появилась у него на лбу, а глаза смотрели на что-то бесплотное, видимое лишь ему одному. Мешок арамейских грамот и апостольских проповедей был его имуществом...

Три сына было у спасенного Кузнецом царя Фаридуна: Тур, Салм и Эрадж. Им во владение он дал Туран, Рим и Эраншахр. Но, сговорившись, Тур и Салм убили своего брата Эраджа. С тех пор нет мира между Востоком и Западом. И вечно повторяется это: Салм и Тур сговариваются против срединного брата...

Мерв — крайний город Эраншахра. Где-то там, откуда должно встать солнце, туранцы десять лет назад втоптали в песок сорок тысяч азатов и «бессмертных» царя Пероза. Потом началась буря и огромный бархан насыпала там, где остались они лежать. Каждую весну на том бархане выступает кровь и слышатся стоны. А Мерв стал открытым для всех городом. Хоть и сидел в нем канаранг с войском, туранцы по договору могли беспрепятственно въезжать и выезжать из него без уплаты пошлин на купленное и проданное...

Авраам не понял вначале, что же случилось в мире. Не было зари, и нисколько не изменилось небо. Огромный белый шар быстро выкатился из-за чистого горизонта, и сразу, насколько хватал глаз, черные треугольники и трапеции испещрили землю. Миллионы барханов озарились слепящим светом и дали черную тень в сторону. Ночь была еще там, куда не попало солнце. Сухой до предела

воздух не знает здесь полутонов и обманчивых преломлений...

И он до конца вдруг осмыслил арийские легенды: пустые скалы, безлюдные горячие пустыни, ядом брызжущие дивы и волкоглавые враги. Воитель-отец сражается насмерть с сыном, и вечный трагический закон это, предопределенный светилами. Смысла не дано знать — и не надо. Голое яростное стремление, и нет полутонов, колебаний, относительности. Арийская надменность прямизны. Изменником с чужой кровью выглядит при этом буйном торжестве природы брат героя Ростама, кабулский царь Шагад, вырывший западню на его пути:

Шагад сказал: «Ты страх внушал народам,
Сражен ты справедливым небосводом.

Зачем ты столько крови проливал?
Всю жизнь ты грабил, вечно воевал.

Пора твоя настала, лев Систана...»

Природа и дух человеческий... Война и мир... Найдут ли люди себя?.. По легенде Шагад пожалел умирающего воителя, дал ему в яму лук со стрелами для защиты от бродячих львов. Захохотал радостно Ростам и пронзил Шагада...

Но как же тогда царевич Сиявуш, пожелавший вечного мира и ушедший на чужбину, чтобы строить города счастья? Самый полный список этой легенды нашел он здесь, в одном из старых книгохранилищ. Совсем не тот Афрасиаб, извечный враг и родня Ахримана, появляется в ней:

Сказал Афрасиаб: «Мы видим оба,
Что погрузилась в сон людская злоба...
Покоя не было в душе людской,
Но ты пришел и дал земле покой.

Еще такого не было событья!
Мы отдохнем от войн, кровопролитья.
Туран — твой друг...»

Пиран — главный туранский воитель помогает Сиявушу в его мирных делах. Сам Ростам, живущий войной, неузнаваем, и потерявший разум Кей-Кавус обвиняет его в неправильном воспитании царевича:

Ему внушил ты: мир нужнее чести,
Из сердца сына вырвал корень мести.

Покоя жаждешь ты и тишины,
А не величья трона и страны. . .

А может быть, именно здесь, на острие джамшидова меча между Эраном и Тураном, родилось это предание, возвышающее дух перед природой, мир перед войной? . .

Авраам уже записал его стихами, но одно имя изменил. Туранка Зарингис — дочь царя Афрасиаба была верной женой благородному Сиявушу. Он назвал ее Фарангис, что значит «Ослепительная», «Солнечная»...

Бам... бам... бам... бам... Еще половину лета слушал он этот звон... Никогда не видел настоящего моря Авраам, но знал уже его безбрежность. В зыбких песчаных волнах была дорога в Согдиану, и тошнило его от свирепой верблюжьей качки. На глазах вырастали черно-серебряные барханы, пересыпаясь под ветром один в другой. Бешеная река Окс раздваивала пустыню, деля мир на Эран и Туран. Как хотела, текла она, и срамным именем от присевшей на песок женщины называли ее в просторечии.

IX

Это было поздней осенью, когда пузырились от дождей неисчислимые самаркандские хаузы. Он уже много раз проходил по невольничьему торжищу, косясь на продаваемых женщин. И не останавливался, потому что всегда боялся увидеть их глаза...

В Ктесифоне друг его Кабруй-хайям купил себе както девушку, и никакого сомнения не появилось у него при этом. Артак имел жену родственной крови и красивую рабыню-ромейку для постели. Оба они посмеивались над Авраамом за его стеснительность. Так же естественно это было для них, как пить, спать, облегчаться. Он злился на себя и каждую ночь твердо решал найти себе женщину...

Под крытыми навесами был женский базар. Постоянные торговцы, перекупающие девушек у приходящих караванов, имели там положенные места. В синий и розовый атлас были закутаны женщины, дорогие украшения надевались им на оголенные руки и ноги, подвешивались к ушам и в проколы ноздрей, густо-синяя полоса рисова-

лась по бровям. А это был случайный продавец, и у самого края сидели приведенные им девушка и старуха...

Сначала Авраам увидел заляпанную грязью маленькую ногу. Вода стекала с земляного навеса, и крупные глиняные брызги падали на нее. Тогда он невольно посмотрел и увидел широко раскрытые темные глаза под обычными бровями. Недоумение было в них...

Уже пройдя базар, Авраам вдруг остановился и потом вернулся. Быстро, не глядя, договорился он с бородатым узколицым дехканом-согдийцем. Тот все повторял, что она — девственница и предлагал ему еще и старуху, которая умела красить кошмы. Они пошли к базарному главе. Специальный человек с серебряным знаком на цепочке принял положенную плату и установил, что девушка переходит в его полное владение...

Авраам привел ее в дом и все не смотрел на нее. Пройдя в комнату, он начал почему-то ходить от сундука к двери. Она стала к стене и молча поворачивала за ним голову. Взглянув на ее забрызганные ноги, он засуетился, взял большой кувшин и пошел к хаузу. Обернувшись, увидел Авраам, что она идет за ним...

Кувшин никак не хотел тонуть в синеватом хаузе. Она взяла у него кувшин и набрала воды. Теперь он шел следом, а она несла кувшин на плече. Быстро мелькали ее щиколотки...

Потом она мылась, долго что-то чистила, убирала уже при горящей лампаде, а он бродил по айвану, заходил в виноградную беседку, и мелкий дождь шелестел в больших пожухлых листьях...

Все давно уже стихло в комнате, но он не заходил. А когда зашел, то увидел, что она спит, свернувшись на кошме под обитым цветной жестью сундуком. Неслышно подошел Авраам...

Совсем девочкой была еще она. Пухлые губы раскрылись, и розово отсвечивало от огня лампады маленькое детское ухо. Завозившись во сне, она еще теснее прижалась спиной к сундуку. Платьице-кетене сдвинулось, и грубые полотняные шаровары виднелись под ним...

Авраам снял с сундука одеяла, пододвинул на них девочку, укрыл. Она не проснулась и только прижалась щекой к его ладони. Он долго не отнимал руку, боясь разбудить ее...

Потом Авраам взял еще одеяло и подушку, вынес

в прихожую. Он постелил здесь себе на вдвое свернутой кошме, разделся и все не задувал лампады, задумчиво перебирая меж пальцев крест. Из обычного кипариса был он, и стерся, выцвел от пота грубый волосяной шнурок...

Древним стольным городом туранских владык был Самарканд. Ночами кричали совы в зубчатых руинах Кей-Афрасиаба, а рядом на целый фарсанг разбросался новый город...

Каган Хушнаваз поставил свои шатры за городом, на ровном месте, где не росли деревья. Из гуннской степи был он родом и не терпел глиняную путаность дувалов. В три года раз наезжал туран-шах получить причитаемое с Согдианы и потом снова уходил в свои степи.

А меж шатров и вокруг носились царские саки, и нельзя было представить их иначе, чем в вечной скачке. Служилые люди это были, вроде азатов. Они пасли табуны лошадей и не платили подати, но по царскому зову род выделял всадников с запасными лошадьми и в полном боевом облачении. В месяц съезжались они со всей степи в место, указанное царем. Поэтому еще с незапамятных кеевых войн их называли так — кейсаки. А в Ктесифоне их звали кайсаками и говорили, что из синего железа у них руки. В парфянском войске были они, и это их считали греки-ромеи кентаврами...

С молодым безусым кайсаком Шерйезданом — «Львом Небесным» подружился он по уходе из Мерва. В охране серебра был тот при караване от туран-шаха, и сразу чем-то полюбился ему Авраам. Всю бесконечную дорогу до Самарканда не отходил от него Шерйездан, учил оберегаться от ядовитых пауков, помогал по-новому седлать коня. Здесь, в Самарканде, он что ни день наезжал в дом Авраама из царского стойбища. И всегда были с ним друзья — такие же молодые непоседливые кайсаки с черным пушком над губой. Они пили жгучее кобылье молоко из кожаных мешков-турсуков и смеялись так, что осыпалась пыль со старого, мазанного глиной потолка...

На большом слоне, в ковровом доме с бубенчиками, ехал великий канаранг Гушнапсдад, возглавлявший посольство. Четыре дня пришлось ему ждать, пока царь Турана возвратится с охоты. В двенадцатикрылой белой

юрте сидел на возвышении прямой седоусый старик в лисьей шапке с бриллиантом. Он не смотрел на канаранга, принудившего склонить до полу свое громадное тело, и только отрывисто спросил:

— Здоров ли мой сын и брат Кей-Кавад?

Сестра Светлолицего Кавада, оставленная с ним когда-то в залог туран-шаху несчастливым отцом их Перозом, сделалась женой кагана. Потому и назвал он Кавада кроме всего и братом. Привезенное серебро было отдано на монетный двор для переплавки в драхмы с изображением царя Турана...

Вскоре ушел с караваном в дальнейший путь его дядя Авель бар-Хенанишо. И Тыква уехал навсегда, прижимая перед собой к животу старый мешок с арамейскими грамотами. Потом отбыло посольство, и один в Туране остался Авраам...

На развалины Кей-Афрасиаба часто ходил он, пока было тепло, и думал, вправду ли сказочный воитель Ростам разрушил их, мстя за убитого Сиявуша? В предании было сказано, что злоба и черная зависть погубили благородного царевича, и таз наполнили враги его кровью...

Все те же легенды нашел Авраам в Туране. Менялся лишь угол зрения. Ростам оставался героем, но совершал подвиги уже не от лица Эрана. Отвлеченными примерами стали они, и без всякого усилия сливался его образ с Пираном, вечным туранским ревнителем. Зато в недосягаемую высь уплывал царевич Сиявуш, и на коврах, стенах, рельефах изображались его деяния. Исчадием тьмы представлялся Кей-Кавус, владыка Эрана. Сам Ростам клеймил его точно теми же словами, какими в эранском варианте обличался Кей-Афрасиаб...

А эти стены, наверно, тоже пробивали солдаты Искандария, потому что следы тех же таранов сохраняли они, что в Персеполисе и Мерве. Совсем недалеко отсюда, на бурном Яксарте, была Александрия Дальняя, от которой повернули назад македонские фаланги, ибо прошли уже дальше Кира. Здесь, в туранской Согдиане, взял себе Искандарий жену Роксану, чтобы навечно свести вместе Запад и Восток...

Всё полнилось здесь памятью о великом македонце. Больше десятка списков восторженного повествования

о его делах нашел Авраам. В Александрии Дальней и других согдийских городах, куда выезжал он в эту зиму, показывали место встречи его с Роксаной. На стенах дасткартов рядом с многофигурными цветными композициями из жизни Сиявуша и сына его Фаруда обязательно присутствовал победоносный Искандарий. Ученые согдийцы, язычники и христиане, наряду со своим отсчетом времени, вели другое летосчисление от начала царствования его отца — Филиппа Македонского. И не мог постичь Авраам смысла этого исконно туранского поклонения силе, обезлюдившей некогда Согдиану...

Горькой колючей травой поросли руины, и с великим трудом можно было пробираться через них. Ноги проваливались в ямы, оседала веками слежавшаяся глина, справа и слева слышалось тихое змеиное шипение. И буйный виноград оплетал рухнувшие дома, увядшие гроздья сочились прозрачным медом. Искривленные, одичавшие деревья из века в век усеивали развалины миндалем, айвой, белыми согдийскими абрикосами. Не было земли плодороднее этой, смешанной с укрепляющим дувальную глину скотским пометом. И каждую весну неизменно прорывался в погребенный город переполненный ледяной водой Зеравшан...

Уже много таких мертвых городов видел Авраам и не встречал там человеческого следа. Не селятся и не ходят туда, где погибли насильственной смертью люди. Все равно, от чего это произошло: от меча, мора или встряхнувшего землю гнева божьего. Безраздельное царство Ахримана там, и может заразить живых его дуновение...

Не было двурогого арийского шлема на туранских изображениях Искандария. Страшная притча родилась здесь ему в оправдание. Росли как будто два рога у македонского царя, но кончиками внутрь. И как только останавливался он в завоеваниях, нестерпимую боль причиняли они...

Огромное торговое подворье имело здесь товарищество. Самостоятельную выкормку шелковичных червей развело оно и получало уже до трех тысяч тюков сырца в году. Вдвсе ближе было отсюда к ромеям, чем если везти весь сырец из Китая. Шелкоткацкие мастерские с красильней строились у каменного старого моста через

Зеравшан. Налоги здесь вдвое меньше, чем в Эраншахре, и туранский владыка не принуждает в вере...

Наверно, потому так много манихеев в Согдиане. Не такие нелюдимые они здесь, как под кесарем или в Эраншахре. Лучшие художники из них по росписи стен, тканей, посуды. Тайны китайских и всяких иных красок известны им. Казненный когда-то объединитель всех земных вер — пророк Мани сам был великим живописцем и считал, что нет более достойного для человека занятия...

Манихеи ли были тому причиной, от которых выводил корень своего учения великий маг Маздак, но к концу зимы, когда не хватает хлеба, стали в Согдиане требовать раздачи из хранилищ. Где-то на пути к Пянджикенту разгромили большой дасткарт и разобрали женщин из гарема тамошнего владыки. Тогда собрались на совет согдийские великие и обратились за защитой к кагану. Люди туран-шаха привязали к конским хвостам виновных и проволокли в наказание кругами по большой базарной площади. В Пянджикенте местные великие прибили зачинщиков на три дня ушами к деревянным воротам шахристана. По всей Согдиане начали убивать манихеев, и делали это те же бедствующие люди, которых подкормили и одарили деньгами великие. Иудеи и христиане тоже стали реже показываться на улицах...

Много раз расспрашивали здесь Авраама о Маздаке. Согдийцем считали его все, и был он якобы из рода здешних царей. Среди людей ходили слухи, что не сегодня-завтра объявится он в Самарканде, и плохо тогда придется великим и самому туран-шаху. Другие говорили, что Маздак уже в Согдиане, но скрывается в горах и ждет намеченного времени...

Роушан звали купленную им девочку, что было Роксаной по-эллински. Все девочки в Согдиане откликаются на это имя. Еще совсем маленькой купили ее в горах, и до последнего времени жила она в хозяйстве у мельника-дехкана, который хотел подарить ее в жены сыну. Но сын утонул при паводке, и дехкан повез ее на женский базар вместе с другой рабыней-старухой...

По-прежнему прибирала она в доме, чистила, ходила за водой. Крепкая грудь вырисовывалась у нее под ке-

тене, но это не вызывало у него никаких чувств. Дядей звала она Авраама и бежала навстречу, когда он приходил...

К храму Арамати-земли за каменным мостом ходил Авраам. Там нашел он танцовщицу, одарившую его. Она сама подошла к нему, когда стоял он в смущении у жертвенного дерева...

X

Едва сошла зимняя вода с ровных, как стол, такыров за Зеравшаном, Авраама понесло по Турану.

— Я хочу найти город Сиявуша, — сказал он Шерйездану.

— Поедем! — согласился тот, нисколько не задумываясь.

И на следующее утро они поскакали: Авраам, Шерйездан и еще трое кайсаков, его друзей. Днем и ночью мчались они, засыпая в седлах и просыпаясь при первом луче солнца. Кони тоже спали, продолжая скакать. И Аврааму вправду стало казаться, что одно целое он с лошадью...

Лишь началом Турана была Согдиана. От Зеравшана через древнее нескончаемое ущелье ехали они, пока не вырвались вместе с дувшим в спину ветром в совсем уж бескрайнюю степь. Трава рвалась к солнцу, хлестала по ногам, и стекал с коней и людей живой зеленый сок. А дальше были еще большие горы и реки, и опять неделями мчались они в желтой, красной, синей степи...

Табуны диких коней, сайгаков, куланов неслись впереди и сзади их, справа и слева. И люди скакали меж ними, не отставая от двигающейся весны. Легкие юрты были погружены на лошадей и гигантских косматых верблюдов. Каждый туранский род имел свою тысячелетнюю дорогу к северу и по ней же возвращался назад с табунами, когда снег начинал заметать траву. И птицы летели вместе с ними в ту и другую сторону...

Поэтому и строились туранские города лишь у гор и по рекам. Дома и сады, вставшие среди степи, прервали бы это постоянное движение, как нож прерывает ток крови в живом теле. Дикие табуны остановились бы тогда в недоумении и заметались в стороны, ломая ноги и

погибая в неизведанных предками дорогах. И птицы бы падали замертво, не желая опускаться на тронутой человеком земле...

Ничего не взяли с собой Шерйездан и умчавшиеся с ним кайсаки, даже не предупредили своих. Как в гости на соседнюю улицу поехали они, в любом кайсацком шатре располагались как хотели, ели и спали. А раза два или три Шерйездан простодушно сказал ему, что люди, у которых они ночевали, его враги. И очень удивился, когда Авраам спросил, зачем же он останавливался у них...

Наверно, это вечное движение сближало людей, делало их невосприимчивыми ко всяким границам. Сколько ни ехали они, везде говорили на одном языке. В нем было много арийских корней и построений, употреблялись гуннские сочетания, а весь он был проникнут единым словесным влиянием беспрерывно накатывающихся откуда-то с Северо-Востока народов. Даже на окраинах степи понимали этот язык. В Мерве и Самарканде все говорили на нем наряду с языком пехлеви и согдийским...

Они побывали в нескольких городах на берегу все того же Яксарта, текущего из гор Согдианы. Всякий раз сопровождающие его кайсаки останавливались и с надеждой смотрели на Авраама. Им очень хотелось, чтобы он нашел город Сиявуша.

В светлое утро они разбудили его:

— Смотри, Ибрагам, смотри... Кровь Сиявуша!

Он вздрогнул, потому что вся земля до горизонта сделалась вдруг красной. Кайсаки знали поверье о царевиче Сиявуше. Когда подлый интриган Гарсиваз оклеветал его перед Кей-Афрасиабом, то опрокинул в злобе таз, наполненный его благородной кровью. И каждую весну вырастают на том месте маки и тюльпаны...

Они теперь скакали по пояс в этой крови. Трава окрепла, и мечами из туранского синего железа приходилось пробиваться через нее к берегам степных голубых озер. Не боялось дождя и крови это железо. Когда Авраам спросил, где плавят его, кайсаки вдруг замолчали. Шерйездан неопределенно махнул рукой туда, где обычно вставало солнце. Чужестранцу нельзя было знать об этом...

Шесть недель неслись уже они так, и однажды к середине дня Авраам сполз с коня. Все та же степь была впереди.

— Что же там? — спросил он, показывая на Север.

— Туран, — ответил Шерйездан.

И они повернули коней...

На третий день стала желтеть трава. Солнце опускалось к земле, выжигая все живое. А на пятый день обратного пути черная мгла от края до края заволокла степь. Высохшая до звона трава горела, подгоняя отставшие табуны, уничтожая все больное и слабое.

Въехав по горло в большое озеро, переждали они огненную облаву. Еще полдня носились по горизонту черные смерчи. А потом начала трескаться окаменевшая земля, и ни одной травинки уже не оставалось на ней. В известных только им глубоких ложбинах и у редких колодцев находили кайсаки корм для лошадей. Пустая была степь, и орлы неподвижно стояли в белом горячем небе...

Когда, трижды облупившийся от огнедышащей пустыни, вернулся он в Самарканд, была уже середина лета. Дядя его Авель бар-Хенанишо пришел с шелком из Китая. На торговом подворье ковали лошадей и лечили верблюдов для дальнейшего пути...

Еще через неделю Роушан укладывала на купленного им верблюда цветной сундук, одеяла, какие-то горшки и всячески ругала пытавшегося помогать Шерйездана. Тот послушно отходил в сторону и только вздыхал. С самого начала невзлюбила она его. Кровь согдийки говорила в ней...

Клинок из синего железа с тяжелой костяной ручкой подарил ему Шерйездан. Самый высокий дар это был среди них, означавший родство. Кейпчаки — «царские ножи» называли себя служилые кайсаки.

До самого Окса носились вокруг каравана Шерйездан и его друзья. С поддерживаемого надутыми козьими шкурами парома еще видны были их силуэты на прибрежных барханах. Потом вдруг сразу, как сон, растаяли они в туранской белой мгле...

XI

Лошади захрапели, косясь налитыми кровью глазами в сторону неровной гряды холмов. Верблюды заволновались и встали все сразу. А потом, сорвавшись с места, обрывая веревки и роняя поклажу, понеслись в пустыню. В ужасе кричали что-то люди...

На какое-то мгновение Авраам силой придержал коня. Непонятно, откуда хлынула серая вода. Она стремительно приближалась, взбегая почему-то на поросшие саксаулом бугры. Тусклым серебром отсвечивали волны, и шум был тихий, грозный, как у прорвавшей плотину реки...

И вдруг он понял, что вода — живая. В смертной тоске закричал поломавший ногу верблюд. Волна докатилась до него, и отвратительные пушистые комья, попискивая, полезли вверх, вырывая прямо из косматого брюха куски живого мяса. Голые красные хвосты тянулись за ними от самой земли. Под копытом своего коня увидел Авраам подбирающуюся крысу и встретился с ней взглядом...

Холодная дрожь пошла по спине. Вялыми, бессильными сделались руки. Конь сам рванул поводья. Большие, неестественно белые кости верблюда пронеслись где-то в стороне...

Только к полудню на голом каменном нагромождении удалось собрать разбежавшийся караван. Крысы уже шли мимо, обтекая раскаленные утесы, и ни клочка свободной земли не было видно вокруг...

Раз в сто лет это бывает. Словно из земли родятся они, собираются со всех долин и ущелий в одно место, кружатся, роятся и вдруг двинутся прямо в пустыню. Может быть, передалось им от предков это стремление. Там, где многие тысячи лет назад тек к другому морю непостоянный Окс, стояли богатые города, и сады плодоносили дважды в году. Черные Пески замели там все...

Еще три дня двигались крысы. Тихо, сбившись, стояли лошади и верблюды, лишь поводили ушами. И люди говорили шепотом, как будто боялись навлечь несчастье. Плохой это был знак, когда исходят из Эраншахра крысы...

Так же неожиданно прошли они, как и появились. Быстро, на глазах, стали обнажаться испещренные мил-

лионами лапок барханы. Где-то на горизонте уже падали и снова взвивались в небо сарычи, по вкусу выбирая издыхающих на горячем песке острозубых зверьков...

Через Страну Волков — Гурган, по-ромейски Гирканию, пошли они, потому что непонятное творилось на старом караванном пути по южной стороне Мазандерана. Великие Карены, засевшие в горах, останавливали все проходящие караваны, а царской охраны теперь не было с ними. Гургасаров с волчьими хвостами на башлыках нанял Авель бар-Хенанишо для сопровождения через их страну, а затем по Атурпаткану и дальше, до самого Ктесифона...

Еще одни развалины остались позади, но были уже от гнева божьего. Дважды рушился от землетрясения Михродасткарт — стольный город царей Парфии, но ничего живого не росло на чудовищных обвалах. Называемые Нисой оба городища стояли на высокой насыпи, а Золотой ключ, поставлявший неслыханно сладкую воду, был слишком мал, чтобы впустую проливаться на руины. Говорили, что кувшины в рост человека, полные золотом, погребены под рухнувшими сводами, но во власти Ахримана сокровище. Вновь затрясется земля, если начать копаться в ней. Окрестные жители убивали всякого, кого встречали там с лопатой...

Все сохраняется нетронутым в лишенных воды Черных Песках: железо, руины, людские души. Тень неприкаянного Искандария обрела здесь вещественную плотность. На голом безжизненном перевале из Хорасана в Страну Волков стояла сторожевая башня и селение под ней. Струйка воды сочилась сквозь красные камни, и пустыня была вокруг...

Увидев когда-то Черные Пески перед собой, отказалась идти дальше передовая фаланга Искандария. Как принято было в македонском войске, казнили каждого третьего. Оставшихся поселили здесь, и каждому солдату дана была женщина. Вот уж восемь веков охраняют эти люди военную дорогу Искандария, и никогда ни один не спустился еще в зеленые долины. Крепкие, высокорослые, с тяжелыми пехотными копьями у ноги, стояли они у квадратной каменной башни и молча смотрели на проходящих верблюдов...

Настоящее море увидел он, и зеленые барханы переливались один в другой под нестихающим ветром. Каспийским или Гирканским называли его по имени живущих по берегам народов. А слева по ходу каравана опять был Мазандеран, и корчился в горячем небе на льду Демавенда змееликий Заххак...

Неисчислимые ручьи стекали с гор к морю. Разливаясь, питали они гигантский тростник и ползучий кустарник. У лошадиных копыт слышалось вдруг утробное похрюкивание, и долго еще трещали сучья от убегающих кабанов. Кричали птицы, трубили олени, а потом вдруг тигриное фырканье приглушало все вокруг. Ночами страшно, томительно выли волки, и нельзя было отличить их голос от человеческого...

Волчьими позывами переговаривались через горы и долины гургасары. Порой те, кто охранял караван, отвечали на них, и тогда из леса выезжали люди и получали подарки от Авеля бар-Хенанишо: железные ножи и раскрашенное самаркандское полотно.

Неукротимый воитель Ростам приезжал сюда охотиться, потому что нет для этого на земле лучшего места. Дикий кабан здесь до самого сердца пропорол утробу престарелого мервского владыки, сделав счастливыми Вис и Рамина. Арийские притчи это, но что было за ними? И века не прошло с тех пор, как погиб в этом краю прадед Светлолицего Кавада — Ездигерд Первый, царь-грешник, уравнявший с арийцами инородцев Эраншахра. Он тоже поехал сюда охотиться в окружении великих. В царской хронике так и записано, что белый конь с крыльями выскочил из источника и ткнул его в грудь золотым копытом...

XII

Авраам думал, что людские россказни это, подобие притч. И когда увидел слипшиеся красные комья на ветвях, небо покачнулось в его глазах. Ствол у дуба обрызгался до корней, и весь мир показался ему в младенческой крови...

В Атурпаткан уже пришли они, когда полились горячие дожди. Синим пламенем пылали небеса и с грохотом рушились вниз, уравновешивая прошлогоднюю сухость.

Впервые на памяти людей почернели горы Мидии. Ревущие потоки низвергались на Эраншахр, но земля уже не принимала их. Плыли через селения корнями вверх деревья. Пшеница чернела от воды, и тот, кто пил эту воду с полей, становился безумным. Говорили, что скверна вошла в нее от христианских бань, в которых моются теперь в городах...

Вот когда и увидел Авраам сухих величественных стариков в светлых одеждах, которые несли младенца к одинокому дубу посреди луга. Из бесчисленного рода Испахпатов, здешних царей от сотворения мира, были они. Старейший в роду нес родившегося последним. Младенец таращил глаза на дуплистое дерево и бил по воздуху ладошками...

Застучал барабан, и все они стали прямыми арийскими ножами сечь младенца на части и бросать их в небо. Сам глава рода метнул на дуб кровавый сгусток: печень и почки. Все облегченно вздохнули, потому что остались они висеть среди ветвей и не упали обратно. Потом все сели за трапезу и ели одни лишь плоды и коренья...

Светлолицый Кавад запретил младенческие жертвоприношения, но далеко было сюда от Ктесифона. Еще доавестийским законам верны оставались в этих местах. Слово передавалось им из века в век...

К мешкам с собранными легендами подъехал Авраам. И подумалось ему, что это вовсе не притча, когда лезвие прикасается к живой плоти. Как с ножа, стекает кровь с древних красивых слов. Передают в наследство эти слова. Снова и снова убивают они...

Схлынула вода, но и не взошло солнце. Зеленой мглой заволокло небо над Эраншахром. Саранча заваливала реки, и останавливались они в своем течении. Опять сбился в плотную массу караван. Только так могли противостоять люди и животные навалившейся на них липкой тяжести. А когда перевалила саранча через них, ни единой травинки не осталось на земле. Без коры стояли деревья, сухие и белые, как обглоданные кости. В селениях говорили, что это опоганенная покойниками земля выплюнула из себя зеленый яд...

И еще говорили, что «красные абрамы» командуют везде, выполняя волю своего хитрого бога...

XIII

Тахамтан!.. Кем мог быть этот человек, взявший себе кличку железнотелого воителя из преданий? Вполголоса называли ее дехканы и люди-вастриошан во всех селениях на пути к Шизе. Там был главный храм Огня сословия артештаран...

Крысы исходили из Эраншахра, разверзались хляби небесные, безликая саранча наполняла землю, старцы терзали младенца. Пахло в мире дымом и кровью. И снова шли крысы... В тягостном предчувствии открыл он глаза и, как завороженный, смотрел в розовое от зари небо...

Из тесаного гранита с дубовыми перекрытиями был древний арийский храм. Красным кубом уходило его отражение в фиолетовые глубины озера, а с другой стороны простиралась каменная равнина. С весны не пускали сюда молиться людей прибывшие из Ктесифона деристденаны. Тахамтан, который привел их, отменил поклонение Огню. Вчера, накануне главного осеннего праздника зороастрийцев, он приказал своим людям уйти от храма. А когда село солнце, пришли в свой храм мобеды и старейшины сословия. Многие тысячи людей ждали на истертых подошвами камнях, когда наступит Утро Очищения.

Нет, не снилось ему: пахло дымом и кровью. А заря была необъяснимой: на розовом небе светились звезды. Авраам повернул голову и увидел горящий в ночи храм...

Тишина была в мире, только огромные столбы пламени беззвучно стояли в черном озере. Вода неслышно струилась сквозь огонь, где-то на дне шевелились дымные хвосты, и немы были недвижные фигурки людей...

Вчера на уходящей в озеро песчаной косе остановился караван, и все хорошо было видно сейчас через тихую воду. Звездами от кузнечного горна взлетели в небо искры. Огненный человек отделился от храма и долго бежал среди людей, пока не потух. В сторону Мидийских гор посмотрел потом Авраам и увидел настоящую зарю...

Светлее делался дым над храмом, и красная линия обозначилась между лесом и теми, кто ждал очищения.

Локоть к локтю стояли деристденаны. Внизу у нисходящих от храма ступеней покачивался на воде большой тайяр. Люди в красном были на нем.

Потом отделились от них четверо и пошли к молящимся перед храмом. Взяв первых десять, они повели их на тайяр. Ограждено было досками место на нем, обращенное к озеру. Маленький горбун стоял там с плоским широким топором... Медленно поплыли в воде длинные черные руки. Утреннее солнце отразилось на миг в озере и потухло...

Отсеченная голова человека тихо падала с тайяра, за ней уже валилось туловище. Их подхватывало и волокло по дну к окончанию косы, где стоял Авраам. Только там показывалась над водой чья-нибудь рука или нога. С тихим шорохом рушился водопад на далекие скалы внизу, и ни звука не доносилось оттуда...

Аврааму показалось, что он видел уже все это: качающуюся на воде лодку и маленького горбуна. Красный от крови рот был у него...

Спокойно переливалось озеро, и лишь солнечный зайчик пробегал всякий раз по нему, когда горбун поднимал свои руки. Да еще длинные розовые ленты плыли по фиолетовой воде. Их прибивало к берегу одну за одной, и красная пена оставалась на песке. Волновались лошади и верблюды, пятясь от воды...

С отрядом деристденанов, идущих из Шизы, поравнялись они на большой царской дороге в Ктесифон. Никогда не пользовались лошадьми эти люди в красных кабах. Пятерками шли они, взметая едкую пыль большими кожаными лаптями — чарыками. Узкими ремнями было обвязано намотанное на икры домотканое полотно.

Снова встретил он среди них знакомого гончара из Гундишапура. На расспросы Авраама о том, что произошло у храма, гончар поднял вверх правую руку, заранее отметая возражения:

— Они сами подожгли храм... Так сказал Тахамтан!

И четверо идущих с ним подтверждающе кивнули головами.

XIV

Только теперь, после побоища в Шизе, он словно проснулся вдруг в Эраншахре. Сразу отдалился Туран, свернулась в клубок долгая дорога, замерли пестрые шумы. И тут же вплотную приблизились железные ворота. В ряд стояли зримые Артак, Қабруй-хайям, маленький Абба, сотник Исфандиар с Фархад-гусаном. За воротами были бесчисленные улицы и переулки, торговое подворье, выложенная черным камнем площадь и дворец в серебре. А в стороне, на другой дороге, белели башни дасткарта, и калитка была в стене, откуда выходила в душную ночь женщина под покрывалом из тяжелого шелка.

Не будет уже другого города у него. И другой страны никогда больше не будет. Даже пыль казалась ему необычной, а жгучее солнце над головой прибавляло сил. И вода в Тигре была настоящая, с оседающей на дне черпака красноватой глиной...

Все было по-прежнему, только совсем пустыми сделались селения, осели дувалы, крепкая желтая колючка осыпалась на прошлогодних участках-картах. И, словно знак смерти, стояли через каждый фарсанг пути угасшие кузни. Черный холодный пепел выдувало из них на дорогу, а на пороге сидели кузнецы в прожженных передниках и смотрели вдаль. Истошно ухали по ночам совы...

Вдовый и бездетный был его дядя Авель бар-Хенанишо. Слепой старик отец жил с ним и горбатая прислужница. В дом к нему под крестом на воротах отвел он Роушан. Она тут же принялась распоясывать верблюда, складывать котлы и кувшины в указанном прислужницей месте. Авраам пришпорил коня и помчался к дасткарту...

Гулко и часто застучало в ушах, когда прошел Авраам в шаге от платана. Краем глаза увидел он калитку в стене. Полным белым пламенем горели лампады в коридорных нишах.

— Тахамтан!..

Это было первое слово, которое услышал он в дасткарте. Датвар Розбех произнес его, выйдя из книгохранилища и глядя мимо Авраама. Тихие, неслышные шаги почувствовались за спиной. Едва не прикоснувшись к не-

му, прошел невысокий плотный человек. Желтоватые глаза спокойно задержались на лице Авраама. Всего мгновение это было, но что-то многоногое поползло по спине...

Подождав, он все же приоткрыл завесу, за которую ушли Розбех с Тахамтаном. Светлолицый Кавад от окна смотрел на него. И знак рукой сделал царь царей, как будто ждал Авраама...

Все те же люди были здесь: эрандиперпат Картир, великий маг Маздак, датвар Розбех, некоторые мобеды и вожди деристденанов. И кольнуло в груди у Авраама, когда увидел он воителя Сиявуша. Прямой и безразличный сидел тот за столиком в стороне.

В последний раз видел Авраам великого мага Маздака. Еще более тяжелой стала его голова, резко обозначилась печальная складка у рта, но так же неумолимо ясны были серые глаза.

— Черной лжи послужил в своем нечеловеческом усердии Тахамтан! — рука Маздака отдернулась, словно не желая испачкаться в чем-то незримом. — В храме, где главный огонь сословия артештаран, учинил он погром. Мы можем не считаться с суевериями, когда люди готовы к этому. Так было в «Красную Ночь». Но мы-то знаем, что большинство дехканов и простых земледельцев продолжает верить в огонь. Что лучше гонений укрепляет веру?!..

Да, в дороге уже слышал Авраам, что две тысячи дехканов зарезано при пожаре храма. Потом их стало уже десять тысяч. А старая прислужница из дома Авеля бар-Хенанишо спросила, правда ли, что красные рогатые дивы — пожиратели людей явились из сгоревшего храма. И везде в Эраншахре называл имя Тахамтана...

Авраам сидел в углу и не мог отвести глаз от этого человека. Крупный нос и скулы выдавались вперед на полнеющем, тронутом оспой лице. Прямо от бровей терялась в густых волосах полоска лба. И еще чуть подрагивала верхняя губа, скрытая персидскими усами. Казалось, только заговорит он, и Авраам вспомнит, узнает...

Но Тахамтан молчал, глядя своими светлыми песчаными глазами в лицо Маздаку. Они не мигали, не сдвигались в сторону. Какая-то спокойная, загадочная уверенность была в них...

Заговорил Розбех, искренний, непримиримый:

— Пусть сгорит один храм, и поостерегутся тогда заходить в остальные. Пусть рухнут дома в десяти дехах, и в ста дехах не поднимут больше руки на красных диперанов. Пусть тысяча голов будет срезана с плеч, и сто тысяч испугаются лжи. Не терпеливая и прощающая, а с острым мечом в руке должна быть правда. И светлым станет мир!..

Бог и царь царей Кавад смотрел на Маздака. И воитель Сиявуш повернул к нему голову. Розбех умолк, и до белизны были сжаты его сухие тонкие руки.

Правой ладонью от левого плеча разрезал воздух Маздак:

— Не мечом утверждается правда. В подполье зажгутся огни, если разрушим храмы. Укрепится суеверие, ибо как раз насилием питается ложь. И убийство никогда еще не приводило людей к счастью...

— Когда-то люди ходили голыми и ели сырое мясо... — Розбех теперь говорил, задумчиво потирая пальцами жезл датвара — костяной, с бронзовыми крыльями у основания. — Царь Хушанг принес им огонь и научил одеваться в звериные шкуры. Но я знаю, что силой принуждал он людей к этому доброму делу. Тридцать лет разбираю я тяжбы их между собой, и мне известна человеческая глупость...

— Не было никакого Хушанга!..

Это тихо сказал Маздак. Он совсем по-человечески улыбнулся, обвел всех своим удивительным взглядом, и горестная морщина вдруг пропала у рта. Радостный, чистый звон первозданного языка послышался сразу со всех сторон:

Потом явился человек: могуч,
Замкнул он эти звенья, словно ключ.

Он выпрямился, кипарис высокий,
Творя добро, познав любви истоки.

Сознанье принял он, и мысль, и речь,
К своим ногам зверей принудил лечь.

Весь разум свой ты приведи в движенье.
И слова «человек» пойми значенье.

Ужели ты в безумие впадешь,
Безумным человечество сочтешь?

Ты — двух миров дитя: слагались звенья,
Творился ты, чтоб стать венцом творенья.

Так не шути: последним сотворен,
Ты — первый на земле, таков закон!

Великий маг замолчал, но долго еще прислушивался к затихающим под потолком словам. Потом в подтверждение еще раз отрицательно качнул головой:

— Если правда настоящая, люди примут ее. И не надо спешить лишь для того, чтобы насытить собственную гордость. Пусть даже это будет, когда наши сухие кости развеет ветер...

— Как же спасти правду? — воскликнул Розбех.

— В чистоте ее сила! — Маздак резко повернулся, указал на Тахамтана. — Он кровью забрызгал правду, и умирает теперь она... Помни, Розбех, что насилие всегда притягивает к себе лживых, с какими бы добрыми намерениями ни совершалось оно...

Они говорили, глядя друг другу в глаза, Маздак и Розбех. Свет заходящего солнца проник из сада, и обычный фарр загорелся над головой сидящего у окна Светлолицего Кавада. Он встал, неслышно прошел вдоль стены с книгами.

— Ты нашел Город Счастья, ровесник Авраам?

Живое нетерпеливое ожидание было в быстрых глазах царя царей, но смотрели они по-арийски прямо. Нельзя было уклониться, говорить об обманчивых преломлениях, относительности всего сущего, призрачности сказаний.

— Нет, — ответил Авраам.

И царь Кавад возвратился к окну.

По настоянию великого мага решили они на рассвете уехать в Шизу. И отправятся туда сам Маздак, датвар Розбех и Тахамтан, чтобы объяснить людям неприкосновенность храмов. Вожди деристденанов разъедутся для этого по сатрапиям...

Еще раз прошел мимо своей неслышной походкой Тахамтан. Опять задержались на нем желтоватые глаза. И тогда наконец вспомнилось Аврааму. Так смотрела крыса от лошадиного копыта — холодно, ожидающе, неумолимо...

В книгохранилище остались лишь великий маг и Розбех. Возвращаясь, Авраам задержался перед завесой. Он услышал последние слова Маздака, и бесконечная усталость была в них... «Рано или поздно становится ложью самая высокая правда. И ничего нет хуже правды, ставшей ложью. Мы должны понимать это, Розбех!..»

Покачивались в лунном свете деревья. Он прислонил лоб к остывшей осенней коре платана, и начал возвращаться к нему рассудок. Зачем он пришел сюда?..

Белая тень возникла в проеме калитки, подошла и стала в двух шагах. Все так же необыкновенно светилось лицо, приподнималась и опадала на груди тяжелая, прозрачная при луне ткань. Рука, как всегда, придерживала покрывало, и чистый холод тела был под ним...

Четкие уверенные шаги приближались, и казалось Аврааму, что на грудь ему наступают ногами в колеблемой листьями тьме. Покрывало начало сползать у нее с плеча, тень воителя Сиявуша закрыла луну...

Прочь пошел он, как слепой, раздвигая невидимые кусты. Проплыли мигая светильники в нишах, упал и погас на полу каморки длинный безликий луч. В знакомую койку уткнулся Авраам, содрав с себя одежды...

И женщины другой не будет у него. Каждую минуту с той ночи был он с ней, но только не знал об этом. Черная пустота расползалась впереди. Тело болело от горя, и он прижимал ко рту холодные ладони. Кто-то посторонний сейчас там, и полны чужие бессмысленные руки.

Показался ли ему снова на полу угасающий луч или возвратилось безумие соленой пустыни? Запах платана ворвался из мокрого сада. Он протянул руки во тьму и ощутил твердую белизну ее тела. Шелк неслышно заскользил поверх пальцев...

— Абрам...

Дыхание коснулось его. Еще не веря, приблизил он руки к лицу: они пахли, как в то далекое утро. И тяжелые солнечные волосы, от которых ее имя, упали ему на глаза и губы. Привкус меди был у них от гретой на огне воды. А за мягкой завесой ниспавших волос услышал

он властную, горячую, всеутоляющую щедрость ее груди и приник к ней, содрогаясь от плача.

А она все гладила и гладила его голову, и ему казалось, что все это было уже много лет назад, — еще тогда, в Эдессе, когда была у него мать. Потом все медленнее становились ее движения, и он тоже затих, чувствуя, как помимо него напрягается тело. Руки легко находили ее, и сама она искала их. И ничего больше уже не нужно было искать...

— Абрам... О Абрам!..

Они вздохнули вместе, как в первый раз. Он стал потом неумело подкладывать под нее скатившееся одеяло, потому что на досках лежали они. Она поднялась, сделала с собой что нужно, ровно выстелила большое одеяло во тьме. Но он видел все, и высокая волна близости прилила от нее.

— Фарангис!..

Впервые он назвал ее бронзовое имя. Обычным, земным сразу стало оно. И они легли, обнявшись, прижимаясь в извечной чистоте тела, согревая друг друга от проникающего через камни осеннего холода.

— Я услышала тебя у платана, Абрам...

Про то, что ждала его, говорила она, и как много снился он ей. Не отпуская его ни на миг, шептала в ночи Белая Фарангиз о своей безмерной тоске по нему. И плакала, как всякая женщина, боясь, что уйдет он когда-нибудь от нее...

Он целовал ее лицо и влажные вдруг умолкающие губы. Каждый раз затихала она так в ожидании счастья. И когда приходило оно, просыпалась сразу вся, и не знала усталости. Покорная, ослепшая, искала она потом его руки.

— Я люблю тебя, Абрам!..

Он забыл спросить о воителе Сиявуше, потому что не имело это значения...

Было мгновение, когда споткнулся Авраам о невидимое... Нет, не ведала она лжи. Одна лишь высокая правда любви жила в ней. Вся без остатка растворилась она в нем, сердце и плоть их были едины.

— Уедем куда-нибудь! — сказал он.

На миг отстранилась она, но не был виной этому кто-то другой. Сразу вспомнил Авраам тот день, когда шла Белая Фарангис при свете солнца. Ночное было у нее все: необычный профиль, лунная белизна, на фарфоре нарисованные губы. Закутана в шелк была она, и узкая рука с зелеными и золотыми камнями на пальцах придерживала покрывало у плеча...

Но лишь потом засветились зелено-золотые глаза. А вначале безразлично, как камни в перстнях, отразили они Авраама, длинную каменную стену, рабов у оливок, притихших азатов. Видела ли она людей?..

И не было уже грозного тумана из старых сказаний. По краям ее маленького рта проступили тогда арийские бугры. Как у тупого Быка-Зармихра, оттянули они книзу углы ее губ. И у канаранга Гушнапсдада так же высокомерно кривились губы при людях. Даже у надсмотрщика Мардана вздувался рот по краям, когда говорил он с рабами...

Авраам протянул руки к ее рту, потрогал около. Не было там ничего, только великая человеческая нежность кожи. Ласково, больно прикусила она ему пальцы...

От шума в коридоре пробудился Авраам, открыл глаза. Один лежал он, до головы укрытый одеялом, и не осталось ничего от ночи. Но полно было радости тело, и болели покусанные губы. Что-то стягивало ему шею. Потянув, увидел он сплетенный втрое золотой волос. Так царица Вис привязывала к себе Рамина. А в Самарканде сделала это жрица при храме, когда расстались они. И даже волос Мушкданэ, дочки садовника, когда-то остался на нем...

За окном глянцево сияли осенние красно-желтые листья. Закачалась дверная завеса, и уставились на Авраама бесцветные глаза. Поганый Мардан это был, надзирающий над рабами и по своей воле заглядывающий во все щели. Самим богом в наказание был вдавлен нос посреди плоского лица. Чуть дрогнул этот круглый нос, задышал важно в обе ноздри:

— Там диперанов зовут... Всех!

XV

Сдвинулись за спиной железные ворота, и тревога проникла в сердце. С ночи разошлись деристденаны по сатрапиям, а великий маг Маздак со своими людьми уехал на север, в Шизу.

Авраам не успел поздороваться с друзьями. Диперанов торопили, и они один за другим взбирались наверх по крученным вокруг одной оси ступеням. В темном колодце лестницы слышались удивленные восклицания. Никто не ждал в этот день Царского Совета...

ПОКЛОНЯЮЩИЙСЯ МАЗДЕ ЗАМАСП, БОГ, ЦАРЬ ЦАРЕЙ АРИЙЦЕВ И НЕАРИЙЦЕВ ИЗ РОДА БОГОВ, СЫН БОГА ПЕРОЗА, ЦАРЯ, СЛУШАЕТ ВАС, АРИЙСКИЕ СОСЛОВИЯ!

Авраам не понял сразу, какое смещение произошло в царской формуле. Дипераны переглядывались. Старый Саул был угрюм, в глазах Артака обозначился страх...

Он посмотрел вниз. Тремя рядами сидели сословия, и множество великих появилось справа на синих подушках. Перевернуты зачем-то были красные подушки слева, откуда говорили всегда Маздак и Розбех...

Замасп!.. Почему назван он — жалкая тень Светлолицего Кавада? И не видно нигде безликого царевича с бегающими глазами. Самого царя царей тоже нет на обычном месте...

Красный ковер откинулся в боковом проходе. Шестеро великих ввели человека под черным покрывалом. Пригнув, посадили они его в круглую яму посредине зала. Яростно взвыли карнаи.

— Обнажите лицо отступника!

Это радостно крикнул мобедан мобед, вытянув шею. Первый сопровождающий рывком сбросил покрывало. Кавад, царь царей и бог, был под ним...

Огонь поставили перед царем, чтобы он смотрел на него. На уровне пола были его глаза. Гушнапсдад, канаранг — правитель Хорасана, большой, налитый могучей древней кровью, был ближе всего к нему. Крохотный изогнутый ножичек вынул он и принялся подрезать ногти. Все смотрели на этот ножичек...

Авраам содрогнулся: так сделали с Валаршем, пре-

дыдущим царем. Далеко в Истахре есть дасткарт для слепых царей...

— Сегодня нам может помочь этот маленький ножик... — канаранг поиграл узеньким лезвием, проверил пальцем остроту. — Двадцать тысяч латников не будут в силах сделать этого завтра!

Большая рука с ножиком медленно опустилась на уровень глаз царя. Светлолицый смотрел в огонь...

Авраама оторвали от перил, толкнули в темноту. Вместе с Артаком бежали они узкими проходами. Пустая черная площадь была оцеплена с четырех сторон гусарами. Их пропустили как диперанов...

Ктесифон был пуст. Ни одного человека не было на улицах и площадях. И на полях не было людей. Далеко у горизонта стояли светлые горы.

Когда они поднялись на холмы, трубный гром докатился до них из пустого города... ЗАМАСП, БОГ, ЦАРЬ ЦАРЕЙ... ПОВЕЛЕЛ...

XVI

Женщина под радужным покрывалом шла над пропастью, и было это, как в нескончаемой сказке, которую тысячу и одну ночь рассказывает царю мудрая дочь вазирга, чтобы продлить жизнь...

В дехе у сотника Исфандиара укрылся Авраам после бегства из Ктесифона, потому что многие из великих разыскивали красных диперанов и прокалывали им зрачки. Там было тихо: Фаршедвард — младший брат Быка-Зармихра, владевший дасткартом у гор, почему-то не приезжал, а дехканы и люди-вастриошан по-доброму относились к Аврааму. В землянке с Исфандиаровым рабом Ламбаком жил он и все слушал его неимоверные истории про горных, лесных и водяных дивов.

Всякое рассказывали шепотом про царя царей Кавада и вдруг перестали. Когда выговорил Авраам как-то имя его при старом мобеде — служителе местного Огня, тот затрясся и пошел не оглядываясь. Раб Ламбак креп-

ко закрывал свои глаза и прятал лицо в руках, чтобы не видеть и не слышать...

Ночью, в дождь, едва слышный стук раздался в стену. Ламбак зажег факел от тлеющего очага, и, как черное курчавое видение, стоял на пороге молодой цыган. Мокрые волосы и глаза его искрились от огня, тень изламывалась на стене. Авраам не сразу узнал того мальчика Рама, что лазил к азатам под стеной...

Воителя Сиявуша искал цыган Рам: торопил, клялся, тряс за руки, а почему — не открывался. Только когда ехали уже вдвоем в ночи, сказал он про «Замок Забвения»...

Не убили Светлолицего Кавада, царя царей и бога. Ослепить они тоже не посмели его, опасаясь азатов. С ним сделали, как уже делали в древности с отступившими от закона Кеями: имя их не должно быть произносимо в Эраншахре при свете дня, и язык отрезается тому, кто вспомнит его. На земле остается только тело того, кто некогда был царем, а самого его больше не существует. И не знает никто, где находится этот замок...

— Ты знаешь? — спросил Авраам.

Рам остановил коня, испуганно оглянулся во все стороны, кивнул головой. И подумалось Аврааму о человеческом естестве, которое одинаково у всех. Безродный цыган не забыл, как запретил Светлолицый рубить руку мальчику, укравшему курицу. Крепче ли арийская память? А разве он, ученый христианин Авраам — сын Вахромея, не подивился только что людским чувствам у другого человека?..

Четыре ночи подряд скакали они по цыганским дорогам в объезд Ктесифона, ибо знал Авраам, где следует искать воителя Сиявуша.

Дождь не переставал, и мокрые листья мягко оседали под ногами. Голые ветки стыли во тьме, подрагивая под ветром, дующим от реки. Ни единой души не было в саду дасткарта, куда впустил его охранявший въезд Фархад-гусан. И другой азат не спросил по арийской сдержанности, что понадобилось там беглому диперану...

Авраам обошел намокшую стену, постоял у калитки, и ноги привели его к платану. Была середина ночи, и не

знал он, что делать. Так и стоял он, пряча всякий раз голову в плечи, когда ветки стряхивали с себя темную воду...

И пришла к платану Белая Фарангис. На черные, раздираемые ветром тучи смотрела она, подняв к небу лицо. Авраам знал, что это его она ждет. Он вышел из-за платана, взял ее стынущие руки. Она покачнулась и вдруг заплакала громко и несчастно, как всякая женщина:

— О-о, тебя не убили... Ты жив, жив!..

Покрывало съехало набок у нее с головы. Она не отпускала Авраама и локтем размазывала слезы по лицу. Краска от сведенных бровей расплылась по щеке и у рта, дергался подбородок, нос сморщился от плача. И совсем некрасивой стала Фарангис...

— Ты жив, Абрам!..

Он сказал, что должен увидеть Сиявуша, и она сначала не поняла. Потом кивнула головой и стала обтирать лицо краем покрывала. Не спросив ни о чем, повела она Авраама к калитке...

В комнатах ее прятался Сиявуш. Она привела Авраама к нему и села в стороне, закрывшись тяжелым шелком. Фонтан неслышно извивался по синим каменным ступеням, и воитель Сиявуш сидел безразличный, в ремнях, с волчьим кулоном на груди. Про то, что знал от цыгана Рама, сказал ему Авраам...

Когда вышли в сад, в другой одежде уже была Белая Фарангис. Медные носки шнурованных дорожных туфель выглядывали из-под плотного коричневого плаща, кожаная накидка закрывала голову. И не смотрела она уже на Авраама. Он видел, как тонкий серпик достала она из-за подушки...

Вздыхал от тихого дождя сад при дасткарте. На стене у водостока недвижен был черный человек, и только длинные староперсидские усы колыхались от ветра. А может быть, показалось Аврааму, и была это просто тень от мокрого, утерявшего листья дерева...

С ними ехала Белая Фарангис, отставая на полконя. Сзади скакали два азата-горца в башлыках и с волчьим знаком Испахпатов на груди. Рам ехал впереди всех, выбирая дорогу.

Цыгане-домы, обжигающие в безлюдных горах деревья для варки железа, рассказали ему, что провезли мимо них светлолицего человека с кожаным щитом на глазах. И живущий в Чертовом Провале старик подтвердил, что это и есть царь царей. А в замке на скале заточили его за то, что разрешил цыганам жить на одном месте. Не позволялось им раньше строить стены от ветра и оставаться на ночь под крышей в селениях Эраншахра...

В каменной стене между туч выбили узкие бойницы, а те, кто сделал это в неведомые времена, превратились в белых сычей и кричат во тьме, чтобы не уснула стража. Заххака, змея-людоеда, держали здесь перед тем как приковать к Демавенду. Шепотом сказанное слово нескончаемо гремело и билось о камни, поднимаясь со дна ущелья. Вечная ночь была внизу, и звезды не уходили с неба. Имени не имело это место...

Лишь старый цыган жил у начала ущелья, потому что объезжали люди нечистую скалу и даже воду не пили из текущей оттуда речки. До земли были волосы у старика, и страшно было смотреть в его черные уснувшие глаза. От века нестриженные ногти на руках и ногах стучали о камни, когда передвигался он от своей пещеры вверх, к замку.

— Называющий себя Маздаком — наш цыган!..

Это было первое, что сказал он Аврааму.

Не такой уж безумный был старик, который убирал в замке и возил туда воду. Каждое утро шел он наверх по узкой, высеченной в скале дороге, ведя над пропастью слепого мула с мехами по бокам. А днем, когда слабый свет появлялся в небе, уходила туда цыганка, завернутая в цветное — красное, желтое и синее — покрывало. Кувшин с козьим молоком несла она на плече...

В заброшенном становище среди леса стали жить они, и Рам свел его и воителя Сиявуша с этим стариком. Словно падающий град сыпалась речь Рама, а старик слушал и качал головой. Временами он засыпал...

— Старый дом придумает! — заверял их Рам.

Так, до́мами и луриями, называли себя цыгане. Рам рассказал ему, что вовсе не призывал их царь Бахрам Гур для развлечения людей в Эраншахр. Когда-то, много веков назад, имели землю домы. Богатые города и селения

стояли на берегу великой реки в их стране. Но пришли арийцы и все разрушили. Мужчин убивали они, а женщин забирали для себя. В лес убежали уцелевшие домы, и только обжигом деревьев разрешили им заниматься. А те, кто остался, просили подаяние, пели и играли, потому что нет на земле добрее и веселее людей.

Но раз в сто лет выходили домы из леса. Они шли в селения и брали себе все, что хотели, ибо на их земле это выросло. Правители высылали войско, которое избивало и топтало слонами не знавших оружия домов. И луриев-музыкантов ловили и убивали в селениях. Куда придется, бежали цыгане тогда от родины своей — Индии...

Во времена доброго царя Ездигерда пришли они в последний раз в Эраншахр, нагрузив детьми и женщинами свои большие деревянные повозки. Но пока ехали они, Бахрам Гур сделался царем. Он любил слушать песни цыган и брал у них девушек на ночь. Зато главный царский вазирг — вселенский гонитель Михр-Нарсе запретил им строить жилища. И живут с тех пор цыгане в повозках, сплетая из тростника стены и крышу от непогоды. При царе Каваде разрешили им оставаться на одном месте, но многие уже не хотят этого, потому что родились в повозке...

Старый дом придумал... Железной сетью была отгорожена комната на скале, где жил человек, не имеющий имени. Зубчатый нож из туранского железа передал ему старик, убиравший объедки. А потом пошла над пропастью женщина под цыганским покрывалом...

В повозке без колес спал Авраам, зарываясь в сухую жесткую траву. Напротив был шатер из веток. Воитель Сиявуш заползал туда каждую ночь, и азаты ложились рядом в корнях дуба. А Белая Фарангис ушла к внучке старого цыгана и не приходила к ним...

От Сиявуша услышал он, что наутро пойдет она в крепость вместо цыганки. В пещере сидели все они, и открыто было ее лицо. Тихо спросил тогда Авраам, нельзя ли сделать иначе. И снова проступили арийские бугры у маленького рта:

— Я из рода царей!..

Чужим, визгливым голосом сказала она это, и попятился Авраам. Торгующая рыбой женщина кричала так на нисибинском базаре, ухватив соседку за волосы. Вот откуда вставшее между ними молчание, когда захотел он уехать с ней. В гордыне утверждала она себя...

Авраам ушел в лес. Он с головой зарылся в пересохшую траву, но стояло перед ним ее лицо. Углы рта высокомерно опускались книзу, и не было внутреннего света в продолговатых, словно нарисованных глазах. Пусто, как после пыльной бури, стало у него в сердце...

От первобытной бедности духа эта гордыня. Шкура тигра закономерна для воителя Ростама. Великая красота и ясность человеческого младенчества в ее ярких, мощных полосах. Но уже рядом с колоннами Персеполиса неестественна она, начинает топорщиться, мешать ходьбе, пластике, пониманию мира...

В пример вошло арийское напыщенное величие. Тошнота подступает к горлу, когда канаранг Гушнапсдад тужится изображать богов и воителей из сказаний. Негде утвердиться ему, как в младенчестве. В прошлое, к почве и крови тянет скудоумие. И не безобидно его устремление. По-волчьи кривит губы человек, желая остаться в звериной шкуре. Разве не в этом смысл разрушения Персеполиса, всех других развалин — бывших и грядущих?..

Мой трон — седло, моя на поле слава,
Венец мой — шлем, весь мир — моя держава!..

Отрывисто, визгливо прозвучали вдруг в памяти знакомые строки. И даже не женский был это голос, а чей-то сатанинский, многоротый, бесполый. Воитель Ростам в первозданной пустыне поднимал обе руки к лицу, защищаясь от него...

И наперекор всему загремело, запело на разные голоса сказание о человеке, который самой природой сотворен выше зверей. Авраам лежал, слушал, и все было безразлично ему. Цыгане — домы спасали царя из благодарности. Не из человеческого долга, любви или высокой женской слабости — из арийского высокомерия шла на скалу Белая Фарангис. И что ей был какой-то диперан-иноверец...

А она пришла к нему в повозку. И снова некрасиво морщила нос от плача, и краска текла по щеке, как в ту ночь, когда Авраам понял, что любит ее. Никаких бугров не было у Фарангис... И здесь, в старой повозке, была она дочерью царей, а не когда прозябала в первобытной гордыне...

Опять были едины они в холодном осеннем лесу. Только однажды осторожно, чтобы не услышала она, убрал он из-под ее локтя свой нательный крест...

Сиявуш видел, как уходила она, и не обозначилось ничего в серых спокойных глазах. Не от равнодушия это было. Просто не считал он Авраама среди людей. Молодых рабов часто держали для своих многочисленных жен великие...

Красно-желто-синее покрывало набросила она утром поверх белого шелка, взяла кувшин на плечо и пошла не оглядываясь. Они ждали внизу, затаившись в корнях тысячелетней арчи. Вода глухо шумела в ночи ущелья...

Уродливые, не знавшие солнца ветки тянулись вверх за ней. Безжизненно зеленела трава, цепкие кусты выползали из расщелин ей под ноги. Потом они отпустили ее, и осталась голая каменная стена, уходящая в небо...

Бесконечно долго она шла. Отчетливей становилась изломанная полоса света над головой. Белые хлопья недвижно висели у стены, и терялось всякий раз среди них радужное пятно. Потом снова, уже чуть выше, появлялось оно...

Все было хорошо видно им из полутьмы. Медленно, как завороженные дивами, двигались в небе люди. Узкий мостик на канатах опустили ей из замка, и она прошла по нему над бездной в черную пустоту. Оба стражника остались на скале...

Почти сразу вышла она. А может быть, время побежало быстрее. И не она уже это была. В обратную сторону проплыло многоцветное пятно, поползло все быстрее по стене, вниз. Но Авраам неотрывно смотрел туда, где плавно поднимался на канатах узкий деревянный мостик...

Светлолицый Кавад отшвырнул от себя цыганское покрывало и положил руку на плечо Сиявуша. И в это время забегали на скале люди. Солнечный луч прорвал-

ся сквозь каменные нагромождения, упал в черный проем бойницы. Белая Фарангис стояла там, и прозрачно светился шелк, сползающий с плеча. Руки потянулись к ней из тьмы, но не достали ее. Завернутое в покрывало тело начало долго и медленно падать вниз...

Ночь по-прежнему была в ущелье, когда метнулся туда Авраам. Белый поток перегородил дорогу. Воитель Сиявуш подскакал к нему со свободным конем в поводу, схватил за пояс, потащил кверху из кипящей, перемешанной с камнями воды. Люди бежали по мостику в небе. Черный дым погасил солнце, и невидимые ветки рвали лицо...

XVII

Столбы дыма стояли по всему Эраншахру, предупреждая стражу на перевалах о немыслимом побеге из «Замка Забвения». Но цыганскими дорогами ехали они, пока не встала перед ними стена Мазандерана. Владения бесчисленных Испахпатов — кровных родственников Сиявуша начались здесь. Лицом вниз на осенние листья упал Рам перед Светлолицым, полежал немного, вспрыгнул на крытого мешком коня и поехал назад, к своим домам...

Каждую ночь падала в пропасть Фарангис. А потом приходила к нему с заплаканным лицом и вязала на шею золотой волос. Он всякий раз хотел сказать, что любит ее, но радужное покрывало набрасывала она и все шла и шла от него по каменной стене...

Впрямь на гнездо птицы Симург похож был выбитый в скалах дасткарт Испахпатов, где остановились они. Холмами казались горы вокруг, и вечный снег лежал за порогом. Стронутого с места камня было довольно, чтобы погубить целое войско внизу...

Царь царей и бог Кавад полон был гнева, радости и нетерпения. Он ходил по каменной галерее дасткарта, и быстрые глаза его смотрели то на Туран, то в сторону Эраншахра. В день приезда привели ему трех девушек — дочерей хозяина дома. В одинаковых накидках из синего атласа были они, одна и та же синяя полоса проходила по бровям. Всех троих взял он себе в жены...

Уже намерзал новый снег, когда пришли вести из Турана. В тот же день стали спускаться они вниз, к Стране Волков. За вековые обиды и притеснения не любили здесь великих Каренов — главных врагов царя, и не нужно было опасаться засады. А на стыке с Хорасаном конная цепь кайсаков показалась на ближайших барханах. Светлолицый махнул рукой сопровождавшим его людям и поскакал к туранцам. В мгновение ока пропали они с ним, словно сгинули в Черных Песках...

Часть III

ЛЖЕ-МАЗДАКИ

Появились люди, не украшенные достоинством таланта и дела, без наследственного занятия, без заботы о благородстве и происхождении, без профессии и искусства, свободные от всяких мыслей и не занятые никакой профессией, готовые к клевете и ложному свидетельствованию и измышлению; и от этого добывали средства к жизни, достигали совершенства положения и находили богатство...

«Намэ-и Тансар»

I

Опять на краю Эраншахра стоял Авраам — сын Вахромея. Зеленым джамшидовым мечом рассекала пески Маргиана, и была как ножны для него стена Антиоха. Черные треугольники и трапеции испещряли мир во все стороны... Не один он стоял так сейчас на вершине «Дворца Дивов». Многие люди поднялись с ночи на заброшенные стены и смотрели туда, где был Туран. Вчера еще тайно ускакал по гератской дороге слоноподобный канаранг Гушнапсдад. Три года назад приблизил он крохотный ножик для срезывания ногтей к быстрым глазам царя царей и бога...

Пероз первым из царей Эраншахра пришел когда-то к туранцам за помощью против брата своего Ормизда, и они помогли ему сесть под тяжелую корону Сасанидов. Сейчас дети Пероза повторяют все сначала. Один из них,

больше всех похожий на отца, ведет из этих песков туранских кайсаков, чтобы наказать другого...

Хронику царя Кавада пишет Авраам, и станет она когда-нибудь завершением «Книги Владык» — истории арийцев от сотворения мира, их преданий и помыслов. Все тверже его убеждение, что притчи и немыслимые сказания неотделимы от жизни, как дух неотделим от плоти. Реальные деяния переплетаются с мифами и сами становятся похожи на сказки. Как запишет он, что случилось в Эраншахре за эти три года?..

Лишь то, что было в Мерве, знает он. Сразу от Испахпатов приехал сюда Авраам и нанялся в ученые писцы к воителю Атургундаду, благо тот вспомнил его. Вопреки своему дяде Гушнапсдаду давал воитель Атургундад приют всем беглым приверженцам царя Кавада. И ничего не мог сделать с племянником великий канаранг, потому что в шатре у туранского владыки Хушнаваза жил бежавший царь, а кайсаки что ни день появлялись в виду Мерва...

Все старые Авраамовы записи привез с очередным караваном Авель бар-Хенанишо. И сотни верблюдов не пришло теперь с ним в Мерв. Великие, которых слушался жалкий царь Замасп, снова стали двойными и тройными сборами облагать каждый тюк шелка. Они брали из складов и мастерских что хотели, и не оставалось ничего для ромеев. О новых путях через море пошли разговоры в товариществе. И не налаживают эти пути лишь потому, что ждут перемены...

Надо ли писать об этом?.. А что сейчас в дехе сотника Исфандиара? Бегущие из Эраншахра люди говорят, что насильно возвращают великие свои земли, занятые дехканами и пахарями-вастриошан. Погромы инородцев прошли в Ктесифоне и Гундишапуре. Немало мастеров — христиан и иудеев пришло с семьями в Мерв за это время. И дальше ушли они — в Туран...

Что может написать он о Маздаке?.. Все говорят, что укрылся в Атурпаткане великий маг вместе с верными сподвижниками. От царя Кавада уже ездили к нему люди. И все чаще слухи, что болеет он: слишком много мудрости было дано ему от бога, и не выдержала голова. О смерти Маздака тихо говорили в Хорасане...

Как притчи и сказания всевозможные слухи на неустойчивой земле Эраншахра. И всегда что-то истинное

в основе. Откуда узнал он о тайном бегстве канаранга Гушнапсдада? Что поведала пустыня всем этим людям, которые пришли сюда и ждут еще с ночи, глядя в Черные Пески?..

Где-то там, в песках, Роушан... Авель бар-Хенанишо привез ее весной к нему в Мерв вместе с рукописями, и сразу принялась она чистить и убирать в его глиняном жилище при дасткарте воителя Атургундада. Другой совсем стала она за короткую зиму. Розовый свет появился на лице, темным сиянием наполнились глаза. Ничуть не стесняясь, раздевалась и укладывалась при нем Роушан, и Авраам видел ее красивые ноги и маленькую крепкую грудь. Она засыпала сразу, а он продолжал писать при светильнике. Иногда он подходил, задумчиво смотрел на нее, гладил по голове...

Подолгу потом сидел Авраам и смотрел в белое мерцающее пламя. Каким чутьем понимала его спящая девочка? Не так много лет ему, но в разных сферах они. Любимое заплаканное лицо вставало во времени, отделяя его от того, совсем другого Авраама, который водил в кусты дочку садовника, метался по жесткой койке, ездил к Пуле...

Ровно горело пламя, тих был мир, падала и падала в ночь Фарангис...

Неуемная, закоренелая вражда была у Роушан к кайсаку Шерйездану. Узнав непонятно от кого, что в Мерве Авраам, стал наезжать к нему в гости Шерйездан со своими друзьями. Пустыня, бешеный Окс и еще три пустыни лежали на пути, но конная скачка и была их жизнь. Словно с прогулки являлись они: свежие, крепкие, белозубые. С необычайным почтением смотрели кайсаки на разложенные по деревянному помосту у стены свитки, на столик с бронзовой чернильницей. Они обращались к нему, прибавляя туранское слово — приставку, означающую достоинство и старость. А почти все были одних лет с Авраамом...

Роушан кричала на них, что мусорят в доме и на дворе со своими бесхвостыми потными конями. Шерйездана не раз пинала она, проходя мимо. И тот боязливо втягивал голову и сгибал плечи, когда слышал ее голос...

А в один из дней степенно слезли с лошадей три белобородых кайсака в огромных узорных шубах.

— Это к вам, агай! — шепнул Шерйездан, отступая назад.

Старики сидели на ковре, пили кобылье молоко, подносимое молодыми кайсаками, и важно качали головами. Потом заговорил старейший из них. Он долго и подробно объяснял, какого рода Шерйездан, какие храбрые и достойные воители его предки до седьмого колена. Благословляемые мертвыми и живыми из этого рода, приехали они, чтобы увидеть невесту и познакомиться с ее родителями...

Как во сне, позвал он Роушан. Она пришла и села, потупив глаза перед стариками. Когда объяснил ей все Авраам, она вдруг заплакала и, к великому его изумлению, согласно кивнула головой. Потом вышла на айван и походя так треснула ожидавшего там Шерйездана, что тот отлетел к дувалу...

Голова шла кругом у Авраама в ту осень. Пришлось ехать за Окс, на шумную свадьбу, получать немыслимые подарки от родственников. Было их половина Турана, и все это время носились они по степи вокруг, выхватывая друг у друга из седел живых козлов, зубами доставая с земли завернутое в шелк серебро. Сливались в буйной игре люди и лошади, и во плоти представала перед ним древняя ромейская притча о кентаврах...

Целый табун лошадей был теперь у него в собственности. Нельзя было отказываться от уплаты за Роушан, ибо это роняло ее достоинство. Родовитости и красоте соответствовала цена. Еле уговорил Авраам своих родственников оставить его скот и лошадей на выпас в их табунах. Каждому коню выжигали железом тавро, а у овец надрезали уши. Простейший знак птицы придумал себе Авраам. В бесконечной степи должен иметь свой символ каждый человек...

Не проходило недели с тех пор, чтобы какие-то люди не передавали ему гостинцы из Турана. Все что угодно это было: расшитый хурджун, гуннские кожаные чулки, живая овца. И еще привозили всякий раз круто прокопченную жирную конину с обязательным присловием, что «сама Роушан-апай делала...»

Мир изменился... Он не понял сначала, что произошло. И стоящие на стенах люди затаили дыхание. Весь горизонт потемнел вдруг по кругу и начал стремительно приближаться, ломаясь на барханах. Словно чья-то рука стирала с лица земли солнечные рисунки. Все выше в небо летела черная мгла. День потух...

Чудовищная петля пыли захлестнула Маргиану. Было видно, как несутся в ужасе от нее, разбиваясь о древние стены, бесчисленные волки, барсы, онагры. По валу царя Антиоха затянула она Мерв, ворвалась сразу во все ворота. Пыльные смерчи понеслись над зеленой крышей города, соединились и закрутились над притихшим базаром...

Воитель Атургундад первый преклонил колено, коснулся ладонью глаз, рта и земли перед царем царей и богом Кавадом. И тот повелел ему стать канарангом Хорасана, хоть и был он племянником Гушнапсдада, пожелавшего когда-то глаз царя. Азаты стояли в крепости четкой линией, и прямоугольный красный плат на пике колыхался от горячего ветра.

Как будто и не было похода через пески, носились по городу и вокруг него кайсаки. А к вечеру устроили все ту же туранскую игру: метались на воле конными скопищами, вырывая друг у друга вопящих козлов. Среди улицы нашел его Шерйездан, потащил к родственникам. Они ели у костра опаленное огнем мясо, отрезая прямо от туши...

Не успели доесть всего, какой-то молодой кайсак, исполосованный и счастливый, бросил к костру нового козла и спрыгнул с коня. Он подкатал рукава и принялся есть с клинка полусырое мясо, обсуждая со всеми действия какого-то туранского батыра, сумевшего в полдня перехватить восемь козлов и теленка. Аврааму передал потом кайсак дымный кусок на ноже, и чуть не поперхнулся тот. Светлолицый Кавад это был в кайсацкой одежде...

Померкли костры, и не успело солнце исчертить пустыню, опять разлился по земле стремительный конный поток. Не нужно было мясо в поход кайсакам. Облавой скакали они, гоня перед собой все живое. Волки, зайцы, онагры, легкие джейраны мчались от них день и ночь,

попадая под разящие стрелы. С ходу втаскивали их в седла кайсаки...

Великий туранский владыка Хушнаваз ничем не выделял Светлолицего Кавада среди своих сыновей. Любимую дочь от сестры Кавада — заложницы дал он ему в жены. А сейчас дал пятьдесят тысяч кайсаков с мечами из синего железа...

По центру, не сходя с древней царской дороги на Ктесифон, двигался полк хорасанских азатов. «Звезда Маздака» — прямоугольный красный плат на пике — трепетал над пыльным слепым облаком...

II

ПОКЛОНЯЮЩИЙСЯ МАЗДЕ КАВАД, БОГ, ЦАРЬ ЦАРЕЙ АРИЙЦЕВ И НЕАРИЙЦЕВ, ИЗ РОДА БОГОВ, СЫН БОГА ПЕРОЗА, ЦАРЯ, СЛУШАЕТ ВАС, АРИЙСКИЕ СОСЛОВИЯ!

Медленно поползла вверх завеса, и багровый свет стерся с лиц сидящих. Дыхание царя царей смешалось с дыханием мира. Обозначились бронзовые цепи, несущие золотую корону в воздухе. Неподвижно сидел под ней Светлолицый, и глаза его смотрели в черную яму посредине зала...

Откинулся ковер в боковом проходе. Шестеро воителей ввели человека под черным покрывалом, толкнули вниз. Завыли карнаи...

— Обнажите лицо вора!..

Глаза худенького царевича Замаспа не смогли смотреть на поставленный перед ним огонь. Все время ускользали они. Когда серпик красного железа приблизился к его зрачкам, Замасп тонко закричал и пополз из ямы. Авраам закрылся ладонями...

Не бывало еще такого малодушия среди причисленных к богам. Ненужные цари в молчании и не поднимая рук принимали здесь это и уходили в Истахр, где далеко в горах был дасткарт с прекрасным садом и вечно шумящей водой. Специально для них его построил и завещал на все будущие века мудрый Сасан — основатель династии. Они обязательно должны при этом смотреть в огонь, чтобы видеть его в своих снах остальную жизнь...

Замасп, жалкий царевич, поддержал когда-то канаранга Гушнапсдада, пожелавшего глаз Светлолицего Кавада. Не потому воспротивились тогда великие, что кровь бога и царя священна. «Красную Ночь» помнили они и огненные реки из-за туч...

Жалобный вскрик затерялся в трубном реве. Неверно тыкающуюся черную фигурку уводили шестеро воителей. Прямо смотрел бог и царь царей Кавад, и резкий изгиб бровей повторял линию подбородка. Ближе всех теперь к царскому возвышению сидели датвар Розбех, вернувшийся из Систана вазирг Шапур и воитель Сиявуш. Мобедан мобед недавно упал в пропасть на горной дороге. И многих великих опять не было. Они убежали в дальние дасткарты, к ромеям или в пустыню — к бродячим всадникам. Тех, кого застали из поддержавших Гушнаспдада, отвели в царскую «Башню Молчания» на холмах. Прямые ножи дали им в руки, чтобы сами убили себя. Только канаранга Гушнаспдада удавили, в позор ему, шерстяной веревкой...

И еще не было в зале великого мага Маздака. Где-то на Севере находился он, и ждали его в Эраншахре...

Слоны сокрушали дасткарты. Огромные таврские бревна-кругляки крепились по обе стороны громадной туши, и вожатый направлял их на стены. Делалось по пять проломов с каждой стороны, выбивались калитки, и рушились башенки для стражи. Солнечные столбы стояли над Ктесифоном...

Авраам не знал даже, чей это дасткарт на краю города. Он просто смотрел. Отставляя бронзовые ноги, слон долго пятился от стены — на добрый выстрел из лука. Потом стоял, покачиваясь от собственного дыхания. По вскрику вожатого он поднимал хобот, вынюхивал воздух и начинал бег: медленный, все убыстряющийся. Слепой глыбой проносился он последние шаги, и удар встряхивал землю. Так повторялось двадцать, тридцать раз, пока стена не обрушивалась сразу вся, осыпая осколками желтоватые бивни... Солнце золотило пыль, летящую в небо.

Маленький загорелый вожатый в выцветшей куртке сидел на гладкой спине, ловко упершись ногами в бревно. В такт бегу выщелкивал он пальцами припев знаме-

нитой песни Кабруй-хайяма. Кружком в стороне сидели азаты. Они провожали глазами бегущего слона, и невозможно было узнать, что они думают...

Авраам недавно вернулся из деха Исфандиара, где с приданными ему четырьмя слонами занимался тем же. Азаты тоже были там в осеннем отпуске. Вместе с людьми-вастриошан возвратили они себе заречную землю, восстановили раздел воды, но древних земель Каренов почему-то не занимали. Даже пастух, гоняющий коров от мира, старался не пускать их на пустующие луга дасткарта, и траву никогда не косили там. Ночью с белых башен ухали совы...

Он спрашивал азатов и людей-вастриошан, почему не пашут там. Они молчали или начинали говорить о другом. Только старик мобед искоса посмотрел на него и спросил:

— Слышишь?

Они стояли на холме у храма и смотрели в сторону дасткарта, неясно белеющего в ночи у гор. Как раз гулко и сиротливо заухала сова.

— Это у Каренов от чужого, — сказал жрец. — С чужой земли всегда прилетают совы в собственный дом...

Аббы и Артака не было в Ктесифоне. Сам датвар Розбех послал их на ликвидацию дасткартов: Артака — в Хузистан, а Аббу — в Междуречье, где с Вавилонского пленения жили евреи. Сразу после возвращения царя царей ушел Абба из семьи экзиларха и обитал то у Авраама, то у диперана Махоя, Льва-Разумника по прозвищу.

Медленно, опустив поводья, подъезжал теперь всякий раз Авраам к дасткарту Спендиатов. Стены были проломаны и здесь, потому что Розбех сказал, что начинать надо с тех, кто ближе к царю. Пусть видят: одна на свете правда Маздака. «Неподкупный Розбех» называли его в Ктесифоне и приветствовали по-древнему — прикрыв ладонью глаза...

Не было уже эрандиперпата Картира, долгоусого и важного. После гибели Фарангис оставил он все и еще при Замаспе уехал в дальний Истахр, к своему родовому дереву. Старик ее любил...

Когда приехал сюда Авраам, еще целы были стены. Зато мостки, калитки, бронзовые решетки — все было

сорвано. Желтой колючкой заросли оливы, и рабы волокли из сада большое дерево на топливо. Они сказали, что им разрешил сам управляющий — Мардан. Но не это вдруг остро отдалось в груди. Стонущий звук надолго повис в осеннем воздухе, за ним послышался другой, еще безысходней...

Так оно и было. Восемь громадных механических чангов сделал когда-то для эрандиперпата специально привезенный мастер из Пальмиры. По девяносто струн натягивалось на гигантскую горизонтальную деку, и играть можно было, нажимая на разноцветные костяные клавиши. Сам Кабруй-хайям играл и пел здесь...

Чанги лежали разломанные, с отбитыми подставками, и крепкозадый мальчик лет десяти из пагана — рабского селения за дасткартом — бегал по ним, перепрыгивая с одного на другой. На самый тонкий, голубой, клавиш старался попасть он толстой потрескавшейся пяткой и, когда это удавалось, замирал на одной ноге, прислушиваясь...

Гроздья черной сажи висели под потолком книгохранилища. Кто-то грелся там зимой, и обгорелые папирусы валялись по всему полу. Кожаные переплеты и цветной пергамент были выдраны, а книги брошены в кучу у окна. Даже негодные ни для чего глиняные пластины были поколоты на части.

Две недели отбирал Авраам то, что осталось, чистил, подклеивал, укладывал на свои места. Там он и спал теперь, потому что не мог лечь на знакомую жесткую койку в своей каморке. Платан при луне был виден оттуда. Белый поток начинал шуметь в ночи ущелья, и рука воителя Сиявуша выдергивала его из холодной, перемешанной с камнями воды...

Заглядывал Мардан и словно обнюхивал его вывернутыми ноздрями. К великому удивлению Авраама красную куртку с карманами надел бывший надзиратель над рабами.

— Все храмы целы в нашем рустаке, — пожаловался он. — Ну ничего, завтра мы и туда приведем слонов!

Каким-то начальником стал он в пригородном округе — рустаке, и местные деристденаны слушались его указаний. Раб, помогавший Аврааму, шепнул, что

Мардан продает деревья из сада. И еще про бронзу и серебро, закопанные где-то. . .

Вечером Авраам увидел розовое покрывало, скрывшееся в спальной комнате эрандиперпата. Там жил теперь Мардан. . .

В доме врача Бурзоя рассказал он о Мардане. Все стали говорить про воровство, которое плодится на земле Эраншахра. У Кабруй-хайяма утащили со двора большой хорасанский ковер — царский подарок за песни. Прикрываясь великой правдой Маздака, заходят в дом и, не спросясь хозяина, удовлетворяют свою потребность в женщинах. Есть люди в городе, которые ставят от этого деревянные двери и прилаживают к ним ромейские железные замки. . .

— Уже в пути Маздак! — сказал кто-то из диперанов.

III

— О-о-о. . .

Белым и красным стал Ктесифон. Дехканы, земледельцы-вастриошан, люди города, старики и дети преклонили головы в великой человеческой радости. И пятерки верящих в правду прикрыли глаза ладонями. Царь царей и бог Кавад сидел, открытый миру, под сверкающей короной с крыльями, и только львы, оставшиеся по бокам трона от презренного Замаспа, щурились на людей. . .

— О-о-о-о-о Маздак!

Все склонились перед ним. Мерно ступая, двигался в человеческом океане невиданный белый слон. Гигантский красный ковер без единого узора покрывал его от бивней до маленького вертящегося хвоста. А на площадке для боевой башни, тоже весь в красном, неподвижно стоял человек с горящим факелом в руке. Гремели трубы. Правую руку вытянул ему навстречу царь царей. . .

Что-то холодное коснулось сердца Авраама. Оттуда, где был когда-то помост, стоял он и смотрел на человека в красном. Тот шел уже через зал, все так же держа факел навесу. Лев вдруг забеспокоился, хлестнул хвостом. . .

Все тревожнее становилось в груди у Авраама. Факел опустился перед царем, колыхнулись красные волны, и покрывало спало с лица человека. Большой нос со скулами выдавался у него вперед, и едва различима была полоска лба над сросшимися бровями...

— Маздак, о-о-о-о-о!..

Тахамтан это был, а не Маздак! Рука Авраама протестующе метнулась от плеча и вдруг замерла, скованная ужасом. Край верхней губы приподнялся у Тахамтана, показались неровные желтые зубы...

Он вспомнил наконец убийцу, стрелявшего в царя из кустов. Главарь гуркаганов это был, вырвавшийся из кариза и грабивший дасткарты. Сейчас... сейчас увидят это люди!..

— О-о-о-о-о-о...

Они склонились и не смотрят, поэтому продолжают кричать... Авраам повернул голову. Миллионы открытых глаз устремлены были на стоящего возле царя человека, руки их тянулись к нему за правдой. В первом ряду стоял гончар из Гундишапура со своими братьями, и рты были открыты у них в беспредельном спасительном крике...

Так вот почему печальная складка была возле рта у великого мага... Поклонение оставил он среди людей, и жило оно уже само по себе, не нуждаясь в содержании. Тихий глуховатый голос вспомнился Аврааму: «Родившись, начал мять я глину... У меня не может быть сомнений!..» Это они кричали внизу, всю жизнь делающие одинаковые трубы для воды и стока нечистот, ткущие одинаковые ковры с птицей Симург, от рождения и до смерти идущие за сохой. Они сами отказывались от права выбора. Только вера нужна была им, без отклонений, полутонов, враждебной бесконечности. Они смотрели и были слепы, потому что хотели этого...

Но что же Светлолицый? Фарр холодно светился над головой царя царей, куда-то поверх людей смотрели его глаза. Невозмутимый стоял внизу датвар Розбех, и ровно сжаты были мраморные губы. Ремень на плече поправлял воитель Сиявуш. Они все знали...

Далеко к холмам укатилась волна человеческого крика, накопилась там и вернулась удесятеренная. Новую порцию рыка выбросили навстречу трубы. И сферы дрогнули...

Авраам вдруг почувствовал, как сами собой шевельнулись у него губы, рот открылся в самозабвенном вопле. Маздак, о-о-о-о-о!

С усилием опустил он поднятые к небу руки, зажал себе рот ладонью. Рядом рабы дергали цепь, пытаясь успокоить льва. Желтая грива у зверя стояла дыбом, а хвост настойчиво, предупреждающе стучал о пол...

Словно клинком рассекал тишину голос Розбеха:

— Мы победим тьму, если не будем бояться отбрасываемой от нее тени. Свой дух и руки щадят некоторые из нас, желая оставить их чистыми. Но грязь не пристанет к тем, кто сражается во имя правды!..

В Царском Совете великий маг всегда отвечал ему. Человек, взявший себе кличку железнотелого Ростама из сказаний, сидел сейчас на подушке Маздака...

Вазирг Шапур приехал вчера из Систана. Высохло и стало маленьким его тело от болезни крови. И теперь заговорил он.

— Ты хочешь, датвар Розбех, дать право на убийство этим людям?..

Едва слышен был его голос. Вазирг не смотрел в сторону Тахамтана и тех, кто явился с ним из Шизы.

Розбех кивнул головой:

— Да, потому что от недостойной слабости дрожат у нас руки!..

— Зачем тебе столько крови? — спросил вазирг.

— Во имя правды убийство!..

Это громко сказал уже не Розбех, а тот, кто приехал с Тахамтаном. И головы сразу повернулись к нему, ибо был это Фаршедвард — младший Карен. Все знали в Эраншахре, что содрал он с груди свой родовой знак — бычью голову и давно уже исповедует правду Маздака. В Атурпаткане был он все время, где при сгоревшем храме в Шизе обосновались вожди. Говорили, что родственников своих — Каренов предал непоколебимый Фаршедвард в руки деристденанов.

Авраам смотрел и вспоминал. У азата Абурбада отнял жену когда-то младший брат Быка-Зармихра, а тот ушел за дех, на обнаженные камни, и воткнул себе прямой нож в сердце. «Вон он лежит, пес... А я хотел ему взамен толстую Фиранак послать...» Так сказал тогда

голубой Фаршедвард. Потом смех и лай растворились в теплом небе...

— Ты пятую часть предлагал когда-то из дасткартов, вазирг? — маленькими и круглыми, как у Быка-Зармихра, стали глаза Фаршедварда. — Нет, пять частей возьмем мы из пяти, а вековое зло погасим кровью. И все шкуры сдерем, серые и пятнистые!

Леопард, присевший перед прыжком, был на кулоне главного вазирга Шапура, и серая волчья голова скалилась рядом у воителя Сиявуша.

— Давно ты ищешь правды, младший Карен? — спросил у него вазирг Шапур.

На миг исказилось лицо Фаршедварда, но ласковым, понимающим был голос:

— Твои дасткарты целы в Систане, последний Михран...

Прячущих хлеб и женщин от людей начал обличать голубой Фаршедвард, а еще больше тех, кто благоволит к ним. От непонимания смысла учения Маздака происходит раздвоение души. Тому, кто твердо усвоил великие «Четыре, Семь и Двенадцать», не страшна никакая ложь...

Под короной на возвышении снова сидел царь царей, а не в зале, со всеми. Быстрые глаза его перебегали по лицам говоривших. Розбех убеждающе протянул к нему руку:

— Из-за нашей жалости к великим прокрался на трон Замасп!..

Датвар Розбех долго говорил о специально подобранных людях, которых никто не должен знать. Черные куртки-кабы будут их отличием, и в ночи станут вырывать они скверну в Эраншахре. Пусть боятся правды, и тогда воссияет она...

— Скажи нам, датвар, имя человека, которого призвал ты под личиной мобеда Маздака!

Опять лишь на Розбеха смотрел в ожидании ответа вазирг Шапур. Желтоватые глаза Тахамтана скользнули по нему...

И у врача Бурзоя услышал Авраам голос датвара Розбеха. Они сидели друг против друга, врач и датвар, у мерцающих углей и не увидели его. Он остановился у порога.

— Этот, который в красном... говорят, зло в его прошлом...

С арийским безразличием в голосе сказал это врач Бурзой. Нанизанные на нить косточки были у него в руках, и он передвигал их по кругу, размеренно, одну за другой. Тогда заговорил Розбех:

— Тот, ушедший Маздак, был так велик, что не видел земли. Диперанская мягкость мешала ему прямо смотреть на мир...

Неподкупный датвар продолжал спор с мертвым, и раздражение было в его голосе.

— А этот... который в красном?

— Для сокрушения лживых нужен он нам. Мы уберем его, когда исполнит свое!

— Он уже начал!

Розбех резко вскинул голову, посмотрел пристально на врача Бурзоя. Но тот перебирал косточки...

Вчера, после Царского Совета, въехав на мостик перед своим дворцом, свалился с коня вазирг Шапур. Говорили, что о камень разбил он голову.

IV

Розовое покрывало задевало его всякий раз в коридоре. Как солнце из-за туч, настойчиво выплывало ему навстречу круглое розовое лицо. Что-то забытое померещилось ему. Она пришла, когда уехал управляющий Мардан, но только по бусинкам в розовых глазах узнал он Мушкданэ — дочку садовника...

Дешевым вавилонским мускусом безмерно пахла она в подтверждение своего имени. Мягкое и круглое было все теперь у нее, и знала она то, о чем он даже не слышал. Руки ее тоже стали пухлые и теплые. Но потом наступило отвращение...

Деловито лаская его, она рассказывала, как Мардан ее любит, что у него в округе есть враги среди деристдеканов, но он всем им устроит ловушку и скоро станет главным в красном рустаке. Сам великий Маздак, не тот, мертвый, а другой, приехавший из Шизы, его знает... Она отрывалась, чтобы сделать убедительный жест, снова припадала к нему и опять потом с того же слова продолжала прерванный разговор. О первой ночи у стены

она и не вспоминала. Он принимал ее в удобные дни по необходимости...

Красная кожаная куртка маленького Аббы порвалась на боку, и остановившиеся глаза были у него. Из Междуречья возвратился он, где со специально отобранными людьми нового пайгансалара — «Охраняющего Правду в Эраншахре» — громил имения упрямых. Рассказывали, что иудейки там сами топились в каналах.

— Да!.. Да!.. И ложь! И кровь, если необходима для сияния правды...

Абба кричал. Руки и губы у него тряслись, а зрачки были расширены...

Вчера на торговом подворье мар Зутра отозвал вдруг Авраама на пустой айван перед складами. Суровые черные глаза экзиларха вдруг увлажнились, в горестной растерянности обратились к нему:

— О, где Абба — благословенный сын мой?..

Авраам молчал. Беспомощно упали большие руки мар Зутры, и густая, вкруг всего лица, борода поникла, торчала нестрижеными клочьями...

Тревожная тишина стояла в пахнущем свежими вениками складе товарищества. Розбех наложил неслыханный налог на все караваны — речные, морские и сухопутные, — на выделку кожи, полотна, красок и бронзы. Говорили там вчера о близившейся войне...

А сегодня утром стало известно, что бежал из Ктесифона со своими людьми высокий иудейский экзиларх мар Зутра...

Абба все кричал. Врач Бурзой размешал что-то в чаше, поднес к его рту. Тот пил, вздрагивая всем телом, и зеленоватая лекарственная вода стекала на грудь. Потом он обхватил голову руками и затих...

Рыжий диперан Махой, которого все называли Лев-Разумник, явился вдруг в новой одежде. Черная кожаная куртка-каба была на нем, и все примолкли. Они уже действовали, люди в черном, специально отобранные для борьбы со скверной, и возглавлял их невидимый пайгансалар.

Лев-Разумник испытующе посмотрел на уснувшего Аббу, значительно помолчал. Львом прозвали его когда-

то за любовь к военной форме. Расширяющиеся у бедер штаны были так подтянуты на нем, что тонкие ноги, казалось, растут прямо из груди. Он все разводил кругленькие плечи и прохаживался взад и вперед, резко выбрасывая с ногой половину задницы...

Кто-то спросил его о пайгансаларе — «Охраняющем Правду в Эраншахре». Лев-Разумник нахмурился, еще раз прошел из конца в конец комнату, вернулся, остановился как раз посредине:

— Вы, конечно, понимаете, что даже с близкими людьми я не могу делиться чем-нибудь относящемся к службе. Лишь одно скажу: это большой человек. «Меч Правды» называют его у нас!

Взявшись за шнуровку куртки Авраама, он приблизил к самому его лицу свои выкаченные глаза и принялся объяснять смысл правды Маздака. В основе всего — «Четыре»: Различение противоположностей, Память, Мудрость равновесия, Радость удовлетворения. Затем следует «Семь» и «Двенадцать»...

— Тут не может быть середины, — Лев-Разумник отпустил шнуровку и два раза ударил ребром ладони о другую ладонь. — Мы их или они нас!..

Ночью, проезжая у царского канала, услышал Авраам сдавленный человеческий крик. Он подъехал ближе, слез с коня. Тайяр темнел на стылой воде у самого берега. Луна расползалась по небу, и в желтом тумане увидел он, как волокут длинными крючьями для утаскивания мертвых плачущего человека. К черной дыре на тайяре подтащили его и столкнули вниз. Глухие стенания, мужские и женские, доносились откуда-то из-под воды...

— Эй, ты!..

Черный человек приблизил руку, и потайной факел ослепил Авраама. Кто-то вывернул его куртку на груди, обнажил царский знак.

— Ладно... Иди, диперан!..

Его толкнули в спину. Самоуверенное снисхождение было в невидимом голосе. Уводя в поводу коня, Авраам споткнулся в слепящей тьме. Хрипло рассмеялись сзади:

— Смотри, не попадись... диперан!..

И при свете дня видел он их, людей без имени, вырывающих скверну в Эраншахре. На черных лошадях мол-

ча ехали они посреди улицы, одетые в черные кабы, и железные крючья висели у седел. Сам пайгансалар был среди них — маленький горбун с громадным безгубым ртом...

V

Солнце прорвало белый туман, обнажив долину. И сразу вспыхнуло оно тысячекратно в глаза ромеям, хоть и встало за их спиной. Белым евфратским песком для сияния были начищены персидские шлемы, щиты, наплечья, даже колокольчики на сбруе. Только посредине, там, где «Сердце Войны», темнел неподвижный прямоугольник. Пятьдесят кованых башен стояли впритык друг к другу, и холодные капли тумана скатывались с брони на гладкие серые туши. Щитками были сейчас прикрыты глаза боевых слонов. Прислужники обходили их, скармливая намоченный в вине хлеб...

По «Аин-намаку» — «Книге Уставов» построил войска Эраншахра воитель Сиявуш. Конные азаты в бронзе составили ряды первой боевой линии. Развернутыми колоннами стояли пешие латники. И слева все они были левши, натягивающие лук левой рукой.

В «Сердце Войны» черной лавой застыли «бессмертные». Волчьи хвосты свисали с башлыков, а у сотников на круглых шапках скалились мертвые волчьи головы. Справа, за линией азатов и латников, скручивалась пружиной, удерживая коней, единая масса кайсаков, съезжались и разъезжались отряды легкой армянской конницы.

В золотом шлеме с тусклыми железными крыльями сидел на белом коне Светлолицый Кавад. Стремя к стремени с царем царей находился Сиявуш, потому что эранспахбедом — главой войска и артештарансаларом — главой сословия был он одновременно, чего еще не случалось в Эраншахре. И был еще воитель Сиявуш адеристденансаларом — военным предводителем всех истинно верящих в правду. Красная «Звезда Маздака» трепетала на пике рядом с кожаным фартуком — «Звездой Ковы», и львы на бронзовых цепях били хвостами о землю по обе стороны...

Стеной перегораживала долину боевая линия ромеев. Там не было слонов, но стояли круглые передвижные башни, и тяжелая македонская конница закрывала про-

ходы между ними. Еще лучше мог поставить свое войско Сиявуш, если бы занял холм на левом крыле. Но там текла вода, и нельзя было по «Аин-намаку» лишить врага воды в жаркий день, потому что придаст это ему безумия и рваться будет к ней, опрокидывая все на пути...

Но совсем не по «Аин-намаку» начали бой персы. И не ждали они второй половины дня, как указывала книга. Едва солнце оторвалось от кромки гор, раздвинулись ряды азатов, и люди в красных одеждах — кабах вышли вперед.

— О Маздак... Маздак, о-о!..

По плечи были обнажены у них руки, и только голые ножи держали они. С тихим пением потекли красные струйки в сторону ромеев. Те не стреляли, пораженные. И там, где достиг красный цвет ромейской стены, она вдруг стала содрогаться, промоины появились в ней.

Сиявуш сделал знак. Мерно и гулко забил главный барабан эранспахбеда, установленный на белом слоне. Сотни барабанов прогремели в такт, низко и страшно завыли карнаи. Медленно двинулось «Сердце Войны». Все больше обгоняя его, заворачивая наискось к линии ромеев, устремилось вперед правое крыло. Мелкая желтая пыль со стрелами неслась в глаза ромеям, потому что в их сторону был ветер, как рекомендовалось по «Аин-намаку».

Ромеи отступали сплоченно, выставив пешие заслоны и оставляя капканы для лошадей. Правое крыло их само двинулось на персов, изрыгая жидкий огонь. И вдруг дрогнули ромеи...

Как из воска вылепленный стоял позади их армянский город Феодосиополь. Все шестеро ворот его вдруг отворились, и такие же красные струйки потекли от них в спину ромеям. Среди армян тоже были истинно верящие в правду. А кроме того, царь царей Кавад, подтверждая учение Маздака, дал указ армянам о свободе совести.

Главное это было для них. Такова судьба всех народов между двумя вселенскими империями. Христом противились армяне персам. Но чтобы вконец не раствориться в ромеях, верили лишь в божью сущность Христа, отрицая человеческую. Ромеи силой принуждали их к признанию сразу обеих сущностей...

Потом были стены Амиды, и опять деристденаны лезли на них, срываясь вниз. Два месяца били в кованые ворота персидские тараны, и все же город взяли ночью со стены. Все золото и пять тысяч мужчин — мастеров по коже и тканям — забрал здесь Сиявуш в счет положенной оплаты от ромеев за охрану перевалов.

Пока осаждали Амиду, хирский царь Нуман со своей конницей, посланный Сиявушем, дошел до Эдессы. Восемнадцать с половиной тысяч мужчин привел он. А молодой воитель Махбод Сурен, племянник бывшего вазирга Шапура, пошел с войском на Теллу, которую ромеи называют Константиной. В четырнадцатом году правления Кавада это было, в восемьсот тринадцатом году греков, в пятьсот втором году христианской эры...

Каждый день войны записывал Авраам, ибо был дипераном — хранителем истории царства Эраншахр, где главным законом стала правда Маздака.

Бежали ромеи от персов, но, несмотря на желание многих, не пошел в погоню воитель Сиявуш. Тоже по «Аин-намаку» это было, где сказано, что нельзя доводить врага до отчаяния, ибо умножит оно его силы. И исконную землю нельзя забирать у побежденных, потому что в потомках удесятерится воля к возвращению ее и не будет никогда мира...

Отпущено было по домам пешее ополчение, и по всем дорогам от границы шли люди с мешками за спинами, вели ослов и быков в поводу. Проходя через Нисибин, развязывали они эти мешки, за полцены отдавая на базаре ковры, сапоги, сандалии, женские хитоны, ромейские арфы. Большой пьяный перс обменял крылатую богиню из родосской меди и большой бронзовый котел на кувшин с вином. Авраам пригляделся к хозяйке лавки и узнал Пулу...

Они долго говорили, но, когда он по старой памяти взял ее за руку выше локтя, она мягко высвободилась. Женой киликийского раба-отпущенника стала Пула, и трое детей у них. Уже к следующему году расплатится она за себя с ритором Парцалисом, которому принадлежала от рождения. Когда он уходил, теплые слезы появились у Пулы на глазах...

Снова ходил Авраам по Нисибину. Еще жестче стали порядки в академии, и тишина стояла в кельях, мастерских и аудиториях. Сердце щемило у него. Даже козлы и столб позора посреди двора, где сыпал он себе пепел на голову, были связаны с его жизнью и казались близкими. Совсем молодые тихие студенты снимали шапки, с удивлением глядя на красную куртку Авраама.

На треть осел в землю старый дом во дворе епископа, и новый — попросторнее — стоял рядом. Нынешний епископ Нисибина, тоже Бар-Саума, жил там. Крепкий, просто одетый старик с проницательными глазами, покосился на его куртку и спросил, многие ли христиане в Ктесифоне совместили веру с лукавым учением. Авраам поспешил уйти...

На царской стороне Нисибина, где жил Авраам неделю, разыскал его Шерйездан. По дороге домой от Амиды сделал он со своими кайсаками пятидневный пробег в сторону, чтобы повидаться с родственником. Ничего из вещей по своему обычаю не брали кайсаки в завоеванных городах. Одну лишь серую кобылу вел пристегнутой к подсменному коню Шерйездан, и две стриженые головки торчали по обе стороны из вьючного хурджуна.

— Э, Роушан-апай сказала... Будет довольна!

Так объяснил ему это Шерйездан, заметив недоуменный взгляд Авраама. Два сына родились уже у Роушан, и она поручила мужу привезти с войны девочек, чтобы стали потом им женами...

Пожар и вопли Амиды слышались Аврааму, пока он смотрел, как снимал с лошади Шерйездан переметную суму с детьми. В младенческих хитонах были девочки и вовсю таращили черные глазки, крепко уцепившись за Шерйездана. Одна из них захныкала, когда опустил он их на землю. И опять взял ее на руки Шерйездан, засмеялся, поцеловал. Девочка успокоилась. Авраам вздохнул...

С царской почтой ехал он от границы.

— Не положено!..

Это было любимым словом у азатов. Когда они говорили так, задавать вопросы, взывать к разуму или чувствам, доискиваться причины было бесполезно. Высшая

форма мирового порядка, смысл всего сущего содержались для них в этом кратком отрицании. Сейчас они стояли непрерывной линией, как требовалось по «Аиннамаку», когда за спиной река. Сияющий куб дворца парил в небе на том берегу. Азаты не пропускали красных деристденанов к переправе на Ктесифон...

Недоумевающая толпа молча теснилась перед заставой. Они ничего не несли с собой с этой войны, деристденаны, и опавшими были залатанные холщовые мешки за их спинами.

— Не положено!..

Время от времени это говорил им вполголоса плотный, похожий на Исфандиара сотник с мокрой от пота шеей. Они и не спрашивали ни о чем. Видимо, им тоже был понятен тайный смысл этого слова.

И вдруг все сразу двинулись вперед. Даже не вынимая своих ножей, слитными пятерками шли красные деристденаны, и азаты принялись привычно, деловито рубить их прямыми, расширяющимися к концу мечами...

В полной тишине делалось это. Только тупой деревянный стук и шорох рассекаемой человечьей плоти отдавались где-то далеко в небе. И еще выдохи азатов колыхали влажный горячий воздух. Красная вода позади поглощала, прятала звук...

Сердце задрожало у Авраама. Он ясно увидел знакомого гончара и его братьев из Гундишапура. Прижавшись телами друг к другу, шли они навстречу сверкающему железу. Привыкшие изо дня в день мять чистую глину были у них руки. Но потом он перевел взгляд и увидел, что и у другой пятерки такие же длинные руки с бронзовыми, жесткими от тысячелетнего труда мозолями. И лицо у них было одно. Третья пятерка тоже показалась ему знакомой, и четвертая, и пятая. Они шли: гончары, ткачи, кузнецы, ковроделы, арийцы и неарийцы...

На прибрежном холме у переправы увидел он Сиявуша. Спокойные, как у волка, были его глаза, и вспышки мечей холодно отражались в них. А рядом стоял Фаршедвард — младший Карен, который сам когда-то был великим, но отказался от всех почестей и богатств во имя правды Маздака. И опять увидел Авраам тот день, когда на камнях за дехом зарезался неимущий азат, у которого этот человек отнял жену. И лай собак, и хохот услышал

Авраам. «А я хотел ему взамен толстую Фиранак прислать!..»

Точным повторением Быка-Зармихра казалось сейчас лицо голубого Фаршедварда. И все же другим было оно. У покойного эранспахбеда прямые солдатские морщины вспарывали щеки и подбородок, в глазах стояла откровенная скотская злоба. А у Фаршедварда под кожей светился благородный белый жир, маленькие Кареновы глаза горели доброжелательством. Мягко, волнисто двигались пухлые губы, как бы присасываясь к чему-то незримому...

Уже с того берега посмотрел Авраам. Синяя линия азатов по-прежнему была недвижима. Как только подкатывалась к ней красная волна, опять возникало железное сверкание. Неровные красные пятерки покрывали прибрежные зеленые холмы, расползались в стороны...

VI

Арийские бугры вздулись на плоском, безбровом лице управляющего Мардана. Совсем как у великих, оттянулись книзу губы, а круглые розовые ноздри смотрели в небо. Большое твердое брюхо появилось у него, и Аврааму пришлось потесниться в коридоре дасткарта...

Ночью была у него Мушкданэ. Главным человеком в рустаке стал Мардан. Те, кто не хотел его, изгнаны. Многим скоро придется плохо.

— Все это Розбех мешает людям. — Приподнявшись, она оглянулась на темный угол, зашептала: — Окружил себя христианами с их жугутским богом, армянами всякими. Честному арийцу тут не пробиться. Но ничего...

Он лежал на спине. Приняв за обиду его молчание, она стала настойчиво ласкать его полной короткой рукой. В голосе ее было оправдание:

— Я не говорю, конечно, обо всех. И среди христиан есть хорошие... Да и какой ты христианин? Разве что обрезанный... Ничего. Какое это имеет значение?..

Она говорила искренне. Тогда он спросил, в чем же вина Розбеха.

— Понимаешь: правда — она и есть бог. И у нее, значит, четыре этих... силы: Память, Радость, Различение... — не освобождая занятой руки, она принялась объ-

яснять: — Нет, сначала Различение, потом Память... И все они действуют через «Семь», а те уже — через «Двенадцать». Как у царя царей: вазирги есть, спахбеды, шахрадары... А Розбех не признает этих «Семи». И «Четыре» не так признает, как нужно: вместо Различения у него что-то другое, я уже забыла... В общем, уклоняется от правильного пути...

Подогнув тяжелые деревья-ноги, лежали на круглых животах слоны. Цепи от них были замотаны на железных столбах. Мерно качали они гранитными головами, и бивни их скрежетали по медным тазам. Прислужники все подбрасывали влажную джугару.

Авраам принюхался: зачем здесь, среди города, пьяные слоны? На высоком черном коне сидел маленький горбун, и глаза у него горели, как и там, на ступенях к реке, когда протыкал он ножом завернутую в ковер девочку. Громадный красный рот был у него...

Слонов стали покалывать в пах. Яростно раскачивая хоботами, начали подниматься они. Сухой каменный хауз увидел Авраам. Гладкий скат был к нему, и слоны побежали, теснясь, опережая друг друга. Там лежали люди...

Двумя ногами сразу, передней и задней, становился слон на человека, и сухой хруст слышал Авраам. Ладонями захотел он заслониться, но кровь была везде...

Слоны топтали людей!.. Остались двое связанных мужчин, женщина со свертком, старик. Красная грязь разбрызгивалась кругом. И куски ткани...

Вопль убийства докатился наконец до его ушей. Нет, не мог он услышать хруста, потому что ревели карнаи... Белой тканью закрывала младенца женщина от огромной ноги. Похрюкивали слоны, маленькие глазки горели веселыми рубинами...

Авраама тошнило под деревом на краю майдана. Трубы кричали... ИЗМЕНЯЮЩИХ ПРАВДЕ... ПОСТИГНЕТ...

Никогда еще не говорил так Розбех. Тонкое благородное лицо его светилось, и радость удовлетворения была в чистых арийских глазах. Когда он победно вскидывал руку к царскому трону, красная рубашка простого

деристденана всякий раз открывалась под фиолетовым плащом.

— Плачут великие, но не верит слезам красный Ктесифон!.. Да, хлеб и женщин забрали у них, и равны люди сейчас на земле Эраншахра. Но далеки великие от того, чтобы примириться с потерей богатства и власти. Только смерть очистит их души от зла. И всех из рода постигнет кара: старых и юных, имущих и неимущих, ибо такова скверна богатства, что заражает через родственную кровь. Вот почему мы дали нашему доблестному пайгансалару право на убийство!..

И вдруг увидел из диперанской ниши Авраам, что только датвар Розбех в красной одежде под судейским плащом. Все, кроме него, сняли уже красные куртки и покрывала. В черном были теперь они: Тахамтан, Фаршедвард, оставшиеся здесь вожди деристденанов. Вторым от Тахамтана сидел «Меч Маздака» — грозный пайгансалар. Голова с огромным безгубым ртом утонула в глубине маленького черного комочка. Его называли еще Гушбастар — «Слушающий ночные сны».

Тахамтан молчал, но на него устремлены были взгляды, а не на Розбеха. Какое-то ожидание было на лицах сидящих. Только царь царей на своем троне и воитель Сиявуш смотрели прямо перед собой.

— Слава тем, кто железными крючьями выкорчевывает зло в Эраншахре! — вскричал Розбех. — Они не испугались крови, и в веках останутся их деяния. Потомки станут гордиться их великим подвигом...

Заговорил один из людей-вастриошан. Долго рассказывал он, как какой-то человек из их рустака не пустил соседа к своей жене. Крючьями, как мертвую плоть, потащили его ночью вместе с женой.

Датвар Розбех, не дослушав, повел рукой от плеча:

— Когда кузнец бьет молотом по горячему железу, искры летят во все стороны. Они могут упасть на случайного человека. Значит ли это, что нужно потушить горн?!..

Спокойные желтоватые глаза Тахамтана посмотрели на Розбеха.

Ночь была, когда закончился Царский Совет. Диперы спустились по крученой лестнице и остановились. Черные люди ждали у стены с задней стороны дворца.

Было видно, как откинулась завеса, и великий датвар Розбех пошел в полосе света. Железные крючья потянулись к нему с четырех сторон, захватили под ребра, в промежность, за подбородок. Свет пропал. Человеческий вопль раздался во тьме...

VII

В доме у Артака спал он в эту ночь. И едва преклонил голову, слон побежал на него. Уклонился Авраам от чудовищной ноги, но дико закричал кто-то, и с разных сторон потянулись крючья...

Они и вправду тянулись из тьмы, острые железные крючья, которыми волокут мертвых в «Башню Молчания». Но не за ним. Артак в белом ночном балахоне стоял посреди комнаты. Под подбородком проткнуло его отточенное железо, рвануло к земле. Другой крюк держал в промежности и еще два тащили за ребра...

Голых женщин гнали мимо, тыкая во все места острыми наконечниками. Потом проволокли истерзанного старика диперана, детей. И потайной факел едва не опалил бровей Аврааму.

— Этого пока не надо!..

Они ушли, и никак не мог вытолкнуть комок из горла Авраам. Свою куртку нащупал он и надел. Снова попытался крикнуть, позвать кого-нибудь, но ничего не получалось. Так и вышел он на улицу...

Конь убежал, и пешком шел Авраам, поворачивая в какие-то улицы, переулки. В серой предутренней мгле изламывались черные тени, скрежетало железо о камни, плакали люди. И шуршание слышалось отовсюду — тихое, неумолимое, как будто двигались крысы...

На третий день увидел Авраам у моста через царский канал толпу людей. Кресты из нестruганых бревен в руку толщиной висели у них на груди. Цепями и грубыми веревками подвязывались они к шее. И только так должны были ходить отныне в Эраншахре христиане.

Все они пришли сюда с этими тяжкими крестами: старики, женщины, дети. А по другую сторону стояли иудеи, и литые медные шары объемом с голову младенца висели у них под черными бородами. Так определен был

их размер по новому закону нового вазирга Фаршедварда...

Они отодвигались от Авраама — христиане и иудеи, и он понял, что это из-за его куртки. Всех, кто в красном, ловили в эти дни на улицах и волокли на тайяры к Тигру. С холодным ожиданием смотрели на него служители пайгансалара, охраняющие мост...

Деревянные столбы в два ряда стояли на мосту, и люди качались на них головой к земле. Он сразу узнал епископа мар Акакия. Такое же скучное лицо было у него, как всегда, только перевернутое, и надвое был разодран подбородок. А напротив покачивался от ветра мар Зутра, экзиларх иудейский, и веером свисала большая борода на голый блестящий лоб. В вавилонском Междуречье отсиживался он до сих пор, отбиваясь от войска, но был наконец схвачен...

Кто-то вежливо тронул его за плечо, и Авраам оглянулся. Сзади стоял старый еврей, с которым говорил он как-то в доме экзиларха.

— Ну, как вам это все нравится? — спросил тот, как будто продолжая прерванный разговор. — А знаете, что сделали с нашим Аббой? Его бросили в кариз, чтобы рыл там канал. Это под землей, вместе с гуркаганами...

Он вдруг уцепился за рукав Авраама и потащил из толпы. Глаза его восторженно сияли.

— Знаете, что я вам скажу... — зашептал он в самое ухо. — Все равно остался столб огненный... Будет он... Будет!..

Авраам вырвался из рук сумасшедшего старика и побежал пыльными переулками...

Знакомое подворье, обсаженное шах-тутом, было перед ним и большие ворота. Голодная собака бросилась ему под ноги. Чернели склады сорванными дверями, песок выше колена намело к ним. Авраам уже слышал, что Авель бар-Хенанишо, его родственник, водит теперь караваны где-то через хазарские владения...

— Меня не тронут, — сказал врач Бурзой. — Они уже звали к этому... Маздаку... и я смог принести облегчение его почкам. Это болезнь всех, кто долго был в сырости,

под землей... Они очень дорожат своим здоровьем, такие люди...

Авраам не знал, почему пришел к Бурзою. Пустота и холод наполняли там стены. В дом, где бывал Розбех, боялись заходить. Врач обрадовался: ему необходимо было говорить.

— Вы заметили, что этот... Маздак... всегда молчит. Видели на базаре старого индуса с коброй? Если бы он заговорил, кобра укусила бы его. Таинство молчания!.. Есть «Уста Маздака». Так они называют отказавшегося от своего рода Фаршедварда. И тот говорит, что правда необъяснима для каждого человека в отдельности. Только толпе можно овладеть ею. Помните: «О Маздак, о-о!..» Все очень просто, но пройдет время, и мы с вами сами будем выискивать в этом мистическое, вечное, так или иначе великое. Простота объяснения страшит наши диперанские умы. Мы ведь тоже хотим быть великими...

Врач Бурзой помолчал, отрицательно покачал головой:

— Никому еще это не проходило даром!..

Неожиданно явился Лев-Разумник. Близким человеком к вазиргу Фаршедварду, главному ненавистнику иудеев, стал он. Говорили, что никому не доверяет тот больше, чем ему.

— Каждый шахрадар имеет своего жугута!

Бурзой шепнул это арийское присловье, пока Лев-Разумник вышагивал по комнате.

— Он дурак был, этот Абба! — с важностью сказал Лев-Разумник. — Не понять такой простой вещи, что «Четыре» — это «Четыре», «Семь» — это «Семь», а «Двенадцать» — это «Двенадцать». Вот и докатился до измены великой правде...

Врач Бурзой и Авраам молчали.

— Тебя тоже хотели там пощупать, но я поручился им. — Он покровительственно кивнул Аврааму. — Между прочим, сам великий Маздак откуда-то помнит тебя. У него замечательная память.

Лишь через неделю пришел он в дасткарт. Вещи его были выброшены наружу. У самой двери на земле валялся его мешок, кожаная сумка, свитки. Рабы перешагивали через них. Они заделывали проломы в стенах,

мыли и чистили помещения, красили все сверху донизу густой, сильно пахнущей бронзой.

— Тут уже нет места, — сказала ему Мушкданэ. — Сам понимаешь: Мардан-шах близок великому Маздаку и не может жить, как сова, в таких развалинах. Для начала хоть кое-что необходимо сделать...

Она принялась по-дружески рассказывать ему, какой умный и красивый сам великий Маздак. И очень простой: долго говорил с ней, когда все они собрались в царском дворце, обещал на днях сам прийти к ней. Ему, наверно, понравится розовый шелк, который остался от Фарангис — жены этого старика эрандиперпата, который жил здесь когда-то, еще до великой ночи. Очень идет такой шелк к цвету ее кожи...

Какая-то девочка из прислуживающих споткнулась от испуга, увидев ее. Желтые сливы просыпались из таза, что несла она на голове. Мушкданэ сорвала серебряную туфлю с ноги и принялась яростно колотить ее каблуком по лицу. Девочка только всхлипывала, не смея поднять руки. Кровь закапала у нее из носа, из разбитого глаза.

— Прямо не знаю, что делать с ними! — пожаловалась Мушкданэ. — Не доглядишь где-нибудь, и сразу убыток...

Она побежала в коридор, переваливаясь в серебряных туфлях. В ширину Мушкданэ уже была такая же, как и в высоту...

Книги из библиотеки горой лежали на заднем дворе дасткарта. Лошади, привозящие из окрестных селений масло и пшеницу в хранилище, шли по ним, оставляя навозные следы. Он выбрал все, что мог унести...

Когда прошел он ворота, черные всадники пайгансалара приволокли на рысях окровавленного человека. Бритая голова колотилась вдоль дороги о камни и стволы деревьев. Слипшийся клок черных волос, оставленных на счастье, попадал всякий раз под копыта лошадей. Фархад-гусан это был, певший когда-то о жнецах на горе...

Азаты молча стояли у сторожевой башни, и сотник Исфандиар находился среди них. Арийское послушание было в их глазах... А на площадке для наблюдения стоял Мардан. Нос отвердел теперь у него, и ноздри смотрели прямо. Бугры уже не прятались всякий раз.

Домашний раб при Мардане рассказал сегодня Аврааму, как все получилось. Ремнем избил когда-то Мардана Фархад-гусан. И слухи ходили, что был он тем азатом, который в «Красную Ночь» снес на площади голову Быку-Зармихру. Вот Мардан и донес об этом младшему из Каренов — вазиргу Фаршедварду. Да и сам Мардан уже в силе...

VIII

Первым к царю царей и богу Каваду сидел Тахамтан. Для него уложили специальный помост из подушек, и возвышался он над остальными в Царском Совете.

Фаршедвард садился сразу за Тахамтаном. Черный комочек вдруг вынырнул из-под руки и оказался на подушке раньше него. Большой безгубый рот страшно открылся навстречу вазиргу Фаршедварду. Но Тахамтан повернул голову, и послушно отполз на третье место горбун-пайгансалар...

И по всему залу слышалось шуршание. Никак не могли успокоиться люди, одетые в черные кожаные куртки-кабы. Они неслышно передвигались, сталкивая друг друга с подушек и устремляясь ближе к Тахамтану. Он обвел их желтым взглядом...

С другой стороны, где сидели воители, тоже появились люди в черном. Через подушку от эранспахбеда Сиявуша сидел уже один из них. Лишь в сословии вастриошан все было по-прежнему белое...

В глубь диперанской ниши посмотрел Авраам. Не было рядом уже Артака, Аббы и самого главы царских писцов — старого безобидного Саула. Вместо него пришел диперан второго ряда Фаруд из Нисибина — тот самый, которому помогал в юности Авраам переписывать христианские колена города. Фаруд сказал, что опаскудились ктесифонские дипераны-иноверцы, и призвали его навести порядок. Служители пайгансалара — по два с каждой стороны — сидели теперь в нише, не спуская с диперанов глаз...

Фаршедвард сделал положенный знак и склонился перед царским троном. Потом он повернулся к Тахамтану, опять закрыл ладонями глаза и губы. И сразу вдруг обе руки вскинул кверху:

— О великий Маздак!..

— Маздак, о-о-о-о-о!..

Застонали изукрашенные стены, рельефы, курильницы, притухли и снова загорелись трехъярусные светильники. С поднятыми к Тахамтану руками сидели все, и рты были округлены в самозабвенном молении. Проснувшийся старец в ряду сословия вастриошан в недоумении повертел головой. И царь царей пробежал быстрым удивленным взглядом по нишам...

Фаршедвард не опускал воздетых рук:

— Слава тебе, светоносный Маздак!.. Все, сказанное до тебя, лживо. Во тьме блуждали люди, пока не пришел ты и не возвестил «Четыре, Семь и Двенадцать». На все времена и всем народам указал ты путь к счастью. Как красное солнце, встаешь над миром, и рассеивается тьма!..

— О-о-о-о-о!..

На этот раз увидел их Авраам. В нишах по всем стенам были спрятаны люди. Короткий знак делал пайгансалар, и завывали они высокими голосами. Вслед за ними начинал стонать зал. Старец в белом все вертел головой. Светлолицый Кавад уже никуда не смотрел...

— Напрасны надежды приспешников тьмы на хаос и безвластие! — гремел Фаршедвард. — «Четыре, Семь и Двенадцать» — это величайший порядок в мире. Нет при нем места лживым разногласиям и сословному противоборству. Все люди — братья на земле Эраншахра!..

Веселыми, злыми брызгами сверкали глаза Фаршедварда. Как у пьяных слонов, отсвечивали они красным. И не было на гладком породистом лице прямых и честных солдатских морщин, как у Быка-Зармихра...

К возрождению чистого арийского духа призвал Фаршедвард. Этот дух древних воителей Ростама и меднотелого Исфандиара, дух великих Кеев, дух Арташира и Шапура — победоносных внуков Сасана, гармонически сочетается с правдой Маздака. Он, этот воедино слившийся дух, помог опрокинуть ромеев, посягнувших на само существование Эраншахра.

Именно под эту основу основ подкапывались розбехиды. Твердая арийская верность правде страшила их. Они знали, куда следует направить удар. Безродные христиане с их противной арийскому духу иудейской книгой были у них главными советниками. На деньги, идущие от кесаря, готовилось неслыханное злодейство...

Следующим говорил бывший вождь истинно верящих в правду из Истахра:

— О великий Маздак!..

— Маздак, о-о-о-о-о...

Он повторил все сказанное Фаршедвардом и к концу заметил, что не все еще розбехиды выловлены в Эран-шахре. Коварны они и, как червь в спелое яблоко, пролезают порой в самое сердце правды. Ничье имя не назвал он, а только посмотрел на сидящего перед ним другого вождя — из Хузистана...

Тахамтан кивнул головой, и сразу выкрикнули это имя. Негодующе простирались к хузистанскому вождю руки. Тот закричал, что был всегда врагом подлому Розбеху, но не дали ему говорить...

— О великий Маздак!..

— О-о-о-о-о!..

Притухали и вспыхивали светильники...

Диपераны уже знали, что это будет, и, спустившись по крученой лестнице, затаились в простенке. Черные люди стояли во дворе с поднятыми крючьями, и шли в полосе света сословия...

Что-то захотел крикнуть опять вождь из Хузистана, но острое железо уже разорвало горло. Клокотание послышалось в наступившей тишине...

Другой хотел убежать, но крючья неумолимо подцепили его за ребра, в промежность и под подбородок. Их специально учили этому, людей в черном. Лишь старый азат с порубанным лицом из сословия воителей рванул к себе железный крюк и со свистом размахнулся. Стрелы впились в него со всех сторон...

Еще девятерых, которые опаздывали округлить рот при знаке пайгансалара, уволокли во тьму. С царем царей ушел Сиявуш другой дорогой...

Все прошли уже из Царского Совета, но продолжали стоять черные люди. Холодную тяжесть ощутил Авраам в груди и животе. Она разливалась по телу, сползала в ноги...

Глава царских писцов Фаруд медленно прошел под крючьями, остановился, повернулся. Мертвый свет падал на его улыбающееся лицо. Была очередь идти Аврааму.

С тихой реальностью приближались висящие в ночи крючья. Тускло поблескивали острые загнутые наконечия. Над головой уже покачивались они. Что-то ледяное коснулось уха...

Все ближе было лицо Фаруда. Только когда завопили за спиной, оглянулся Авраам. Черные тени плясали там, и слышалось тихое шуршание. Армянина Вуника утаскивали во тьму...

На другой день сказали Аврааму, что едет он с посольством к ромеям, в Константинополь. Все та же ночная улыбка была у известившего об этом Фаруда. С нескрываемой враждебностью прикладывал он казенный перстень с печатью к ходатайству о выдаче подорожных денег. И о «красных абрамах» упомянул что-то...

Авраам шел и думал, почему его посылают сейчас к ромеям. О царе царей не убоялся пробормотать Фаруд, что не по-арийски падок тот к жугутским прихвостням, даже имена их помнит...

И врач Бурзой, у которого жил он теперь, удивлялся. Крючьями волокут сейчас всех, кто был в красных диперанах. Лишь вчера бросили под слонов великого арийского певца Кабруй-хайяма. А его отпускают...

«В один день родились мы с тобой, христианин Авраам...» Так сказал ему когда-то Светлолицый. Арийское древнее поверье есть, что судьбы ровесников связаны. Может быть, потому и не потащили его крючьями по указке Фаруда, а сейчас отправляют из Эраншахра...

Врач Бурзой при прощанье сдвинул густые брови, посмотрел в глаза.

— Тебе лучше подольше оставаться у ромеев, мой Авраам... — сказал он.

IX

Квадриги мчались, веером вздымая тяжелый мокрый песок на поворотах. Одномастные кони были впряжены в колесницы, голубые и зеленые ленты вились в хвостах и гривах. Такие же — голубые и зеленые — рубашки были у возничих, а на громадном ипподроме по тем же цветам разделялись трибуны. Даже в кесаревой ложе наряду с голубыми были зеленые платья. Когда какая-нибудь

квадрига вырывалась вперед, неслыханный рев возникал на трибуне, в чей цвет была она...

Нет, не останется он у ромеев... Авраам это понял, как только переехал границу и медленно затих за спиной теплый бронзовый звон языка пехлеви. Шумели такие же пестрые, как в Нисибине, приграничные базары, много дней вертелись по кругу над ущельями каменнокрасные армянские селения с крестами на скалах. А потом раздвинулась земля, засияло голубое море, и белые колоннады с уходящими в волны лестницами утверждали бесконечную красоту мира...

Ухожены были сады и виноградники в ромейской Кесарии, крепкие сытые рабы трудились в полях и имениях. Бесчисленные виллы стояли по холмам, и легкие невысокие стены окружали их подножья. Давно уже не знала нашествий эта часть империи. Сюда не доходили ни готы, ни прорывавшиеся всякий раз через Кавказ многоликие гунны. Лишь изредка беспокоили с моря вандалы, но и они последнее время не решались заплывать дальше Родоса. Люди улыбались друг другу в селениях. А сердце Авраама кровоточило от тоски по черным камням Ктесифона, и не спалось ему ночами...

Вороная квадрига со светло-зелеными лентами вырывалась к финишу, и закричал в победном восторге Авраам, ибо прасины — «зеленые» были все его друзья в Новом Риме...

К Леониду Апиону, патрицию, ходил он здесь всякий вечер. Торговыми делами в товариществе управлял тот, потому что сюда, в Константинополь, переместилось все. Те же люди, что и на ктесифонском подворье, собирались в двухэтажном складе на берегу спокойного синего залива. Лишь торговые пути стали длиннее и товары вздорожали. Зиндбад-мореход плавал на своих тайярах где-то вкруг Кульзума, огибая Эраншахр. В Палестину и коптскую Александрию везли потом посуху шелк, золото, индийские камни, пряности, а там снова все перегружалось на корабли. Авель бар-Хенанишо уже в третий раз ушел с караваном через Тавриду, гуннские и хазарские земли. Дорого обходилась охрана, потому что гипербореи в шкурах выходили из своих лесов далеко в степь и нападали на путников. Кесарь поощрял прасинов, вершивших

денежные и торговые дела в империи. В два с половиной раза выросли поступления в его казну после разгрома товарищества в Эраншахре.

На этот раз взвыли венеты — «голубые». Две их колесницы сразу обошли «зеленых», и первые четыре лошади несли на мощных грудях белую ленточку финиша к кесаревой ложе. На краю трибуны прасинов сидел Авраам и в который раз изумился людскому буйству. Двадцать тысяч «голубых» скакали, били в радости друг друга по спинам, плакали. Через несколько рядов от него в патрицианской ложе старый достойный сенатор Агафий Кратисфен в неистовстве колотил палкой по барьеру. А ведь в предыдущем заезде сам Авраам прыгал, как пьяный козел в ромейских празднествах — брумалиях...

Тот же старый неумный шахрадар, ведший с ромеями переговоры в Нисибине, послан был в Константинополь. Не ему было тягаться с этим Агафием Кратисфеном и холодными кесаревыми евнухами. По-персидски хитрил он и, пожалуй, смог бы обмануть добрую сотню других шахрадаров. Так сказочный воитель Ростам обманывал некогда туранцев, забираясь в их крепости под видом купца. Но совсем в иной плоскости вершилась ромейская политика, и неуклюже-мерзкими казались первобытные шахрадаровы ухищрения...

А вдобавок приставлен был к посольству человек в черной куртке-кабе, имевший, по обычаю, лишь прозвище. Барсуком звали его среди своих, и Авраам помнил, как на ступенях чужого дасткарта отвязывал тот лодку, куда попрыгали потом убегающие гуркаганы...

Видать, по внешнему подобию брали они себе клички в каризах. Переваливаясь на кривых коротких ногах, ходил Барсук, и тяжелые крючковатые руки цеплялись за все по пути. Грамоты не знал он и не смыслил ничего по-ромейски, но сидел на всех диспутах и внимательно смотрел в животы говорившим. Глухое недоброе ворчание издавал он всякий раз, когда уходил Авраам по своим делам от посольства. Прислужники Барсука ходили по пятам...

Персы еще до подхода ромейских армий ушли от Феодосиополя, Амиды и Эдессы, так что быстро договорились о том, что все остается при старых границах. Но требо-

вали возмещения ромеи и не хотели давать золото на охрану кавказских проходов. А персы решили навечно замкнуть эти проходы стенами, уходящими от гор прямо в море. Все больше денег требовалось им...

И еще самим царем царей было поручено шахрадару просить кесаря усыновить до совершеннолетия царевича Хосроя. Так уже было между Эраншахром и ромейской империей. Царь-грешник Ездигерд Первый воспитал при себе малолетнего кесаря Феодосия, и долго не воевали тогда ромеи с персами.

От младшей из трех царских жен рода Испахпатов родился Хосрой. Еще два сына от других законных жен было у Светлолицего Кавада. Средний сын Зам потерял глаз при соколиной охоте, так что не годился в цари. Зато старший, царевич Кавус, надевал уже черную куртку и ездил ночами с людьми пайгансалара. Поэтому, как только имя третьего сына Хосроя услышал Барсук в речи шахрадара, то рявкнул на него, не стесняясь ромеев...

Все свелось к тому, что другое, более высокое, посольство прибудет со временем ко двору кесаря, и тогда решатся все дела между империей и Эраншахром. Кесарь не допустил к себе шахрадара с его людьми. Лишь императорским магистром оффиций были они приняты, да еще евнух-препозит кесаревой опочивальни поговорил с ними. И это было уже неплохо, потому что прямое отношение к императрице Ариадне имел он, которая после смерти Зенона, с согласия сената и цирковых партий — демов, избрала себе мужем нынешнего кесаря Анастасия. Пока что от персов были только взяты подарки. В гостином дворе, где жили они, составлялся караван с ответными дарами кесаря царствующему брату и богу Каваду...

Квадриги медленно уплывали в ворота, провожаемые неистовствующими трибунами. Вдруг словно ветер прошел по ним, и все стихло. Лишь где-то внизу явственно слышалось рычание. Диких зверей выпускали в ров, разделявший трибуны, чтобы не случилось побоища...

Прямо напротив кесаря стояли приподнятые над остальными голубые и зеленые ложи возглавлявших обе партии народных вождей — демархов. Были еще белые и розовые демы на ипподроме, но немногочисленные ряды их примыкали к главным цветам: «белые» — левки к

венетам, а «розовые» — русии к прасинам. Они редко выставляли собственные колесницы...

— Приветствую тебя, великий народ!

Это глашатай кесаря провозгласил в гигантский рупор, и человек в пурпурной мантии с диадемой на голове по-римски вскинул руку. В такие же рупоры отозвались ложи демархов:

— Привет тебе, Анастасий, вечный август и автократор.

На имперской латыни сказали они установленные слова. Во всех префектурах, диоцезах и провинциях империи писали на этом языке. Но обиходная речь была эллинской — чем дальше к Востоку, тем больше...

«Голубые» победили в скачках, и их демархи обратились через рупоры первыми к кесарю:

— Скажи, Анастасий, будет ли твой квестор судить Патрокла-Крысомора?

Еще Константин Великий, чьим именем зовется Новый Рим — Византий, установил народное право одобрения или осуждения на ипподромах всех действий властей. Патрокл Мантитей, судовладелец и откупщик из прасинов, подрядился на доставку пшеницы из Ливии. Часть ее оказалась проросшей, и люди болели от плохого хлеба. Крысомором прозвали за это Патрокла. Кроме того, казна заплатила ему отступного за четыре утонувших галеры с пшеницей, а одну из них видели после этого на Крите...

— Мой консисторий не нашел вины Патрокла Мантитея, патриция...

Услышав ответ, закричали, застучали ногами голубые трибуны. Потом по знаку своих демархов прекратили они шум, и тогда вдруг по-эллински обратились к кесарю прасины:

— Чем наградишь, вечный август и автократор, славный девятый легион магистра Вителия?!

Громовым хохотом ответили трибуны. Даже среди «голубых» приветственно замахали руками. Один из пяти военных магистров империи, престарелый дукс Вителий, командовал пограничными легионами на Евфрате, в провинциях диоцеза «Восток». Когда комиссия префекта приехала проверять, как идет переформирование армии после неудачной войны с персами, то не обнаружила целого легиона. Между тем на несуществующий девятый

легион аккуратно выписывались питание, обмундирование и даже ртуть для чистки ромейских орлов. Влиятельные венеты из древних римских родов всячески прикрывали Вителия, и кесарь не спешил с отстранением его от дел. «Зеленые» сильны были в диоцезе «Восток», и ему надо было иметь там «голубого» стратига...

Словно не слыша подоплеки в каждом вопросе, серьезно отвечал кесарь. Кучка тихих евнухов сидела за ним. Авраам вспомнил известное высказывание одного из них — государственного старца Урвикия. Когда патриарх обратил его внимание на то, что сатана просыпается в людях на ипподроме, великий евнух сказал: «Вот и хорошо: крепче спать будут потом!» Как на земную реальность, без варварской претенциозности и мистики, смотрели они на людские страсти. Выход давали им здесь, и не копились эти страсти в душах до безумной грани...

Их мало интересовали уже древние герои. Ловкий Язон с хитроумным Одиссеем явно брали верх над первобытным Гераклом. Равновесие правило империей. Теплое синее море плескалось у здешних берегов, солнце не жгло так немилосердно. И не было столько голодных...

— Может быть, погреться захотел твой эпарх Ксантий?!..

Трибуны примокли. Это была откровенная угроза, хоть и относилась к управителю города. На главной улице Месе, идущей от Золотых Ворот, видел Авраам почерневшие остовы домов. Даже многочисленные монументы и стены императорского дворца на Августеоне опалены были пожаром. Не так давно возмущенные демы после представления на ипподроме начали подряд поджигать дома сенаторов, а кесаря забросали камнями...

— Полисионерам претория, магистрам и милиции указано на возможность новых выступлений демагогов...

Опять долго шумели трибуны, угрожающе вскидывались кулаки и выкрикивались проклятия кесарю, пока разноцветные трубачи не затрубили в сверкающие трубы-фанфары. Ромейские актеры-мимы нестройной толпой шли из ворот, и овацией встретил их ипподром.

А мимы уже перестроились на ходу, трое отделились от остальных, запрыгали впереди. Один из них приставил к лицу огромную, больше себя самого, маску и степенно, размеренно зашагал взад и вперед по театральным подмосткам. Ахнули трибуны: это он ходил по

арене — Анастасий Дикор, уравновешенный, дебелый выбранный императрицей в мужья из простых чиновников-силенциариев. Со дня воцарения не оставляли его в покое мимы, и неоднократно изгонял он их за наглость из стен города...

А двое других пока что вывернули плащи. Один из них оказался голубым, другой — зеленым. Маски нацепили они и стали с двух сторон по-собачьи хватать Анастасия за полы. Но тот продолжал спокойно выхаживать, ловко и незаметно лягая голубого и зеленого демархов. Авраам качался от хохота вместе со всем импподромом. Размеренно аплодировал кесарь в своей ложе, гулко били в ладони подлинные демархи...

Потом набежала целая толпа мимов. Маски и одежды изображали все диоцезы империи, и каждый оттеснял другого, чего-то требуя от кесаря. Копт из Египта вкупе с армянским нахараром совали ему свои кресты в утверждение божьей природы Спасителя, их отталкивал несторианин из Эдессы; грубый иллириец тащил императора в сторону старого Рима, показывая при этом пальцем на скалившего зубы готского конунга; тощий самаритянин, взявшись за руки с иудеем, выбирали камень покрупнее, чтобы толкнуть его на Новый Рим. И еще громадный, нелепый, красноротый зверь все рычал из-за Евфрата: зубы у него торчали из головы, хвост был покрыт шипами, длинные крючья заменяли руки и ноги, а на туловище была натянута черная персидская куртка-каба...

Закончилось представление мимов, и служители стали составлять из железных звеньев большую круглую клетку. Рыканье усилилось во рву. Убийц, пиратов и рабов-поджигателей должны были скармливать здесь зверям. Лишь желающие из плебеев оставались смотреть это зрелище...

И вдруг встали в одном порыве трибуны: голубые и зеленые. Тысячерукий гром покатился к кесаревой ложе:

— Привет тебе, Анастасий, наш вечный август и автократор!

Кесарь, большой, дородный, с невыразительным лицом, плыл на носилках сквозь толпу, направо и налево вздевая руку. Каждый из пятидесяти тысяч обращался к нему.

— Вечно живи, мой кесарь, великий, несравненный!..

Это выкрикнул сосед — черноволосый крепкий эллин в полотняной тоге, и Авраам в изумлении открыл рот. Лишь накануне тот, когда демархи спрашивали о магистре Вителии, при общем смехе пожелал кесарю Анастасию подавиться костью в сегодняшний ужин. Может быть, и впрямь изнемог сатана на переполненном страстями зрелище. А те, в ком не успокоился враг рода человеческого, терпеливо ждали, пока служители обнесут решеткой арену...

Патриций Леонид Апион нахмурился, когда Авраам рассказал обо всем, что было на ипподроме.

— Безмерные нападки демагогов принуждают кесаря утяжелять десницу, — сказал он. — Пока еще терпимо, но если наденет порфиру другой, властный и менее рассудительный, произойдет недоброе.

— Возможно такое? — спросил Авраам.

Патриций пожал плечами:

— Политическое здравомыслие неминуемо потребует положить более тяжелую гирю на другую чашу весов. Как бы, перетянув, не придавила она разум!..

Ничего больше не сказал Леонид Апион, потому что не было у него времени заниматься разговорами. Внизу, у пристани, стояли пятнадцать плоскодонных кораблей, которые должны были через день уплыть с товарами через Черное море и дальше по Борисфену до древнего Кеева-города. Испокон веков вели там ромеи обмен с северными язычниками...

Весы и гири!.. Все они здесь, особенно прасины, приводили примеры из торгового обихода. Даже кесарь в своих указах пользовался экономическими терминами. И лишь опухшие люмпен-пролетарии, отирающиеся у бесчисленных винных лавок, по-римски выпячивали груди и клялись Гераклом...

Последний вечер в доме Леонида Апиона испортили ему здешние знакомые Агафон и Евстропий Руфин, поэт...

В префектуре претория служил гладкий, кругленький, с золотыми кудряшками вкруг лысой головы Агафон Татий. Хитроумнейшим инженером был он и ведал всеми императорскими стройками города. Уже долгое время

носился он с идеей возведения в Новом Риме небывалого храма господня, в котором воплотилась бы древняя угодная богу мысль о единстве Востока и Запада. Наставнице мудрости — святой Софии — будет посвящен этот храм, и толпы молящихся со всех концов земли вместит в свои стены. Лучшие мастера в мире распишут его святыми сюжетами. И, взглянув на храм, осмыслят дикие князья и конунги величие церкви Христовой...

Выше ростом становился Агафон, когда рассказывал о своем замысле, и глаза у него горели. В префектуре ценили его, и Консисторий в скором времени должен был рассмотреть проект храма. Сам кесарь дважды выслушивал Агафона Татия...

В первое же свидание в доме Леонида Апиона, после увлекательного рассказа о храме и других задуманных им строениях, маленький Агафон таинственно поманил пальцем Авраама в другую комнату.

— У нас уже все готово! — прошептал он.

Оказывается, Агафон и его друг Евстропий возглавляли здешних истинно верующих в правду Маздака. Всеобщее владение имуществом и женщинами проповедовали они. Больше полусотни людей уже было у них, и Агафон подумывал о том, чтобы откупить для начала секцию на ипподроме. Красные ленты будут у их квадриги...

На следующее утро он заехал за Авраамом в парных носилках. Быстро, весело бежали рабы по самой кромке берега, и вскоре оказались они в маленькой светлой вилле с мраморными беседками. Увлекшись, Агафон показал ему множество тонких изящных вещиц, собранных им по разным провинциям. Со вкусом были расставлены они на специальных подставках...

В последней комнате глухими щитами были забраны окна. Повозившись во тьме, Агафон сам, без помощи раба, высек огонь, зажег факел. В черную кожаную куртку-кабу успел он одеться, и персидский крюк для утаскивания мертвых был в его руке. Такие же перекрещенные крючья висели по всем четырем стенам...

— Всех мы перетаскаем, начиная с кесаря! — сказал он глухим, страшным голосом, и почудилось, что зазвенели золотые колечки волос вкруг его лысой головы. Авраам молча смотрел на него...

Поэт Евстропий Руфин в последний вечер читал поэму о несравненной Феодоре, уподобляя ее по признанному

порядку всем эллинским богиням, начиная с Афродиты. Их было так много, что можно было понять его маленькую содержанку, дочь конюха прасинов при ипподроме. Десятилетняя красавица Феодора убегала в солдатские казармы, когда заставлял ее Евстропий слушать свои стихи...

Снова они делали друг другу тайные знаки, подмигивали, отводили Авраама в сторону. С Барсуком уже про что-то говорили они на гостином дворе. Агафон Татий сказал, что это настоящий борец за правду, не боящийся крови, и такими людьми надо гордиться...

В последний раз прошел Авраам от кесаревой площади — Августеона по Месе, постоял там, где раздваивается она. Тысячи людей во всевозможных одеждах двигались в разные стороны, заходили в бесчисленные лавки, сидели прямо вдоль тротуаров, спорили, громко смеялись.

Четырех-, пяти- и даже девятиэтажные каменные дома стояли по обе стороны улицы. Тяжелые медные кольца свешивались из львиных пастей в высоких дубовых парадных. Солнце без помех светило в забранные сверкающим александрийским стеклом окна...

А он уже был не здесь. Глухие настороженные стены с узкими щелями, покинутые людьми селения, кровь на площадях ждали его. Совы ухали по ночам. Историю Эраншахра писал Авраам — сын перса Вахромея...

X

Как только переплыли на пароме Босфор, в ромейской провинции Вифинии встретились с Эраншахром. Цыганские телеги-фуры с плетеными крышами стояли у самого берега. Изгоняли до́мов из Эраншахра, и брели они по всем ромейским дорогам, вызывая неприязнь своим жалким видом. Не допускали их в Константинополь и другие города империи. Они составляли здесь плоты, привязывали к ним телеги и плыли через Мраморное море в провинцию Европу, растекаясь оттуда по Фракии, Македонии, Иллирийскому побережью. Разговоры шли среди

них, что куда больше повезло тем, кто пошел через пустыню в Египет или ушел в Туран...

А через две недели стали попадаться беженцы — инородцы: ромеи, арамеи, сирийцы, иудеи. Да и персов было немало, побросавших свои дома в страхе перед людьми пайгансалара с крючьями. Прилетевшая из лесу стрела воткнулась как-то в акацию рядом с Барсуком, и он на время снял свою черную куртку...

Кучка конных иудеев, не отставая, ехала в хвосте посольского каравана. Еще в Константинополе через Леонида Апиона вели они какие-то переговоры с самим Барсуком. Лишь случайно узнал Авраам, что о «ростке древа Давидова» шла между ними речь. Оказалось, выкупить хотят они Аббу, если жив он до сих пор в каризе, куда бросили его в ночь смерти Розбеха. Деньги, собранные с разных сторон мира, сулили за него.

Четыре длиннобородых старика в черных ермолках ехали среди них. На каждом привале молодые иудеи садились вокруг, не снимая кольчуг, с длинными кинжалами в руках, а старцы раскрывали большую книгу с медными застежками и начинали дико спорить, плюясь и проклиная друг друга до двенадцатого колена. Авраам понимал все: об одном лишь слове шли пререкания. В ушах у него стоял грустный голос маленького Аббы: «Ты не знаешь, что такое наши евреи... О, эта тупая вера в книгу!» В Даре, на самой границе, остались иудеи в ожидании ответа...

Тысячи повозок с камнем двигались по древней Кеевой дороге со стороны Эдессы. Новую большую крепость сооружали ромеи напротив Нисибина...

В Нисибине уже тоже ночами слышалось шуршание и раздавались вопли людей. По Тигру плыли черные тайяры. Стоны и плач доносились из красноватой воды...

От заброшенной кузни при дороге завернул Авраам на полдня в знакомый дех. Старший сын заменил на царской службе сотника Исфандиара, и жил он дома. Дети возились у хауза, и мальчик лет двенадцати с черным клоком волос «на счастье» совсем похож был на Фархад-гусана...

Сотник Исфандиар увидел, как смотрит Авраам на мальчика, и вздохнул. В обычном бою не задумываясь

положил бы он жизнь за друга и родственника. Но именем предержащей власти уволокли тогда Фархад-гусана, и не положено было за него вступаться. Бессильна перед властью арийская казарменная отвага...

Все же заняли в конце концов местные дехканы пустующую землю за рекой, ничего не выделив односельчанам из людей-вастриошан. Новый раб появился в семье сотника, помимо Ламбака. И еще пара приземистых мидийских быков с громадными желтыми рогами.

Вдвое больше стало поле Исфандиара. Черные, сверкающие под солнцем комья выворачивала двуручная соха, за которой шел теперь раб из соседей-земледельцев, продавшийся на пять лет в семью сотника. А перед глазами Авраама все вспыхивали равномерно поднимавшиеся и опускавшиеся мечи азатов, когда не пускали они к переправе красных деристденанов. С голой, пугающей ясностью понял вдруг он, какая страшная сила истории таится в этом увеличенном поле, новом рабе и паре быков...

Добрые арийские глаза сотника Исфандиара прямо смотрели на него. Только теперь Авраам увидел, что тот постарел. К груди Исфандиара прижался головой Авраам, и далекое отцовское тепло вспомнилось ему...

В виду Ктесифона догнал Авраам посольский караван, и Барсук недобро скосил глаза в его сторону. Черные птицы с грязными клювами реяли прямо над городом...

В день возвращения поволокли крючьями возглавлявшего посольство шахрадара, а Барсука сделали великим эрандиперпатом. Возле самого эранспахбеда и артештарансалара Сиявуша сел он в Царском Совете. И сзади Сиявуша сидел уже безымянный черный человек...

Прямо из Царского Совета утащили шахрадара. Раздвинулась завеса в нише за спиной, и крючья подхватили его под горло. В один миг это произошло, как в арийской притче. Пустая синяя подушка еще хранила вмятину от его тела...

Не до Авраама было главе царских писцов Фаруду. Какого-то черного диперана прислали от пайгансалара, и тот не спускал с Фаруда ожидающих глаз. Уходя, посмотрел в зал Авраам. Все головы были повернуты к

Тахамтану. Не глядя, делали говорившие знак в сторону царя царей. Прямо сидел Светлолицый Кавад, и руки его симметрично лежали на поручнях трона...

Врач Бурзой все оглядывался. Он повел Авраама далеко в сад, где журчала вода, и начал читать... «Появились люди, не украшенные достоинством таланта и дела, без наследственного занятия, без заботы о благородстве и происхождении, без профессии и искусства, свободные от всяких мыслей и не занятые никакой профессией, готовые к клевете и ложному свидетельствованию и измышлению; и от этого добывали средства к жизни, достигали совершенства положения и находили богатство...»

Древнюю арийскую хитрость применил врач Бурзой. От лица некоего мобеда Тансара было написано поучительное письмо к владыке Табаристана. Три века назад якобы жил праведный мобед, но слишком хорошо был осведомлен о сегодняшних делах в Эраншахре...

В тот же день, выйдя пешком за городские ворота, направился Авраам к дасткарту. На полпути остановил его подросток с козой:

— Ты зачем туда идешь, ученый диперан?!

Авраам вспомнил рассказы про дасткарт Спендиатов. Сам Тахамтан со своими людьми наезжает туда. Все дороги охраняются служителями пайгансалара. И убивают сразу того, кого находят на полфарсанга в окружности. Без следа пропадают случайно оказавшиеся там люди...

— Железные когти у них и красный огонь изо рта!..— объяснял подросток, прижимая козу к ногам.

Авраам поднялся на холмик, пытаясь разглядеть что-нибудь за далекими деревьями. Кусты шевельнулись впереди. А может быть, показалось это ему...

А ночью, в доме врача Бурзоя, от тихого шуршания проснулся он, и сразу стук раздался во тьме. Всадники ждали его во дворе. Оглянувшись на белое лицо Бурзоя, влез в седло Авраам...

Нет, не от пайгансалара это были люди. Он впервые перешагнул порог царского дасткарта. Долгими коридорами вели его, потом приподняли завесу и слегка толкнули в спину. Светлолицый сидел на высоких подушках, и у ноги его был лишь царевич Хосрой...

— Ты вернулся, христианин Авраам...

Тихо, почти неслышно сказал это царь царей и в задумчивости опустил голову. Таким чеканили его на драхмах: с серебряными локонами у висков. И глаза у него стали медленные, монетные.

Как маленькая птица Симург, сидел, вцепившись руками в скамеечку, пятилетний Хосрой. Знали все, что отец отправляет его в дикий Мазандеран, к Испахпатам. Царевич Кавус в черной куртке сидел в зале Царского Совета при Тахамтане. Не от царя царей зависел уже выбор наследника...

Светлолицый сделал знак рукой:

— Ты уедешь в Мерв, ровесник Авраам... Навсегда!

XI

Он поехал в последний раз через Ктесифон. Знакомые звуки заставили дрогнуть сердце. Авраам придержал коня...

Распаренные, усталые слоны жевали кровавую джугару. Прямо в тазы уже лили вино, и маленькие глазки их слезливо и бессмысленно смотрели в землю. Тюремные рабы деловито оттирали вениками каменное дно хауза. Очередные пять деристденанов в выгоревших красных одеждах-кабах, связанные одной веревкой, ждали своей очереди.

— О Маздак, о-о! ..

Время от времени кто-то из них поднимал к солнцу голову, и призывный стон исходил из сухих потрескавшихся губ. Прислужники закончили очистку хауза, а люди пайгансалара в черных куртках принялись хлопать бичами, поднимая с земли деристденанов. Дрожащей красной струйкой потекли они вниз по скату... Они не смотрели в его сторону, но по длинным рукам, привыкшим мять чистую глину, узнал их Авраам. И тут же вспомнился ему теплый голубой залив и сытенькие, лысенькие ромейские маздакиты...

Покорно улеглись на дно хауза гончар и его братья. Но когда, оттирая друг друга громадными тушами, ринулись слоны в хауз, одинокий слабый голос послышался оттуда. К нему присоединился другой, потом третий, и вдруг песня взметнулась в небо над Ктесифоном...

Это были звуки, которые услышал Авраам сквозь трубный рык. Тупые животные, сопя и хрюкая, возились в каменной яме, и «Песня Красного Слона» рвалась оттуда в будущий мир...

XII

Не мог оставить он Эраншахра, не заехав сюда. Грохотали камни в ночи ущелья, и неслышные скорбные тени стояли в проломе скалы. Там, где жил когда-то старый цыган, поселились женщины-христианки. Раз в неделю приезжал человек из общины и оставлял им хлеб перед входом в пещеру. Из диких камней и деревьев построили молельню, и ночью виден был там желтый колеблющийся свет. Персы в округе молча покачивали головами, но сами привозили к большому камню у пещеры хворост для топлива и крученые хузанские тыквы...

Авраам дрогнул, увидев неясное очертание в дверях часовни. Оно тут же растворилось в желтом свете, но сердце его не могло успокоиться. И каждый день начал приходить он сюда. Белые дивы кричали во тьме, и каменная стена поднималась к небу. Там, за недвижными хлопьями облаков, висел мостик...

Долго сидел в тот день он на камне. Из низеньких дверей молельни вышла большая старая женщина, посмотрела на него грустным недобрым взглядом. Взяв с камня железный пестик, она принялась мерно бить в подвешенный к дереву старый бронзовый щит. Звуки получались глухие и слабые, от них хотелось закрыть лицо руками.

Немые темные фигуры показывались в дверях, шли назад к пещере. Одна задержалась, сдвинула покрывало...

На горячем солнце все сидел он, и кружилась голова, как в соленой пустыне. Авраам встал, нетвердым шагом подошел ко входу в молельню. Глаза его привыкли постепенно к желтому мерцанию лампады. Земляной пол был подметен и присыпан травой, выпирали из стен обмазанные глиной дикие камни. Но лишь потом разглядел он все это...

Напротив входа жесткими однотонными красками был нарисован человек на кресте. Тело его не имело мышц и

реальных выпуклостей, из пробитых гвоздями ладоней потоками лилась грубая охра. Но сухой хруст вдруг послышался Аврааму, слоновье хрюканье и стоны из-под воды...

Он понял, зачем стояли здесь на коленях женщины. Нет, не жаловаться ушли они сюда от мира. Им, распятым жизнью, необходимо было плакать над чьими-то ранами. Выше всех других сил оказалась сила сострадания. Это был гимн духу человеческому. И нужна была именно грубая охра...

Этого не могло быть, но день за днем приходил он и садился на камень. И однажды подошла к нему Белая Фарангис...

Лицо ее было открыто, и прекрасные зелено-золотые глаза смотрели спокойно и отрешенно. Холодный саксаганский серпик под подушкой был в чьей-то другой жизни. Авраам уже слышал, что какой-то христианин подобрал в ущелье застрявшую в ветках женщину...

Они долго стояли, и солнце красило камни вокруг. Лилась где-то вода, с шуршанием перелетали над травой кузнечики...

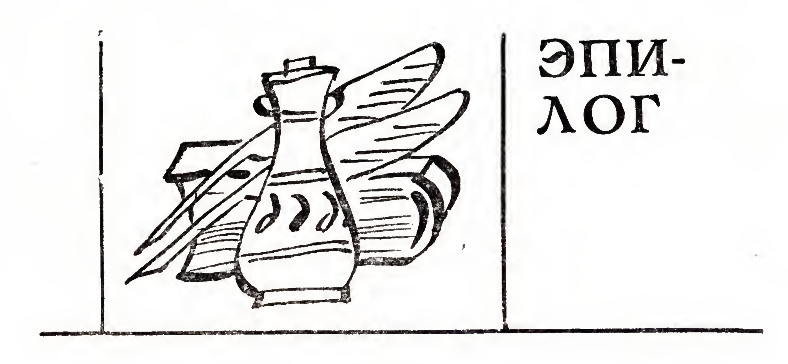
Это было каждый день: теплые камни, звук воды и летящие к ногам кузнечики. Однажды она тихо сказала:

— Я слишком долго падала, Авраам...

Он не знал, что произошло с ним: слезы брызнули из глаз, бурно сотрясалось все тело. Почему он плакал?.. И о чем?.. Он никогда еще так не плакал...

И тогда сквозь теплую радугу Авраам увидел ее широко раскрытые материнские глаза. И понял, что к тому, на кресте, обращены они...

И дальше поехал Авраам.

ЭПИЛОГ

I

Да, снова он увидел пламенеющий Ктесифон... Белые башни, пальмовые острова и брусок красного железа на приподнятой наковальне. Чего-то не хватало. Мар Авраам оглянулся: призрачной стеной по горизонту стояли холодные горы. Тогда он закрыл глаза. И вдруг горький забытый запах почувствовали его ноздри. Факельные реки потекли со всех сторон света, дымное солнце летело над Ктесифоном...

Он открыл глаза, и сразу пропал запах дыма и крови. Чистое утро было в мире. Обычная заря красила зелень деревьев, многократно отражаясь в зеркальной стене дворца. Это было красиво...

Сопровождающие его молодые азаты, почти мальчики, почтительно остановились сзади. Авраам дышал воздухом юности. Двадцать лет его не было здесь...

Как прошла жизнь?.. Люди воевали, строили, разрушали, пахали землю и ковали железо. А что сделал он? Собрал книгу царей и воителей Эраншахра, которая умещается на одного осла...

Почему через двадцать лет бог и царь царей Кавад прислал в Мерв конный отряд за ним, мар Авраамом — сыном Вахромея?.. Какую главу предстоит ему дописать в бесконечной истории Эраншахра?..

II

Теми же коридорами провели мар Авраама. На тех же подушках сидел царь царей, и совсем как на монетах стало его лицо.

— Ты приехал, ровесник Авраам...

И он понял, зачем позвал его Светлолицый... Да, царь царей и бог Кавад сам решил дописать главу, которую начал в юности. И всех оставшихся в живых звал в свидетельство...

Помост сколачивали на уложенной черным гранитом площади перед дворцом. В годовщину «Красной Ночи» великий диспут произойдет здесь на виду у мира. Уже ждали за воротами города истинно верящие в правду. Пять лет назад, после того как потащили крючьями эранспахбеда и артештарансалара Сиявуша, уехали они с наследником Кавусом в Шизу. На месте сгоревшего храма Огня возвели они там великий «Дворец Правды». Рассказывали, что несколько раз менялся уже среди них Маздак. А теперь они возвращались в Ктесифон, где возгорелось когда-то великое пламя...

Время было у мар Авраама, и дотемна ездил он на своей спокойной кобыле, подаренной туранскими внуками. Обычная жизнь шла в Ктесифоне. Врач Бурзой массировал больного, как будто не было этих двадцати лет. На торговом подворье еще громоздились развалины, но главный склад был уже свободен от мусора. Ровный и молчаливый Авель бар-Хенанишо с деревянным крестом на груди проверял сбрую, зубы и копыта мулов из уходящего завтра каравана. Лишь волосы его посерели и еще больше выгорели глаза от ветра и солнца пустыни. Большой иудей со знакомой бородой вкруг лица занимался какими-то подсчетами. Он, новый высокий иудейский экзиларх Вениамин Мар-Зутра, повел мар Авраама в свой дом...

В трапезной экзиларха увидел мар Авраам старичка с белой бородой до самого пола. Это был знаменитый мудрец со Святой горы, навестивший здешнюю общину. В углу комнаты он сидел и держал дрожащими руками большую книгу с медными застежками. Безмерно печальны были черные остановившиеся глаза маленького Аббы...

И старую, расплывшуюся, не могущую ходить женщину слушал Авраам. Насекомые ползали по грязным волосам, а она размазывала слезы по круглому лицу и все жаловалась на неблагодарность мужчин. В доме у старого раба при дасткарте Спендиатов жила Мушкданэ...

А на базаре стоял вечный человеческий шум: кричали продавцы воды, цыгане звякали бубнами, просили подаяние голодные и тяжелыми молотами били железо кузнецы в черных прожженных фартуках.

III

В извечную солдатскую игру играли молодые азаты. Один отворачивался, пригнувшись и закрыв ладонью лицо. Его хлопали по другой ладони, а он угадывал кто. Если неправильно, все дружно приподнимали его и ударяли с размаха задницей о дувал. Совсем дети это были...

Но когда сотник коротко свистнул, они вмиг выровнялись в линию. Одного роста и стати подобрали их, и расширяющиеся к концу арийские мечи казались маленькими у них в руках. Ноги их были длинные и крепкие, а у локтей вздувались четкие тугие бугры. Остроту оружия проверял у них сотник, прикасаясь всякий раз большим пальцем к синему железу...

И во всех садах, рощах и переулках вокруг дворцовой площади проверяли сотники остроту мечей. Звон и шевеление слышались в предрассветной холодной мгле. Мар Авраам пустил рысью лошадь к ведущим из Атурпаткана воротам...

Их было сотни полторы. Начинало лишь светать, а они уже хлопотали, готовясь к въезду в Ктесифон. Мар Авраам остановился в стороне, и они поглядывали на него, не прекращая суеты...

Потертого худого слона накрывали красным ковром, и он покорно стоял, отгоняя хоботом слепней от язвы за ухом. Потом установили на нем крашенную бронзой площадку и подтолкнули вверх человека, закутанного в красное полотно. К нему еще лазили несколько раз, поправляли факел в его руке и одергивали складки покрывала.

— Ничего... Миллионы людей с факелами спустятся с гор, когда войдем в Ктесифон!..

Это ободряюще крикнул Фаршедвард, выстраивающий их по пятеро в ряд. Бугристое постаревшее лицо младшего Карена было густо белено пудрой. Седой карлик Гушбастар — «Слушающий ночные сны» ни на шаг не отходил от него, и вздрагивал всякий раз огромный безгубый рот. Все они были здесь: приземистый, загребающий ногами-крючьями Барсук, простоватый вождь из Истахра, важный и значительный Лев-Разумник. Наследник царя царей Кавус с теряющимся подбородком все тыкался, как слепой, выбирая себе место, пока не поставил его Фаршедвард сразу за слоном...

И ни на ком, даже на бывшем пайгансаларе Гушбастаре, не было черных курток. Давно забытые красные кабы с карманами для зажигательных стрел надели все. Эти куртки не налезали на раздавшиеся за двадцать лет тела и шеи, и пришлось вшивать куски новой кожи. Красные вставки выделялись при ярком солнце на старых выцветших одеждах...

Все почему-то не двигались они и, чтобы подбодрить себя, разговаривали громкими голосами, по-молодому подталкивали друг друга под локти, смеялись, перебегали из ряда в ряд. А потом громко запели «Песню Красного Слона», и невыносимо было слушать их...

С этой песней Кабруй-хайяма пошли они к воротам Ктесифона. На Авраама продолжали все смотреть, словно приглашая запеть вместе с ними. Но в воротах сразу тише стали они. Фаршедвард подхватил своим сильным, звучным голосом припев о юном вожатом-копьеносце, но совсем умолкли они на улицах города. Лишь время от времени дул кто-то в большой карнай, который несли на плечах...

Так и двигались они через город неровными рядами. Потоки едущих на базар людей перегораживали им дорогу, и приходилось задерживаться, поджидать отставших. Жители стояли на перекрестках, глазея на слона и человека с факелом наверху. Дети по бокам весело взбивали пыль босыми ногами, собаки лаяли из-за дувалов...

Авраам закрыл глаза и увидел белые скалы Мазандерана. Там, еще выше горных гнезд Испахпатов, пробиты в граните жилища, и узкая тропа в мир завалена

чудовищными глыбами. По дороге в Ктесифон из Мерва рассказали ему, что туда, за вечные тучи, ушли оставшиеся в живых красные деристденаны. Местные жители говорили, что землю из долин принесли они с собой и выращивают на ней хлеб для себя. И еще говорили, что живут эти люди по высокой правде и равенство между ними. К ним уже убегают из долин от притеснений великих, а когда пробьет час, они зажгут факелы и спустятся из-за туч...

К самому завалу в горах подъехал там Авраам и долго смотрел вверх, пока не показалось ему, что он видит этих людей за тучами — с длинными руками, привыкшими мять тяжелую глину, ковать сошники, ткать ковры, сучить шелк. В солнечных красных кабах были они, и он узнал среди них гончара и его братьев...

Он открыл глаза и снова увидел Фаршедварда, карлика Гушбастара, плоскостопого Барсука, Льва-Разумника. Нет, к этим не спустятся уже из-за туч люди с факелами...

Мар Авраам поскакал к площади. Там уже ждали их. Помост был накрыт коврами, и три человека стояли на нем: в середине новый мобедан мобед с бритым сухощавым лицом, по правую руку от него — епископ христиан Востока, а по левую руку — главный раввин Ктесифона и Междуречья. Сзади помоста толпились люди, и были среди них врач Бурзой и маленький иудейский старец со Святой горы. В полутьме арки багровела царская завеса, желтые львы сидели по краям, и недвижные бронзовые тени застыли вдоль ковровой дороги...

Они медленно вошли на площадь: слон с человеком под красным покрывалом и неровные ряды истинно охраняющих правду. Кони были отобраны у них на подходе, но шли они по старшинству, каждый в своем ряду. И остановились, тоже не смешиваясь, перед царской завесой.

Долго стояли они так, пока Фаршедвард не подсказал что-то тому, который был на слоне. Человек под покрывалом зашевелился, переступил ногами и потянул факел к завесе.

— О-о!.. — тихонько запели в рядах. — О-о!..

И тогда заревели царские трубы: страшно, утвер-

ждающе. К холмам укатился их беспощадный рык, и тысячу раз усиленный голос спросил:

— ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ?..

Поддерживая одной рукой факел, человек на слоне поспешно отвел покрывало со своего лица. Круглый нос с двумя дырочками задвигался, закрутился на плоском безбровом лице. Мардан это был, бывший надсмотрщик над рабами в досткарте у Спендиатов...

— «Четыре», — выкрикнул он. — «Семь» и «Двенадцать»!..

— О-о-о-о-о-о-о!.. — тонко выделился, закатился кто-то из задних рядов. Двое или трое начали бить себя кулаками по голове.

Светлолицый воитель в куртке и мягких гуннских сапогах вышел под арку. Резкий изгиб бровей повторял линию подбородка, и что-то еще от птицы Симург было в его лице. Быстрые глаза обежали площадь, правую руку поднял Хосрой, сын царя Кавада...

Шевельнулись кусты и деревья вокруг, синие молнии забегали между ними. Жалобно затрубил вдруг слон, по-собачьи затряс спиной. Сбросив Мардана, он тяжело вздыбился и побежал, волоча за собой красный ковер. Его выпустили из синего прямоугольника.

Тихо было на площади. Ровные безмолвные линии сходились с четырех сторон. С любопытством смотрели азаты на теснящихся посредине площади людей. Мечи азаты держали перед собой в боевой позиции, на уровне глаз, по «Аин-намаку»...

IV

Мар Авраам поднял глаза к синему небу над Ктесифоном. Дым истории увидел он там. И плыл над миром человек на красном слоне с факелом в руках. Ясные серые глаза и непомерно высокий лоб были у него...

— О Маздак, о-о!..

1967—1970

ЕМШАН

ИСКУШЕНИЕ ФРАГИ

ХАДЖ ХАЙЯМА

ПОВЕСТИ

Олжасу

Степной травы пучок сухой...
А. Майков

Султан Бейбарс остановился и сжал кулаки. Слово опять шевельнулось в горле. Он чуть не крикнул его, и горький вкус остался на губах.

Оно всегда было с ним, это слово. Не слово, а чей-то неясный плач. Словом оно стало сегодня утром, когда он открыл глаза и у него вот так же сдавило горло. Откуда оно?..

Бейбарс впервые чего-то не понимал. Он тронул рукой грудь, там, где сердце, оглянулся по сторонам. Осторожно, не до конца разжал он пальцы и неслышным шагом пошел по садовой дорожке. Дверь в Розовый Дом была открыта. Девочку помыли, но ничем не натерли. Бейбарс не любил никаких запахов.

Она лежала на широкой красной тахте, там, где ей приказали. В открытых глазах был обычный испуг. Свет падал из высоких окон в потолке, и узкие ромбы его пламенели на бархате тахты. Один из этих ромбов выхватывал половинку ее недоспелой груди и наискось ударял туда, где только начиналась белая, уже не детская нога. Из-за этой ноги ромб света был шире других. Девочка спрятала бы свое тело в темноту тахты, но ей сказали, чтобы она лежала так...

Он увидел ее вчера, когда пришел в дом бея Турфана. Пройдя к фонтану, где купались дочери бея, он показал на одну пальцем. У Турфана тряслись руки. Этими тяжелыми, в буграх, руками поломал он когда-то саблю, схватил большой камень и рванулся на политую скользким маслом стену Мансуры, разбивая головы беловолосых франков!.. Таких надо все время больно бить. По носу, по глазам, как львов. Львы быстрее всех становятся собаками и лижут палку, ноги, жрут навоз под ногами повелителя. Турфана он давно не трогал. Тем больнее нужно было ударить...

Бейбарс почему-то долго смотрел в ее лицо. Неужели из-за этого странного слова, что пришло утром?.. Он разделся, положил на нее руку. Как у всех девочек, грудь ее была маленькой и твердой. И холодной. Наверно, от ожидания. Они всегда долго ждали так, готовые к его приходу...

Девочка дрожала под рукой. Ноги у нее были хорошие: крупные и гладкие. И тоже холодные. Потом она громко вскрикнула от боли. Все было, как всегда...

Одеваясь, Бейбарс задержался, посмотрел вдруг на свое тело. Оно было сильным и нежирным, хоть ему больше пятидесяти. На сколько больше, он не знал...

Девочка теперь ждала, не зная, что ей надо делать дальше. Они встретились глазами. Такого еще не было у Бейбарса. Он вышел в сад... Куке!.. Что значит это слово?

Долго смотрел он на посыпанную речным камнем дорожку в саду. Дорожка была такой, как всегда, иначе бы он сразу обратил на нее внимание. Но сейчас он увидел, что среди круглых серых камушков есть красные, а один — синий. Они здесь лежали всегда.

Дорожка упиралась в стену. Серые гладкие камни были одинаковыми. Было тихо, потому что он запретил подходить к стене с той стороны. Когда-то там был базар...

Бейбарс обвел взглядом сырую стену. Круглые башни молчали. Ему потребовалась другая тишина, и он уже знал, что это из-за слова. Бейбарс приказал дежурному Эмиру Сорока седлать лошадей. Глухо ухнув, сигнальные трубы придавили к земле искусственную тишину Цитадели...

Выехав, он придержал зачем-то коня, посмотрел на стену с этой стороны. Здесь она была сухой. В пыли валялась стрела. Из бойниц в стене предупреждали тех, кто нарушал запрет... Старый султан Салих сам выезжал когда-то на базар и толкался в толпе. Люди поэтому радовались, когда ему перерезали горло. Собаки боятся орла, пока видят только его тень...

Бейбарс отпустил коня. Сорок Эмиров Пяти давно умчались вперед, перекрывая улицы и проходы. Еще сорок скакали с ним, держа слева — на левых и справа — на правых локтях напряженные луки. Сорок двигались сзади, снимая посты. Отрывисто, предупреждающе ухали сигнальные трубы.

Пустые улицы Эль-Кахиры никогда не вызывали его внимания. Бейбарс не привык смотреть по сторонам. Но сегодня посмотрел. Сырые от нависших крытых балконов переулки уходили в темноту. В глубине их, казалось, стояла черная вода...

Перед мечетью ибн-Тулуна лежали аккуратные горки желтого кирпича. Им обновляли подход, стершийся от ног верующих. От старых кирпичей остались острые, гладкие осколки...

Ветер обжег лицо. Эль-Кахира кончилась. Мощно заревели навстречу большие военные трубы Оплота Веры — старого Фустата. Конь весело заплясал с задних на передние ноги. Но Бейбарс рванул его в сторону, туда, где ломался горячий воздух.

Он осадил коня у самой воды. На подсохшем берегу зеленели влажные следы потревоженных трубами крокодилов. Шамил, Эмир Сорока Эмиров личной охраны, дал знак отстать...

Бейбарс смотрел в грязную речную даль. Отсюда, с низкого берега, Остров был похож на спину медленно плывущей черепахи. Дважды в году Река становилась коричневой и быстро поднималась там до корней семиствольного дерева, не выше. Барат, которого он сделал Начальником Острова, хотел недавно срубить это дерево. Оно мешало постройке учебной стены, такой, как у франков. Мамелюки должны уметь прыгать на нее с лестниц.

Бейбарс запретил рубить дерево. Без дерева это был бы только кусок твердой земли. Мамелюки — люди, им

нужны еда, одежда и родина. Необходимо удовлетворить их потребность в гордости. Просто кусок земли не может быть родиной. Для этого нужно зеленое дерево, чтобы оно им снилось. Бахр — Речные воины, они так и называют себя. И гордятся, что все Эмиры Тысячи — с этого Острова. Бурджи — Башенные воины, те, что в Фустате или Дамиетте, тоже гордятся. Напротив каждой башни есть свое дерево. Пока оно снится им, он может посылать их на какие захочет стены. Они не сомневаются.

Он знал это твердо. На Остров его тоже привезли Ниоткуда. От семиствольного дерева начинается его жизнь. Под этим деревом наковали ему когда-то на левую руку широкий серебряный браслет со знаком султана Меликэс-Салиха Эйюба. Это было правильно. Султанский браслет на руке должен всегда быть связан с деревом, которое снится. Тогда распилить его будет трудно, как это дерево...

Бейбарс приподнял к лицу свою левую руку. Сразу за запястьем был твердый коричневый бугор. Выше его не росли волосы. Много лет назад распилил он свой браслет. Речные и Башенные мамелюки носят теперь браслет со знаком Абуль-Футуха — Отца Победы, султана Бейбарса Эль-Мелик-эд-Дагера. Но он носил браслет и знает его силу. Этот браслет был вчера у Турфана, когда он отнял у него дочь.

И те, что лишены права носить браслет, пусть чувствуют себя недостойными... Бейбарс вспомнил черную болотную воду в переулках Эль-Кахиры. Их много миллионов, одинаковых людей в этой стране Миср [1], куда привезли его Ниоткуда. А Речных было две тысячи, и они надели стране Миср его браслет. Это можно было сделать здесь, где столько пирамид и старых каменных львов с человеческими лицами. Когда он увидел первую пирамиду, то сразу понял того, кто ее строил...

Конь дернул головой, попятился. В мутной воде показалось серое костяное бревно с глазами. Оно медленно приближалось к отмели. До половины приоткрылась бледная страшная пасть... Люди страны Миср чтят этих зубастых. Те, что строили пирамиды, были мудры. Мерт-

---

[1] Миср — средневековый Египет.

вые, они не позволяют живым распилить браслеты. В таких странах нужно только менять клеймо. Он сразу приказал мамелюкам не трогать священных крокодилов...

Отсюда казалось, что дерево растет из воды. Но он знал, что это не так. К дереву спускалась широкая утоптанная дорога с мягкой травой по обе стороны. Раз в четырнадцать дней им привозили в лодках женщин; по одной на пятерых. Каждый раз других, чтобы они не привыкали. Это было правильно — удовлетворять потребность в женщинах. Иначе мужчины будут портить друг друга, а это позволительно сборщикам налога или правителям канцелярий. Воины от этого слабеют. Им нужны женщины.

Он оставил все, как было тогда, при султане Салихе. Раз в четырнадцать дней мамелюкам привозят на Остров женщин: по одной на пятерых. И разных, чтобы они не научились жалеть. Старый султан понимал жизнь. Но к старости он размяк и начал выезжать на базар, к людям. Людям страны Миср...

Что делает сейчас Барат там, на Острове?.. В это время мамелюков выстраивают ровными рядами, по сорок в ряд. Они замирают по команде с вынутыми из ножен клинками и поставленными перед собой луками. Греет солнце, и пахнет кожаными ремнями. Начальник Острова обходит ряды, проверяя оружие. Потом Барат идет в конюшни. У каждых сорока — своя конюшня, и Эмиры Сорока в синих сапогах боятся, что лошади испачкают пол как раз к приходу начальства. Барат идет медленно, не поворачивая головы, но острые глаза его все видят: ослабевший пояс на животе мамелюка, плохо отточенный клинок, пыльную лошадь. А вечером Барат сядет в большую лодку с черными гребцами и приплывет к нему, в Эль-Кахиру. И они будут пить вино, которое делают в Александрии из красного винограда спокойные, рассудительные греки...

Их, первых Речных, сначала было немного. Они собирались на берегу и жадно рассматривали приближающиеся лодки. Это было хорошее время!.. Куке... Нет, там, на Острове, он не слышал этого жалобного слова.

Бейбарс дал коню свободу. Конь отошел от воды боком, вздрагивая и храпя. . . Твердая желтая пыль лежала на клейких листьях хлопковых кустов. Мягкие сапоги тянули за собой тяжелые жирные ветки. Конь вышел из нескончаемого поля, стал лизать свои ноги. Потом двинулся к желто-серым оливам у поднимающего воду колеса. Бейбарс тихо отвернул его навстречу сухой мгле, красящей страну Миср в один цвет. Лицо сразу высохло от пота, глаза пришлось сощурить.

Желтая неровная полоса долго отодвигалась. К полям ее не пускала колючая трава без листьев. Жесткие хитрые прутья не боялись пустыни. Листья только мешали бы этой траве.

Конь остановился, потянул горячий воздух и уже прямо пошел по скованному острыми камнями твердому песку. Ничего здесь не отвлекало его.

Бейбарс оглянулся. Охрана разъехалась в обе стороны, прячась за дальними холмами. Шамил понимал, какая ему требуется тишина. Ничего не двигалось в застывшем каменном море. Ветер был ровный, пустой, без запахов.

Ку-у-ке. . . Слово было связано с человеком в кожаных штанах. Но он никогда не мог вспомнить лица этого человека. Если бы он вспомнил, то знал бы, откуда в нем это слово. . .

Человек в кожаных штанах пришел из безвременья. Он был всегда. Штаны его пахли теплой дорожной пылью и морем. Это он помнил.

Потом его били, и он хотел есть. Человека в кожаных штанах уже не было в его жизни. Были другие люди с длинными, рвущими спину бичами и одинаковыми глазами. Справедливые люди, раздающие еду. Те, что рядом, были враги, вырывающие еду. Ноги, руки, тело становились больше. Нужно было отбирать еду у других. Он убивал, потому что не отдавали.

В первый раз он задушил того, который был рядом, и съел его хлеб. Его привязали к кольцу в земле на ровном солнечном месте. Каждый вечер его били, а других заставляли смотреть. Потом отвязали, и было плохо. У него не хватало сил защищать еду. Справедливость человека с бичом спасла его. Тот отгонял других от его еды, пока он не смог это делать сам. . .

Тогда пришло в первый раз это слово. Он лежал ночью, привязанный к кольцу, и липкая обугленная спина уже не принимала холода земли. В середине было легко и пусто. Черное спокойное небо опускалось все ниже, к самому лицу. Во рту стало вдруг горько, и криком сдавило ему горло. Так, как сегодня... Утром его развязали и дали хлеб.

Но тело росло. Другого он ударил серпом в живот. Его привязали и били. Он был уже больше и скорее окреп.

После этого он бил слабых ночью, а днем они отдавали ему половину своей еды. Он быстро стал сильнее всех. Когда привезли еще одного, который отбирал хлеб, им пришлось драться всю ночь. К утру он перегрыз другому руку у локтя и не отпускал, пока не вытекла кровь. Сам он тоже не мог встать. Его вынесли из сарая и били. Потом дали окрепнуть, надели цепь и повели к морю...

Там, откуда повели его, они копали землю и срезали колосья короткими острыми серпами. Зимой они сидели в сарае и рвали руками пахучую мягкую шерсть. Чтобы не задерживалась в горле шершавая пробка, они плевали на серый холодный пол... Хорошо было перед тем, как их запирали на зиму в сарай. Они подрезали тяжелые виноградные гроздья, складывали в высокие корзины и носили к дому с трубой. Люди с бичами понимали жизнь и не трогали их, когда они отрывали зубами пыльные сладкие ягоды. Они отрывали бы все равно, даже если бы их били. Животы становились хорошими: круглыми и теплыми.

Плохо было, когда после долгой зимы их выгоняли из сарая копать землю. Жирная земля качалась перед глазами. Она пахла вкусным паром, а еду им давали одинаковую. Тогда, весной, он и задушил того, кто был рядом. Тот был маленький и плакал, крепко прижимая к животу свой хлеб... Где это было — по ту или эту сторону моря?

Конь шел медленно, объезжая плоские острые камни. Слово не приходило. Бейбарс нетерпеливо дернул повод и расправил плечи...

Это было время его славы. Абуль-Футух его назвали потом, когда в Айн-Джалуте он разгадал мысли Безбородого Хана. А Бейбарсом он сам себя назвал, чтобы боя-

лись твердости его имени. В море была его настоящая победа. Другие пришли сами.

Моря он не увидел, но слышал всегда. Оно шуршало за широкой плотной доской возле его скамьи. Свет и соленый воздух приходили через отверстие для весла. Когда шорох кончался и начинало гулко бить в доску, оттуда брызгала соленая вода. Все качалось вокруг, и люди затихали.

Их было по четыре на весле — по двенадцать рядов с обеих сторон. Там, где сходились широкие доски, был помост, на котором сидели пристегнутые к длинной цепи запасные гребцы. Это он увидел утром, когда его разбудил человек с бичом. Ночью он ничего не видел, кроме пятен, пахнущих человеческим потом.

В то утро услышал он море. Сначала, когда их разбудили, двое с ведрами воды обошли скамьи, смывая утренние нечистоты. Грязная вода стекала в узкие щели у пола. Потом им отстегнули от весел руки, и многие начали молиться. Одни прижимали лицо к полу, другие трогали сложенными пальцами лоб, живот и плечи или только шептали что-то, накрывшись черными платками. Таких, которые молились, он знал в сарае, откуда его привели. У них легче было забирать хлеб.

Те, что молились, говорили всегда о каких-то людях, которые где-то гладили им головы, чмокали их губами и даром давали хлеб. Они называли по-разному этих людей, странными влажными именами. И непонятно почему плакали. Он был доволен, что не было в его жизни отца и матери. Это были плохие люди, делавшие человека слабым. . .

Им разнесли хлеб. По большому куску, какого никогда не давали в сарае. Хлеб был светлее и пахнул черной весенней землей. . . К его хлебу протянулась рука. Он ударил сведенными цепью кулаками по руке и по упавшей на весло чужой голове. Весло стало скользким и теплым.

Потом он посмотрел туда, где сходились широкие доски. Он сразу увидел на помосте Маленького с неподвижными глазами, возле которого сидели самые сильные. Они не молились. . .

Маленький не посмотрел в его сторону, а только сделал знак. Двое с цепями на ногах быстро оттащили мерт-

вого на середину, а весло обмыли водой. Собранный хлеб отнесли Маленькому, и он роздал его тем, которые сидели вокруг. Когда вернулся человек с бичом, все ели и молчали.

Человек с бичом ничего не сказал. Оттягивая руку, он коснулся сразу всех спин по обе стороны прохода и показал на пол. Мертвого понесли и вытолкнули наверх через круглую дыру в потолке.

Один из тех, кто мог ходить, взял палки и подошел к круглому барабану на помосте. По знаку человека с бичом он ударил палками в гулкую кожу. Гребцы, медленно валясь на спину, потянули тяжелые гладкие весла. И тогда зашуршало море...

Барабан бил все быстрее. Сквозной соленый ветер постепенно уносил запах утренних нечистот и свежей крови. Человек с бичом два раза ожег ему мокрую спину. Он еще не научился попадать в такт и мешал другим. Люди с бичами всегда были справедливы...

Он не смотрел на Маленького и ждал. Вечером, когда руки стали тугими и тяжелыми, его отстегнули от весла и повели на помост. Там его пристегнули к общей цепи. Он уперся спиной в широкую доску и приготовился. Но Маленький не поворачивался к нему.

Человек с бичом принес и роздал по большому куску соленого рыбьего мяса. Двое отстегнутых обошли всех, забирая лучшие куски. Все мясо принесли Маленькому. Самый большой кусок выбрал Маленький и протянул ему. Он взял и съел.

Он слышал, как злобно крикнул что-то Длиннолицый, и все понял: Длиннолицый хотел занять место Маленького...

Поэтому и не пошевелился Маленький, когда через три дня он, навалившись на Длиннолицего, задушил его цепью. Так он занял свое место возле Маленького и стал Бейбарсом.

Их было девять с Маленьким. Они много ели и не садились к веслам. Их отстегивали, и они могли ходить между скамьями.

Тех, которые служили им, называли шакалами. Они приносили собранный на скамьях хлеб и били непослушных. За это им оставляли еду. Остальные были те, которые у весел. Это было справедливо, и люди с бичами не вмешивались в их жизнь.

Каждый из девяти имел другое имя. Маленький был Гюрзой — змеей, которая убивает молча. Длиннолицего, которго он задушил, называли Молот — за тяжелые твердые кулаки. Он слышал, что есть пятнистые звери, одной лапой ломающие спину человеку, и назвал себя Беем этих зверей. Когда он сказал это, Маленький остро посмотрел на него — так, как три дня назад на Длиннолицего Молота.

Но им еще было рано. Сначала он помог Маленькому убрать через дыру в потолке Кривого, Льва — Аслана и остальных. Каждый хотел занять место Маленького.

Его стали бояться больше Гюрзы, и пришло его время. Он сразу это почувствовал по тому, как хвалил его силу Маленький. Ему теперь давали куски лучше, чем новым девяти, и они злобно молчали.

Они хотели убить его ночью. Но вечером, когда Маленький подвинул ему самый большой кусок, он неожиданно прыгнул и поломал Маленькому спину... Новых девять он тоже менял по очереди. Тому, кого не хотел видеть возле себя, он давал лучшие куски...

Потом все было правильно. Он забирал хлеб и справедливо делил его, отдавая сильным больше. Он убивал кого хотел. Им, слабым, нужна была опора в качающейся темноте. Они были рабы и не могли жить сами. И он стал их опорой, потому что забирал у них хлеб и убивал их.

Все быстрее гремел барабан. Те, что у весел, пели песню о нем, Бейбарсе. Они пели о его силе и справедливости...

Конь остановился над обрывом. Рыхлыми каменными уступами все дальше спускалась пустыня. На другой ее стороне были другие города и страны...

Это было по ту сторону пустыни. Раздав утром хлеб, люди с бичами размотали длинную цепь и первым приковали к ней его, Бейбарса. Остальных пристегнули сзади по двое. Потом ему показали на дыру в потолке. Люди с бичами знали, что только он сможет шагнуть туда, куда выносили мертвых.

Он увидел Солнце. Круглое и белое, оно висело со-

всем близко над головой. Там, где он копал когда-то землю, не было круглого Солнца. Или он забыл...

Все, кто вышел с ним наверх, сразу перестали видеть. Уцепившись руками за железные кольца, шли они за ним по длинной качающейся доске на землю...

Они не могли сразу пойти по земле. Люди с бичами заставили сгибаться их ноги. Земля была большая. На ней было много людей, домов и деревьев. Он не верил в это раньше.

На площади, куда привели их, он впервые увидел женщин. Их держали отдельно. Сзади заволновался кто-то, начал дергать цепь. Он удивленно оглянулся...

Их приковали на ночь к железному столбу. Они не могли уснуть без доски, за которой шуршит море. Рядами стояли столбы на широкой базарной площади, и всю ночь звякало железо. В эту ночь он услышал слово...

Он не знает, спал он или нет, но кто-то на площади тихо позвал: «Ку-уке!» Воздух сразу стал горьким. Он вскочил, начал рвать цепь. Но люди с бичами не спали. Они знали, что в такую ночь люди становятся глупыми и часто убивают себя.

Он лежал неподвижно, прижимая горячее тело к земле. Медленно наливалась красным огнем светлая полоса неба. И тогда он услышал трубы.

Люди на больших лошадях с блестящими кривыми ножами у пояса въехали на базар. Они стали у железных столбов, ожидая молитвы. К тем, кто молился, они потом не подошли.

Человек с кривым ножом, в синих, обшитых золотом сапогах остановился, посмотрел ему в глаза и сделал знак. Люди с бичами, суетливо кланяясь, бросились распиливать цепь. Он удивленно смотрел. Они были шакалами, люди с бичами!.. Руки у него стали вдруг совсем легкими, и было неприятно.

Двадцать было тех, кому распилили цепь. Человек в синих сапогах сделал им знак идти, но они стояли. Тогда другой, молодой, засмеялся и толкнул их одного за другим грудью лошади. И они пошли. Люди с кривыми ножами ехали впереди и сзади. Они пахли кожаными ремнями, и на левой руке у каждого был браслет.

Снова качалась длинная доска, и он с облегчением увидел черную дыру в палубе. Оттуда пахло утренними

нечистотами и человеческим потом. Но их не пустили туда...

Прямо на палубе очистили им от волос голову и тело. Потом помыли их и показали человеку в красных сапогах. Двое не понравились ему: у одного слезились глаза, а другой дернул головой, когда подняли перед его лицом руку. Этих двоих сразу отделили и толкнули в дыру под палубой. Тем, которые остались, дали одинаковые синие штаны, широкие кожаные ремни и серые сапоги.

Потом им дали мясо. Он заволновался от свежего запаха. Мясо отрезали теплыми большими кусками и жарили прямо на палубе на железных палках. Они ели, пока глаза не завесил туман и головы не упали на доски. Человек в красных сапогах внимательно смотрел, как они ели...

Проснулся он успокоенный. За доской опять шуршало море. Глухо бил барабан, и плавно качался черный мир. Но когда он открыл глаза, то увидел гору недоеденного мяса. Горел факел. Люди с кривыми ножами на поясах играли маленькими твердыми костями. Они бросали их с размаху, и кости со стуком рассыпались.

Он приблизил к лицу руки и с силой развел их. Они разошлись, но тут же сошлись снова. Цепи не было, но рукам так было лучше...

Бейбарс посмотрел на свои руки. Они были сведены на лошадиной холке. Он не стал разводить их. Конь осторожно сошел с уступа и пошел по осыпающемуся гребню к старой дороге.

Найдя ее, конь пошел быстрее. Гладкие треснувшие камни лежали по обе стороны. Их когда-то возили для храма. А потом обратно к Реке. Возить готовые камни было легче, чем обтесывать...

Человека в синих сапогах, который купил его на базаре по ту сторону пустыни, звали Икдын. Он был Эмир Сорока. А в красных сапогах с блестящими коричневыми глазами был Котуз. Начальник Острова сам покупал мамелюков, и это было правильно.

Барат лежал рядом с ним на палубе. Он был таким, как и сейчас, — жилистым и молчаливым. Они с Баратом сразу нашли друг друга среди восемнадцати. Другие по-

няли и подчинились. Мяса было много, но первыми брали он с Баратом.

Икдын увидел это и тоже понял. Когда нужно было сказать что-нибудь всем, Икдын говорил ему. Так было и потом, на Острове. Барат не завидовал. Он всю жизнь был хорошим помощником...

Барабан бил внизу ровно, не переставая. На второе утро из дыры в палубе вытащили голое тело с разорванным горлом. Это был тот, у которого слезились глаза. Не сняв цепи с рук, его бросили в море. Мертвые коричневые глаза Котуза не ошибались в людях...

Море долго было синее. Прошло шесть дней, и они увидели желтую воду страны Миср. Потом они увидели желтый берег. Опять там были люди, дома и деревья. Вода делалась гуще, пока не стала Рекой...

Еще три дня плыли они, пока не прорезались в небе синие столбы мечетей Эль-Кахиры. Мимо провезли их, на Остров. Это было правильно. Нельзя мамелюкам близко видеть жителей страны Миср...

Их было триста на Острове, купленных в то лето. В лодке с голубым и красным бархатом приплыл на Остров султан Салих. Эмиры Пяти личной охраны были с ним, и Эмиры Тысячи в красных сапогах... Он уже знал, что самые сильные носят красные сапоги. И когда купивший его Котуз переглянулся с громадным Айбеком, он все понял. Внимательно посмотрел он на султана...

У старого султана было белое мягкое лицо и глаза человека, который молится. Он не осматривал каждого, как Котуз. Вяло махнул голубым платком султан Салих, и всем им наковали браслеты на левую руку. Но кривых ножей им не дали. По пять, по десять и по сорок сначала разделили их. И учили ездить на лошадях и стрелять из луков. Через четырнадцать дней им привезли в лодках женщин. Он сделал так, как другие, и почувствовал облегчение. После этого он сильно захотел есть...

Лучше этих дней у него не было. Даже когда стал он Абуль-Футух и исчезли границы исполнения его желаний. Он быстро привык к равенству с теми, кто давно носил ножи на поясах, и занял свое место у своих сорока. Когда один не послушался, они с Баратом задушили его и бросили на песок, где грелись крокодилы. Эмир Сорока

Икдын знал, но сказал Начальнику Острова, что один убежал. Потому что боялся уже его Икдын.

Котуз внимательно посмотрел тогда на Икдына и кивнул головой... Ночью они встретили Котуза, когда несли мертвого к Реке. Начальник Острова стоял в тени дерева, а они шли в белом свете луны. Котуз видел их с мертвым, но кивнул головой.

Да, Котуз видел. Поэтому Котуз сделал его Эмиром Пяти, потом Десяти, а в разлив Реки, когда все они носили уже кривые тяжелые ножи, — Эмиром Сорока вместо Икдына... Среди сорока у него было уже своих девять, и они слушали его, а не Икдына. Девять потом всегда держал он возле себя, как в море. Это было правильное число. Им было трудно сговориться, девяти. И видеть он мог сразу всех...

Икдына послали куда-то далеко охранять с другими сорока башню у дороги. Через много лет он, Абуль-Футух, нашел и убил Икдына. Он нашел и убил всех, кто вместе с Икдыном покупал его на базаре у моря. Он всегда помнил лица людей, даже если видел один раз...

Он долго носил синие сапоги, и Котуз брал его с собой, когда плыл через море покупать мамелюков. Тех, кого он приводил с базара, не нужно было отсылать в палубную дыру. Котуз покупал все больше, и они оставались на Острове, учились ездить на лошади и стрелять из луков. Потом им давали кривые ножи...

Они радовались, когда на далеких башнях Фустата ревели трубы. Это значило, что снова где-то люди страны Миср нарушали порядок и справедливость. Тогда они садились вместе с лошадьми в большие лодки, плыли к берегу и мчались потом через бесконечный хлопок, пачкая сапоги и лошадей жирной зеленью.

Люди страны Миср были худые и несильные. Они всегда кричали что-то, показывая на небо, и в глазах их была молитва. Наказывать их было нетрудно. Тех, у кого глаза были без молитвы, убивали. И если приходилось на четырнадцатый день, забирали у них женщин.

Были ещё братья султана Салиха Эйюба. Они правили городами и странами по ту сторону пустыни и не могли справедливо разделить их. Эйюбы воевали друг с другом и с франками. Они просили мамелюков у старого султана.

Там впервые увидел он франков. Они были белые,

как мамелюки-сакалабы [1]. И хоть громко пели песни своему богу, прозрачные глаза их смотрели прямо, не отвлекаясь...

Старая каменная дорога была прямая и гладкая. Сухой ветер ровно жег лицо. Бейбарс забыл слово, за которым ехал...

Котуз был умный и знал все. Среди каждых сорока на его Острове были девять, которых боялись остальные. И Эмиром Сорока Котуз делал главного из девяти. Это было правильно. Глупый не становился раисом [2].

Так делал Котуз — Раис Острова. И так делал большой Айбек — Раис Охраны Султана. Другие Эмиры Тысячи не делали так. Они были людьми страны Миср и назначали у себя эмирами тех, кто быстрее стелил коврики, когда их снимали с лошади. И их самих назначил старый султан потому, что они умели рассказывать ему о его славе. Шакалы правили страной Миср, и это было несправедливо.

Когда франки приплыли в страну Миср, у Котуза на Острове было уже сорок эмиров, носивших синие сапоги. Среди них у Котуза были свои девять. И первым был у девяти он, Бейбарс...

Франки были дикие барбарои [3], и бог не путал их мысли. Они носили одинаковую одежду, и раисом у них мог стать лишь достойный. А в Дамиетте, там, где желтая вода страны Миср смешивается с синей водой моря, мамелюков тогда не было. Там были солдаты страны Миср со старыми эмирами, подстилающими коврики. И они бежали от франков из Дамиетты в Мансуру, а потом из Мансуры. И старый султан страны Миср кашлял, и не мог он сидеть на настоящем коне.

С франками было трудно воевать. Когда они поднимали руку, чтобы ударить, их не отвлекали сомнения. Но у них было слишком много достойных, и каждый де-

---

[1] Мамелюки-сакалабы — славянский корпус мамелюкской гвардии.

[2] Раис — начальник, буквально — «пасущий стадо» *(арабск.)*.

[3] Барбарои — иноземцы, варвары *(арабск.)*.

лал свое. А мамелюки знали только своего Эмира Тысячи. И они вошли в Мансуру, отрезая головы у франков.

Тогда он мог погибнуть, когда франки начали лить масло под ноги. Он упал на жирной каменной стене, и большой светлобородый франк с красным крестом на грязном плаще уже колол его копьем. Но Турфан бросил тяжелый камень в голову франка, а Барат отсек ему голову. И шрам у глаза остался у него от копья франка...

А потом они с Баратом, Турфаном и Шамуратом догнали и сбили с лошадей франкского султана и двух его братьев. За них франки заплатили султану Салиху четыре корзины золота: две — за святого султана Лудовика и по одной — за его братьев. Франки сами ушли из Дамиетты и больше никогда не приходили в страну Миср... Быстрый и ловкий, как маленькая кошка, был Шамурат. Он убил сразу Шамурата, когда стал Абуль-Футух.

После Мансуры он не поехал на Остров. В Эль-Қахиру взяли его Айбек с Қотузом. Старый султан долго смотрел на него и потом закрыл глаза. Айбек с Қотузом переглянулись, и он стал Эмиром Сорока личной охраны султана...

Они всегда были непонятными, люди страны Миср. У них были пирамиды и бог, который раздваивал мысли. Человек с раздвоенными мыслями бьет вполсилы, и стрела его не попадает в цель. Этот бог всегда придерживал их руку, когда они поднимали клинок, и дергал их лук, когда они отпускали тетиву. Поэтому они всегда проигрывали и были плохими солдатами. Почему они благодарили бога?

Люди страны Миср тоже делали это по-разному: одни пять раз в день прижимались лицом к земле, другие крестились и громко пели, как франки. Были и такие, кто привязывал ко лбу коробочки и накрывался с головой, чтобы отделить себя от жизни, которая вокруг. Они напрасно ссорились. Это всегда был один и тот же бог, который делал их слабыми. Им, как женщинам, была неприятна кровь и знакомы слезы.

Были в стране Миср люди, которые умели писать и читать написанное другими людьми. Эти были совсем глупые. Султан Салих давал им деньги, и они молились богу, считали звезды и рисовали на желтых дощечках

круги и треугольники. В Аль-Азхаре[1] жили они с учениками, и он сопровождал к ним султана. Непонятное говорили они и всегда просили деньги...

Султан Салих умел читать. Он неподвижно сидел на подушках и смотрел в развернутые свитки. И когда отставлял их, глаза его были, как у беззащитной собаки.

А на обеих руках эмира Айбека были у запястья твердые коричневые бугры. Такие бугры были у всех, когда-то прикованных к веслам. И у Котуза на руках были бугры.

Султан Салих смотрел на них странными глазами, на Айбека и Котуза, на него. В глазах его не было страха, просьбы, гнева. Так смотрели львы с человеческими лицами, которые стояли у начала страны Миср.

Все чаще выезжал старый султан на базар. Он становился в стороне и подолгу смотрел, как торгуются покупатели, кричат друг на друга женщины, играют в пыли голые дети. Люди страны Миср замолкали и уходили в сторону...

Пришел вечер, и Котуз сделал знак войти туда, где был султан. Когда они подошли к тахте: Айбек, Котуз и он, султан Салих посмотрел на них и закрыл глаза. И они ударили его в сердце и перерезали горло маленькими острыми ножами, которыми бреются и режут дыни. И когда уходили они, круглоголовый Айбек остался в Розовом Доме с Шадияр, светлоглазой женой султана...

Утром Айбек сказал, что султан Салих умер от кашля. И Эмиры Тысячи страны Миср молча кивнули головами и коснулись ладонями лица и бороды. И Эмиры Канцелярии Султана коснулись ладонями лица и бороды. И Эмиры всех городов: Дамиетты, Мансуры, Александрии, Бени-Хасана, Эль-Амарны, Асуана коснулись ладонями лица и бороды. И ученые люди Аль-Азхара, умеющие писать и читать написанное, испуганно коснулись ладонями лица и бороды...

Это было правильно — сказать, что султан умер от кашля. Люди страны Миср не любят слышать плохое, и в этом их радость... Они знали, как умер султан, люди страны Миср. И шепотом говорили об этом друг другу. Но слову из Цитадели верили они, потому что так им было спокойней. Они радовались и ругали султана. Пи-

[1] Аль-Азхар — университет в Каире (образован в 972 году).

рамиды были у них, и не могли они простить, что он выезжал к ним на базар...

И браслет поэтому надели большой стране Миср. Для этого нужно было, чтобы объединились девять эмиров, у которых на запястьях были твердые бугры. И чтобы были на Острове всего сорок раз по сорок мамелюков, у которых не было хватающего за руки бога, не было делающих человека слабым отца и матери, и которые были барбарои — чужие люди в стране Миср. И нужно было, чтобы мамелюки беспрекословно слушались Эмиров Пяти, а Эмиры Пяти слушались Эмиров Сорока, а Эмиры Сорока слушались Эмиров Тысячи. И тогда это нетрудно сделать. Богатая и бессильная страна Миср всегда носила браслет...

И когда сказали, что Тураншах, беспокойный сын старого султана, утонул в Реке, тоже радовались люди страны Миср. Он и Барат пустили по стреле в голую спину буйного Туранишаха. И не мог уже уплыть Туранишах от их ножей...

У большого Айбека была круглая бритая голова, круглые глаза и широкий рот с крепкими зубами. И твердые коричневые бугры от галерных цепей были на его руках. Он правильно шел к власти и стал первым. Но он остался с Шадияр, светлоглазой женой султана, когда убил его...

И сразу перестал все понимать эмир Айбек, потому что остался надолго со светлоглазой женщиной. Не султаном назвал он себя, а атабеком — воспитателем Халила, сына Шадияр аль-Дурро. Последним Эйюбом был маленький Халил, сын старого султана, и не живут долго последние...

И не султаном стал Айбек, а только мужем аль-Дурро — Золотой Шадияр, когда эмиры признали его право. Неправильно это было. Каждому эмиру позволил он думать, что дорого их согласие. И не были никогда спокойными эмиры. А все это случилось потому, что не в четырнадцать дней один раз приходил Айбек к женщине. И не менял он женщину каждые четырнадцать дней. И не по мужской необходимости шел к ней...

Каждый день был Айбек у Шадияр. И круглый рот его раздвигался до ушей, и круглые глаза сияли, как на-

чищенные пряжки на поясах мамелюков. И перестал он видеть прямо, и захотел, чтобы у всех в стране Миср был раздвинут рот и сияли глаза. И не бывает так, чтобы все были счастливыми...

Все начал разрешать Айбек людям страны Миср. И сразу перестали они работать, и в глазах их уже не было молитвы. Стрелы метали они в мамелюков, приезжавших за хлебом и женщинами. И Река перестала подниматься до корней семиствольного дерева. И начался голод и болезни. И франки из Акры и Антиохии стали все ближе подходить к границам страны Миср.

Браслеты распилил Айбек у мамелюков. И разрешил он всем носить синие и красные сапоги. Нельзя было узнать больше, кто раис, а кто стрелок. Крикливые становились впереди молчаливых. И бежали мамелюки с Острова в пустыню и становились там дикими разбойниками. По Реке к морю бежали мамелюки, забирали корабли с гребцами и на море становились разбойниками. И купцы перестали плыть в страну Миср...

И так затемнены были мысли Айбека от женщины, что не убил он Котуза. И никого из девяти не убил он, кто убивал с ним старого султана. Справедливость и порядок нарушил эмир Айбек. И они убили его...

Твердые бугры были на руках Айбека. И больше Котуза был Айбек, но обессилел от женщины. А блестящие коричневые глаза Котуза были, как у ожидающей гиены.

Раисом Острова был Котуз и сам покупал мамелюков. Его и Барата сделал он Эмирами Тысячи. И не сразу Котуз убил Айбека, потому что умел ждать.

Маленький Халил, последний Эйюб, утонул в Реке раньше, чем убили Айбека. Совсем мало крови было у прыщавого Халила. И, как отец, смотрел он на нож, и в глазах его ничего не было. Мертвый ушел он в Реку и не выплывал больше, потому что был последний. Люди страны Миср рассказывали, что священный крокодил унес маленького Эйюба, и показывали место, где это произошло. И стали они с Баратом Эмирами Тысячи...

Охрану оттеснили они и на части изрубили Айбека, когда приехал он на Остров делать смотр. Даже круглой головы не осталось, чтобы посадить на пику и показать жителям Эль-Кахиры для утверждения порядка.

И светлоглазая Шадияр знала, что ждут они Айбека на Острове. Потому что женщины — как люди страны Миср, и не любят они тех, кто ходит к ним каждый день...

Конь вдруг остановился, замотал головой и начал сходить с ровной дороги. Бейбарс потянул повод...

Он сам убил светлоглазую женщину, когда приказал Котуз. Закрытую привез он ее на середину Реки. Белая, как солнце, была луна. И снял он покрывало, и долго смотрел в лицо Шадияр.

И она в первый раз смотрела ему в лицо. И глаза ее становились все больше. Совсем светлыми стали они. И засмеялась она. И руки его перестали вдруг быть тяжелыми. Луна вдруг упала в воду, и остановилась вода...

И он сощурил тогда глаза, и ударил кривым мамелюкским ножом где раздваивалась у нее грудь. И смеялась она, и закрыла глаза, счастливая...

В пустой лодке сидел он. И не брал весла. Светлая вода была кругом... И не пошел он на четырнадцатый день к женщине...

Котуз хорошо умел ждать. И знал он, что такое большая власть. Раньше, чем стать султаном, захотел он остаться без девяти, которые были возле него. И сделал правителем он человека, который не сам выбрал себе имя. Байгушем — Птицей, жрущей падаль, называли этого человека Бахр — Речные мамелюки. Бурджи был он — Башенный мамелюк из Фустата. И выбрал его Котуз, потому что чужой он был среди Речных.

И делал Байгуш то, что хотел Котуз. Все эмиры были убиты при нем, которые мешали Котузу. И в Реке утонул Байгуш, когда пришло его время. Остался только он, Бейбарс, из девяти, которые были с Котузом...

Новых девять выбрал себе Котуз, когда стал султаном. И громко хвалил Котуз его силу, и дарил ему самых красивых лошадей и самых толстоногих женщин из своего гарема. И знал он поэтому, что пришло его время...

Но был уже он Раисом Острова и имел своих де-

вять. Барат, Турфан и Шамурат были всегда с ним. Трудно было Котузу, но он умел ждать. Все чаще посылал его Котуз через пустыню тревожить франков. Там и увидел он монголов. . .

Они обогнали слух о себе. Потные, безбородые, с ночным птичьим уханьем бросились они, не спрашивая, кто впереди. Тело к телу и конь к коню, не давая подняться пыли из-под копыт, ехали монголы, и остановить их было нельзя.

И мамелюки повернули коней и разбежались по пустыне, спасаясь от звонких монгольских стрел. И не всех он собрал потом у сторожевых башен на дороге в страну Миср. . .

И легкая горячая стрела вошла ему в левое плечо, когда отворачивал он коня от монголов. С черными жесткими перьями была стрела. Тихо свистнул тонкий волосяной канат, сорвал его с коня и бросил спиной на землю. И тогда прыгнул со своего коня длиннорукий Барат, и перерезал канат, и взял его на своего коня. . .

Он долго стоял у сторожевых башен на дороге в страну Миср, рассылая во все стороны мамелюков. И ему привозили живых монголов. И он долго смотрел каждому в глаза. У них были узкие равнодушные глаза, в которых совсем не было бога. Послушно садились они на корточки и ждали удара клинка, не отворачивая головы. Страха они не понимали. . . Это были дикие барбарои, как франки. И знали они своего Эмира Тысячи, как мамелюки. И эмиры их никого не знали, кроме Безбородого Хана.

И пахло от них, как от франков, грязным потом и шкурами. Кобыльим молоком пахли монголы. И чем-то горьким еще пахли они, как не пахли франки и мамелюки. Это был непонятный запах, который мешал ему правильно думать. . .

А потом побежали в страну Миср люди, которых обогнали на своих оскаленных лошадях монголы. Люди из Басры, из Багдада, из Урфы и Мосула. Они бежали днем и ночью мимо сторожевых башен, и один только бог был в их глазах.

И говорили они, что Безбородый Хан монголов — сын христианки и не трогает он тех, кто крестится. И еще

говорили они, что монголы привязали всех сыновей халифа правоверных к хвостам своих диких лошадей. Всех братьев халифа и всех везиров халифа привязали они к хвостам лошадей и погнали всех лошадей в пустыню. Самого халифа правоверных привязали они к четырем лошадям, и гнали их в четыре стороны, пока не разбежались лошади...

И он дал отдохнуть мамелюкам, и вернулся в страну Миср. И опять ждал Котуз, потому что побежали уже в страну Миср люди из Халеба и Дамаска, а Речные мамелюки знали теперь только его, Бейбарса. И стало известно, что франкские эмиры из Акры и Антиохии принимают у себя везиров Безбородого Хана, и вместе говорят они, что пришло время страны Миср...

И о том, что пришло время страны Миср, кричал в Эль-Кахире перед мечетью Ибн-Тулуна оборванный человек из Багдада. Братом халифа правоверных называл он себя, оторвавшимся от хвоста монгольской лошади. И кричал он это перед мечетью Аль-Акмары, и в Аль-Азхаре, и перед мечетью халифа Хакима. И Котуз сказал, чтобы схватили его и бросили в яму под Фустатом, где сидели нарушившие справедливость и порядок...

Он шел к Айн-Джалуте, а монголы шли ему навстречу. Они были барбарои и шли всегда прямо, не сворачивая. А на длинной монгольской дороге были города и страны, где эмиры умели писать и читать написанное. И люди в этих городах и странах знали бога, который мешал им смотреть прямо. И они всегда искали непрямой путь к спасению. А монголы шли прямо, и их путь был всегда самый короткий.

В море стал он Бейбарсом и знал прямой путь. Не было другого пути в качающейся темноте, когда прыгнул он Маленькому на спину. Твердые бугры с тех пор на его руках... Девять тысяч мамелюков взял он с собой, Бахр и Бурджи — Речных и Башенных. Быстро шел он к Айн-Джалуте, чтобы не успели франки соединиться с монголами. Знак бога рисовали франки на своих плащах и на своих щитах, но не успел еще бог ухватить их за руки...

Монголы не знали других путей, кроме прямого, и это был самый правильный путь. Когда они увидели мамелюков, то начали съезжаться плечо к плечу и конь к коню,

поворачиваясь в их сторону. И он дал знак, и ухнули боевые трубы, и мамелюки тоже начали съезжаться плечо к плечу и конь к коню, поворачиваясь к монголам. И, как монголы, прижались они друг к другу, и пыль из-под копыт не могла пробиться между их телами.

И монголы удивились, потому что в первый раз увидели идущих к ним прямым путем. И когда столкнулись мамелюки и монголы возле Айн-Джалуты, то монголы рассыпались.

И кончились монголы, когда рассыпались, потому что не знали они пути, кроме прямого. Никого не знали они, кроме своего эмира, и были как слепые щенки каждый в отдельности. В разные стороны побежали монголы, бросив луки и круглые кожаные щиты. В грязи и навозе было их хвостатое знамя цвета теплой крови.

До конца он пошел прямым путем. Плотными отрядами по сорок разъехались мамелюки по пустыне, догоняя монголов и отрезая им головы. И собрал он все отрезанные головы и построил из них красную пирамиду на высоком берегу Евфрата. Никогда больше не шли монголы в страну Миср. И дальше не шли они через страну Миср в страны франков, потому что он остановил их в Айн-Джалуте. Так стал он Абуль-Футух — Отец Победы.

И когда он вернулся в Эль-Кахиру, Котуз приготовил ему белый дом с двенадцатью фонтанами. И ждали его там черные мамелюки с отравленными ножами. Но он прыгнул первым, и на площади перед мечетью Ибн-Тулуна, где встречал его Котуз, он убил его. И сам он отрезал голову Котуза с блестящими коричневыми глазами и бросил ее на стертые кирпичи перед мечетью Ибн-Тулуна...

Конь шел ровно... Из-за холмов поднимался храм. Люди построили его, которые строили пирамиды. На стенах нарисовали они своих богов, об их мудрости и силе написали они. Но победили их барбарои — люди пустыни, чей бог был простой. Прямую дорогу знал тогда этот бог, и Пророк его не умел писать.

И стали люди пустыни брать гладкие камни из этого храма. И построили мечети в Эль-Кахире, мечети в Мансуре, в Тель-эль-Яхудие и в Эль-Лахуне мечети с красивыми высокими минаретами. У людей страны Миср на-

учились они растить хлопок, рисовать треугольники и считать звезды. И научились писать их пророки, и бог из пустыни перестал видеть прямую дорогу. И сами стали они людьми страны Миср, которым неприятна кровь и знакомы слезы...

Мечети и башни построили из гладких каменных плит. И только один угол храма пошел на это, такой он был большой. С той стороны, где брали камни, въехал Бейбарс на крышу храма. И конь остановился, опустив голову...

Он сразу назвал себя султаном, когда убил Котуза. И всегда он был Абуль-Футух, потому что отнял у франков Цезарею и Арсуф. Яффу и Антиохию он тоже отнял у франков, потому что франки были уже другие. Они научились мыться горячей водой и перестали носить бычьи шкуры. И стали они одеваться в муслин и атлас, как люди Дамаска и Багдада, и под верхней одеждой стали носить нижнюю, и часто меняли эту одежду. И бороды уже красиво подстригали франки, как люди Дамаска и Багдада. Сахар они ели, которого не знали раньше.

И многие из франков умели писать и читать написанное, и учились они у людей из Аль-Азхара и Низамийи[1] рисовать треугольники и считать звезды. И не умели уже идти прямым путем навстречу мамелюкам. Только в каменной Акре остались франки, рисовавшие крест на своих плащах. Он, Абуль-Футух, положил предел им по эту сторону моря, куда пришли они на могилу своего бога.

И монгольские ильханы за Евфратом быстро научились мыться горячей водой, носить мягкую одежду и есть сахар. Бога нашли они себе, и писать научились, и перестали быть опасными.

Никто не мешал ему теперь идти с мамелюками на Восток, в богатую армянскую Киликию, и на Запад никто не мешал ему идти, в Барку и Ливию. И на Юг, в святые города Хиджаза. И в Эфиопию, за черными рабами...

Бесплодны люди, не умеющие смотреть прямо... На стене храма из белых каменных плит стоит его конь. В черном кожаном седле сидит он, Бейбарс, и смотрит на

---

[1] Низамийя — знаменитый университет в Багдаде, названный по имени организовавшего его Низам-аль-Мулька, великого везиря Сельджукидов (1018—1092).

Восток, и на Север, и на Юг. И видит только желтый песок, скованный острыми камнями, которые ранят копыта лошадей. На небо смотрит он. И видит круглое белое солнце. Вниз смотрит, и каждую травинку видит внизу. Суслика видит он, который побежал от круглой норки. И камнем метнулась тень орла по земле. И твердые когти вошли в мягкое тело, и красные брызги остались на белом камне. Брызги почернели сразу, потому что камень горячий... Все это так, как он видит. И у того, кто видит не так, косые глаза.

Они смотрят на желтый песок и говорят, что это не простой песок, потому что ехал по нему Пророк. И на человека смотрят они и говорят, что это не просто человек. И на женщину смотрят они и говорят, что это не просто женщина. И второе, и третье имя дают они всему, что видят.

Он прямо видит все, и поэтому он Абуль-Футух. И он понял, что такое гуманус и культура, о которых говорил ему генуэзец Джакомо в кожаных штанах. Это писк суслика, который не услышал он отсюда. Никогда его лицо не было мокрым!.. Белый и зеленый мрамор привозит в Эль-Кахиру генуэзец на своих кораблях. И ездит в Аль-Азхар, чтобы срисовывать треугольники. И руки у купца гладкие, без бугров...

Он Бейбарс и смотрит прямо. И он все вернул стране Миср, что отнял у нее Айбек. Султаном назвал он себя. И надел мамелюкам браслет на левую руку. Только клеймо изменил он на браслете. И вернул Эмирам Тысячи красные сапоги, а Эмирам Сорока — синие сапоги.

И дал он мамелюкам власть в стране Миср. Землю у Реки и людей страны Миср для ее обработки дал он каждому эмиру. В Эль-Кахиру отправляют все, что собирают с этой земли. И только мамелюки могут быть эмирами городов и областей, потому что носят его браслет.

Под зеленым деревом на Острове наковывают мамелюкам этот браслет, чтобы была у них родина. И детские дома сделал он на Острове и в Фустате. Крепких мальчиков от мамелюков забирают в эти дома, чтобы не знали они отца и матери, которые делают человека слабым.

И выпустил он из ямы под Фустатом человека, назвавшегося братом халифа правоверных, и назвал его братом халифа. И сажает он его на ковер, чтобы знали это люди страны Миср, и люди Дамаска, и люди Кордо-

вы, и все другие люди, которые пять раз в день прижимают лицо к земле, когда молятся. Пусть в Эль-Кахире будет их бог.

И раз в году разбрасывают перед мечетями хлеб от него людям страны Миср, чтобы знали они, что он о них заботится. И не видят его никогда люди страны Миср, потому что только тени орла боятся собаки.

Это было правильно — все сделать по-старому в стране Миср, где мертвых хранят в пирамидах. И отдать их с землей мамелюкам было правильно. Руку, которая бьет, лижут собаки. Опора нужна им в качающемся мире, потому что рабы они, и хуже смерти для них ответственность за себя. Отцом страны Миср назвали они его. И песни поют о нем, когда собирают в фартуки хлопок, и раньше имени бога кричат с минаретов его имя, и именем его называют детей. И когда умрет он, святым будет в стране Миср все, чего он касался...

Как собаки, доверчивы люди страны Миср. Айбеку с Котузом нетрудно было обмануть их, умеющих писать. Оправдание всему, что делают, ищут они, и нерешительны поэтому. И думали люди страны Миср, что Айбеку с Котузом тоже необходимо оправдание, и не видели бугров на руках у Айбека с Котузом.

Опасны, у которых бугры. Их нужно всегда менять, которым отдал он страну Миср. И раньше всего — девять первых эмиров, которые рядом. Айбек не сделал этого, и круглой головы его не осталось, чтобы показать на базаре. И Котуз пропустил время, и голова его долго катилась по стертым кирпичам перед мечетью Ибн-Тулуна. Нельзя пропускать время...

Длиннорукий Барат по его знаку убил одного за другим всех эмиров, которые были с ним в Мансуре, когда франк направил на него копье. И тех убил он, которые рубили с ним Айбека. И тех, кто в Айн-Джалуте был, когда взял его к себе на коня Барат. И многих других убил он, время которых пришло. Нельзя оставлять жизнь тем, кто был рядом...

И первым пришло время быстрого, как кошка, Шамурата, который морщил лоб, когда не ему дарил он коня или женщину. И Турфан был последним, которого задушили вчера по его знаку, после того, как он забрал у него дочь. Давно отстранил от себя он Турфана. Но львы, ставшие собаками, видят неправильные сны...

И один Барат остался возле него из тех, которые были рядом. И глаза Барата сегодня утром смотрели в сторону...

Бейбарс поднял правую руку, и всадники показались на ближних и дальних холмах. Ухнули сигнальные трубы, и помчались к Эль-Кахире первые сорок Эмиров Охраны, оставляя посты. И ждали уже внизу еще сорок с напряженными луками на локтях. И еще сорок съехались плечо к плечу и конь к коню, чтобы охранять его спину...

Конь, осторожно переступая, сошел вниз. На стене, откуда брали камни, рядами шли одинаковые люди страны Миср с одинаковыми длинными глазами. Одинаково вытянув вперед правую руку, несли они богу положенное. Это было правильно — то, что делали люди, строившие пирамиды. Султан у них был богом. И ему были пирамиды.

Бейбарс посмотрел вокруг. Гладкие каменные колонны уходили в небо. Он вспомнил, зачем поехал сюда, и удивился. Какое-то слово мешало ему утром...

Он Бейбарс и презирает слова. Прямо смотрит он и все видит. Ничего не было утром, только глаза Барата смотрели в сторону!

Ожидание знака было в черных глазах Шамила — Эмира Охраны. И браслет его был начищен песком с серой. Шамил будет Раисом Острова, пока не придет его время. Молодой он, и руки его крепко держат кривой мамелюкский нож. И хорошо, что он Бурджи. Чужим будет он среди Речных, и не скоро найдет своих девять. И не будет он смотреть прямо, когда найдет. И придет тогда его время...

Бейбарс дал знак, и с горячей желтой мглой, красящей страну Миср в один цвет, понеслись они к Эль-Кахире...

Красное солнце легло в Реку. И красной стала желтая мгла. Желтый песок и серые камни стали красными. И красной была Река, и синие минареты Эль-Кахиры были красными от солнца. И он видел это прямо, а не так, как люди страны Миср. Кровью пророка Хусейна называли они простую вечернюю зарю.

На новых кирпичах перед мечетью Ибн-Тулуна молились они, расстелив мягкие коврики. Во дворах и на ули-

цах молились. И на крышах домов молились, повернувшись лицом к Мекке. Он трогал рукой камень в Мекке, которому молились они, и испачкал руку...

Тяжело ухнули трубы Цитадели, заглушив муэдзинов на минаретах. Через железные ворота въехали они на стертый каменный двор. И бросив повод коня черному рабу, пошел он с Шамилом и Эмирами Пяти в Зал Приемов.

И ждали уже там двадцать четыре бея и эмира, которым отдал он страну Миср. И Эмиры Тысячи в красных сапогах ждали. Знатные люди страны Миср ждали, которым позволил он видеть себя. И ждал тот, кого назвал он братом халифа. И склонились они, прижав руки к животам.

Прямо смотрел длиннорукий Барат, который был Раисом Острова, но утром он смотрел в сторону. И Бейбарс сделал знак черному рабу. И принес черный раб высокую золотую чашку с красным александрийским вином. Взял он у раба чашку, и передал Барату, и сощурил глаза. И Барат выпил красное вино, потому что пришло его время.

На ковер сел Бейбарс, и ждал со всеми, пока у Барата побелели губы. И побелели губы Барата, и бритая голова его ударилась о край фонтана. Тогда Бейбарс встал и вышел в сад. Все розы были красные в саду. И листья были красные. Камни на дорожке были красные. И Розовый Дом был красный, и дверь в него была открыта...

Девочка была там, где утром. Она спала, и маленькая рука ее лежала под пухлой щекой. И ног ее не увидел он, потому что скорчилась девочка от вечернего холода. И грудь ее была детская. Оттопыренные губы и мокрое обиженное лицо были у нее.

Красное солнце горело в высоких окнах. Стены и потолок были красные. Зеленый ковер на полу был красный. И только красная тахта была черной от вечернего солнца. И всхлипнула во сне девочка...

Куке-е!.. Словом вдруг разорвало ему горло. Горькими сразу сделались губы. И он все вспомнил...

Это высокая горькая трава пахнет так, красная от ве-

чернего солнца. И красный песок становится чернее. А на песке лежит человек, и это его куке. И плачет мальчик, и тянет своего куке за большую руку. Только стрелу он боится трогать с черными жесткими перьями...

Чернеет песок. И все вокруг чернеет. А запах становится гуще, и такой уже горький он, что нельзя облизать сухие губы. И зеленые точки совсем близко в горькой темноте. Их все больше вокруг, и все ближе они. И он прижимается к большому холодному куке, и тепло ему, и не страшно так...

А потом опять белое солнце в белом небе. И трава белая. И только песок, на котором растет она, красный. Весь мир — этот твердый красный песок, потрескавшийся от белого солнца. И ничего больше нет. И куке лежит, примяв горькую траву. И не хочет вставать куке, потому что стрела с черными перьями прошла через его горло. А там, где вышла она, черные капли на красном песке... А когда снова краснеет трава и начинает пахнуть, появляются откуда-то большие мохнатые ноги. Медленно ступая, идут они мимо, все идут и идут. И мерный звон стоит над черным песком. Кто-то трогает острым копьем открытые глаза куке.

— Тут мертвый кипчак! — ясно говорит чей-то голос. И похож он на голос купца Джакомо...

И отрывают его руки от холодного куке, и передают его человеку, сидящему на верблюде. И человек этот похож на Джакомо, а кожаные штаны его пахнут дорожной пылью и морем...

И дальше идут верблюды. А слезы легко текут из его глаз. И тянет он руки назад, и плачет, задыхаясь горьким воздухом:

— Ку-у-ке-е!..

Бейбарс тронул рукой лицо. Оно было мокрое. Тихо ступая, подошел он к тахте и прикрыл девочку накидкой от холода.

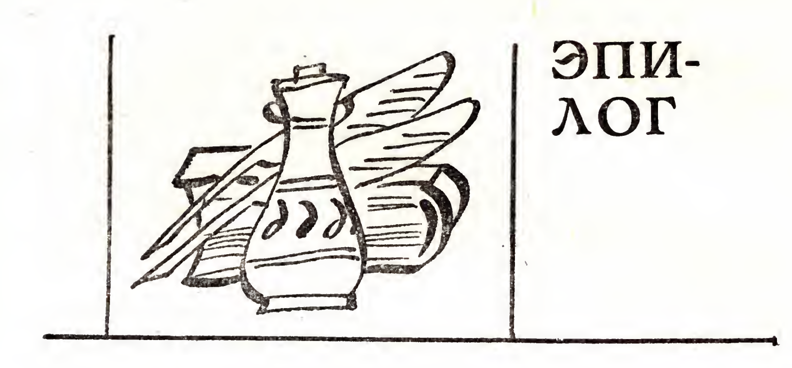
Потом Бейбарс пошел обратно в Зал Приемов. Беи и эмиры, которым отдал он страну Миср, пили красное александрийское вино. Из высоких золотых чашек пили они, которые берут в пирамидах, и твердые коричневые бугры были у них на руках.

Чашка Барата стояла пустая. Бейбарс сам налил ее,

выпил и вышел в сад. Эмиры молчали, скованные непониманием...

Так умер Бейбарс Эль-Мелик-эд-Дагер, четвертый бахритский султан, по прозвищу Абуль-Футух, победитель монголов и крестоносцев. С 1260 по 1277 годы от р. Хр. правил он страной Миср. И плакали люди страны Миср, и с минаретов кричали его имя раньше имени бога, и святым стало в стране Миср все, чего он касался.

И как жил он, так и умер — чтобы не знали, где его могила. В Дамаске показывают ее, и в Эль-Кахире, и в других местах...

ЭПИЛОГ

Это случилось в год смерти Бейбарса...

Твердый красный песок был вокруг, потрескавшийся от белого солнца. И горькая белая трава. Ничего больше не было в мире...

С четырех сторон налетели монголы на маленький род Берш. Падали кипчаки, потому что с четырех сторон летели к ним легкие стрелы с жесткими черными перьями. Быстро связали монголы живых мужчин. Молодых женщин они тоже связали и положили в толстые шерстяные мешки на седлах. Длинногривых кипчакских лошадей монголы согнали в один табун. Только больных и стариков не взяли они. И маленьких детей не взяли, которых нужно долго кормить, чтобы продать. Это были дикие монголы, которые не знали Великого Хана в Каракоруме.

И высокого старика со шрамом у левого глаза не взяли монголы, который пришел утром. Старик пришел откуда-то и сел у огня крайней семьи. Ему дали поесть, и не спрашивали ничего, потому что он молчал. И старик не поднял руки, чтобы закрыть лицо, когда ударил его камчой молодой красноглазый монгол, потный от крови.

Он стоял и смотрел, как убивали монголы, как вязали они мужчин и валили на песок женщин. И молчал старик.

И когда умчались монголы, ничего не осталось у кипчаков. Совсем мало их было, старых и больных. Они за-

сыпали красным песком мертвых и зажгли собранную в кучи сухую горькую траву емшан. И заплакали они все, и подняли руки к белому солнцу. Высокий старик поднял со всеми руки, и лицо его было мокрое.

А когда стала краснеть от вечернего солнца белая трава и почернел красный песок, высокий старик собрал оставшихся. И они пошли за ним, ничего не спрашивая...

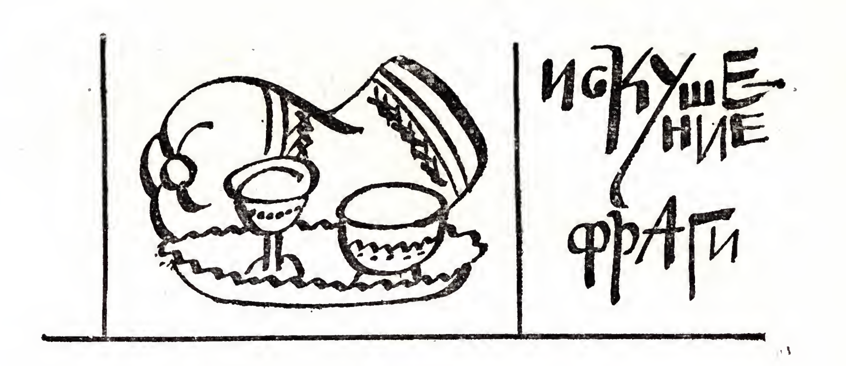
Он вел их к Северу, где были холодные леса, которых не любят монголы. Зеленые точки были совсем близко в горькой темноте, и они прижимались друг к другу. Тихо шли они, и только мальчик на руках у одной старухи все плакал и тянул назад руки:

— Ку-у-ке-е!..

Так слово победило человека... По-разному рассказывают об этом в Красных Песках: путают имена и страны. И русский летописец услышал только один рассказ о белой горькой траве, запаха которой не в силах забыть человек [1]. А Красные Пески большие...

---

[1] Речь идет о Волынской летописи.

Нет, он был совсем не такой... Голова — вполоборота, сжатые губы... Да, он был горд, но никогда не держал так голову. Ведь он был очень умен.

А каменная властность в очертании губ... Он знал свою власть над людьми. Но это была не та власть, от которой так презрительно и брезгливо складываются губы.

И непреклонность — полная, не признающая возражений... Разве мог быть таким поэт, который всегда мучается, сомневается? А он был настоящим поэтом. Иначе не пели бы уже двести лет его песни.

В парке играют дети. Вокруг шумит яркий Ашхабад. А юноша в вышитой рубашке, по-видимому студент, уже добрых десять минут разглядывает памятник. В глазах — раздумье. Едва заметно пожав плечами, он отходит...

Таким был совсем другой человек. Это он держал так голову, слегка повернув ее на короткой шее. Самодовольно и пренебрежительно кривились его губы. Весь подобравшись, готовый вылезть не только из халата, а из своей шкуры, слушал его собеседник. А поэт сидел в стороне и в который уже раз приглядывался к знакомому лицу.

Как хорошо он знал и как ненавидел это гладкое лицо с сероватыми нетуркменскими глазами. Сколько раз он слышал властный голос, гулкий и сильный, как из нутра хивинского карная. Сейчас он думал над тем, откуда берутся такие люди.

Поэт заметил, что губы его кривятся, как у хозяина дома. Он невольно повторял жесты, движения людей, когда хотел понять их. Думая за другого, он порой забывал о себе.

Но с Сеид-ханом это не получалось. Он мог в точности повторить каждое его движение, но что думал этот человек, не представлял себе. И не потому, что очень уж сложным был Сеид-хан. Его желания просты и ясны для каждого, как желания любого зверя, который хочет рвать зубами живое мясо. Просто они совсем разные люди — поэт и правитель этого края.

Вот хозяин встал с подушки и выпрямился во весь свой маленький рост. У этого человека, одного имени которого боялись люди, были узкие плечи, непомерно большая голова и короткие ноги. Но держаться он старался прямо, и от этого зад его оттопыривался, как у маленькой обезьяны. У поэта мелькнула мысль, что во всем виноват низкий рост. Он не раз в жизни замечал, что люди маленького роста хотели казаться большими, страшными. От этого росли в них самолюбие, подозрительность, жестокость. В каждом встречном они видели врага, готового смеяться над их ничтожеством. Поэтому они зло мстили большим людям, старались унизить их... Но нет, все это не так просто. Сколько встречал поэт маленьких людей с большим сердцем!

Сеид-хан прихрамывая прошелся по ковру, потрогал дорогую афганскую саблю, которая по перенятому у арабов обычаю висела на стене. Как каждый трусливый в душе человек, он очень любил оружие. Вот и халат на нем всегда военный. А ведь этот человек никогда не сидел в боевом седле. Когда-то, лет двадцать назад, при осаде Исфагана, он доставлял лошадей для разбойничьих отрядов Каджаров [1]. С тех пор он считает себя военачальником — сердаром. И хромает он не от боевой раны. Кто знает, где прошла его юность, где подобрали его Каджары, когда еще только мечтали о шахском троне...

Сеид-хан вернулся и сел на подушку. Он старался не хромать и поэтому дергался при ходьбе, как парализованный. А в народе его так и называли Хромым. Правда, здесь, в городе, при разговорах друг с другом его еще звали Яшули — Глубокоуважаемый. Но какая нехорошая

---

[1] Каджары — шахская династия (XVIII—XX века).

улыбка появлялась у людей, когда они применяли по отношению к этому человеку такое хорошее слово.

Кем стал бы Сеид-хан, если бы не нашли его Каджары? Поэт мог представить его мирабом, торговцем или просто погонщиком верблюдов. И был бы он таким, как все мирабы, купцы или погонщики с их обычными человеческими слабостями. Может быть, труд поднял бы со дна его души и доброту и жалость к людям. Страшная власть над людьми, над их жизнью и смертью, детьми и имуществом сделала этого человека таким, каким стал Сеид-хан. И как быстро начинают верить ничтожные, злые люди, что они родились повелевать.

Гость Сеид-хана снова заговорил о своих делах, заглядывая, как большая голодная собака, в самые его глаза. Это был здоровый, сильный человек с красивым мужественным лицом. Когда на таких лицах видишь угодливость и раболепие, противно становится жить.

Там, в приморских аулах, которыми правил Мамед-сердар, много было людей, отравленных дьяволом власти. В глаза они льстили ему, но что ни день посылали доносчиков к Сеид-хану и самому шаху. Они съедали его заживо, как жадные гиены. Съедали точно так, как он сам съел своего предшественника. От Сеид-хана зависело, сколько еще времени ему быть правителем. Глядя по-собачьи в глаза Сеид-хана, Мамед-сердар старался угадать его решение.

Подходили новые люди. Одним Сеид-хан собственноручно бросал бархатные подушки, других приглашал сесть простым кивком головы.

Поэт хорошо знал всех их. Вот по правую руку Сеид-хана тяжело опустился на подушку Какабай-ага — гора разбухшего мяса. Это давнишний друг и, кажется, родственник Сеид-хана. За спиной его неслышно присел тощий Мухамед Порсы, его верный помощник. Время от времени он что-то шептал хозяину, и тот жмурился. Этого хитрого шакала ненавидели и боялись больше самого Какабая — правителя города и окрестных аулов. Все знали, что Мухамед, как хочет, вертит своим заплывшим от обжорства ленивым хозяином.

Слева от Сеид-хана сидел Дурды-хан, свирепый властитель горного края. Маленький, злой, он чем-то был похож на Сеид-хана.

Уверенный в себе, прямо и важно сидел на подушках чернобородый, узкоскулый Ходжамурад-ага. Сам Сеид-хан почтительно передавал ему пиалу с чаем. Небольшой род Ходжамурад не платил никаких налогов, не выставлял даже всадников для шахских набегов. Сам пророк Мухамед считался его основателем. И люди Ходжамурад во время кровавых войн ездили в Хиву, Бухару и Иран. Никто не смел поднять на них руку. Это был род святых ишанов и купцов.

Но поэт знал, что святой Ходжамурад-ага еще в молодости утопил в Атреке двоюродного брата, стоявшего на его пути к власти. А совсем недавно его поймали с чужой женой, и он откупился от мести жизнью невинного человека. Шепотом говорили об этом друг другу в городе.

В ряд сидели по степени своей власти над живыми людьми другие сердары и правители: Ходжагельды-хан, Коушут-ага, Сапарли-хан... Каждый из них готов был разорвать Сеид-хана, чтобы занять его место на бархатной подушке. Но все они сидели тихо, глядя ему в рот.

Тугие толстые животы, блестящие от терьяка глаза, дрожащие руки. В одно страшное оскаленное лицо сливались они в глазах поэта. О, как бы он рассказал о них в своих песнях! Как с разных сторон показал бы их людям! У поэта сжались кулаки и загорелись глаза...

Но вот плечи его снова согнулись, кулаки постепенно разжались. Пришедшие на ум слова сразу как-то потускнели и потеряли свое значение. Глаза его стали обычными, как у всех сидящих на огромном гокленском ковре в доме Сеид-хана. Сейчас поэт уже не был тем глупцом, которому так много доставалось в молодости. Долгие годы гонений и скитаний сделали его мудрым. Что ж, таков мир, где сильный гнетет слабого. Человек рождается для страданий. Так было и будет. Как он не мог понять такой простой мудрости жизни! Ведь многие его друзья поняли это уже в двадцать лет, другие к тридцати, а ему...

Ему скоро пятьдесят. И песни поэта давно полны тем, за что через много лет умные осторожные люди назовут его творчество «противоречивым».

Поэт снова обвел взглядом сидящих. Сейчас они уже не казались ему такими плохими. Видно, они лучше его понимают смысл жизни. Где-то в глубине души поэту было приятно, что его пригласили на совет правителей.

Он быстро отогнал от себя эту мысль и с достоинством выпрямился. Тонкие губы наблюдавшего за ним Мухамеда скривились в нехорошей усмешке...

Хивинский хан обрушил свой гнев на йомудов. Так было всегда, когда они за воду не платили кровью. Йомуды снова не дали всадников для большой ханской войны на Севере. Тогда хан закрыл каналы. Йомуды открыли воду силой, и хан наказал их. Все хивинское войско прошло по их землям, и сейчас живые бегут сюда. По дороге хивинцы напали и на балханских теке. Хан сказал, чтобы между Бешеной рекой — Джейхуном и землями шаха не осталось ничего живого.

Это рассказывал Дурды-хан, и голос его был спокойным. Он понимал хана Хивы.

Как принять беглецов? Голодные и жадные, они ничего не принесут с собой. И, пройдя Черные Пески, остановятся ли хивинские всадники на виду у Хорасана?

Каждый говорил, наклонив голову к Сеид-хану... Пусть идут на Мангышлак. Пропустить, пусть идут в земли курдов. А хан Хивы не посмеет тронуть людей, которые служат льву Ирана. Молчал лишь Дурды-хан. Поэт слышал, что в горах уже тайно перехвачены две сотни йомудских кибиток. Снова на невольничьих рынках Измира и Дамаска появятся бритые туркменские головы.

Жизнь темная, жуткая, и не видно в ней просвета. Аллах проклял эту землю. И поэту можно петь лишь о воле рока. Нечего волновать людей несбыточными мечтами. Все на свете преходяще. Рабом или шахом родится человек — его ждет могила. Она ждет и поэта. Все чаще думал он теперь о смерти, и губы его шептали красивые и безнадежные слова.

Такие слова из века в век повторяли здешние поэты. А когда им становилось невыносимо тяжело, они начинали петь о радости минуты, о счастье быть с любимой, пить запретное вино и погружаться в мрак пьяного небытия...

Сеид-хан по установившемуся обычаю выслушал всех. Потом принял решение. Да, пусть идут куда хотят. Не пускать йомудов в гокленские селения, под страхом смерти не давать им ни воды, ни лошадей. Объявить об этом во всех аулах. Пусть видит хан Хивы, что нет у нас с ними ничего общего.

Сеид-хан не успел закончить, как его перебили.

— О, мудрый повелитель! — вскричал Караджа-шахир.

Поэт, уйдя в свои думы, не заметил его прихода. Круглый, гладкий, с жирным холеным лицом и черными глазами, Караджа-шахир был похож на бойкого преуспевающего купца из Тавриза. Он и занимался самой постыдной торговлей — торговлей словом. Поэт помнил его еще красивым мальчиком, который умел петь хорошие песни. Но Караджа-шахир еще в пятнадцать лет понял мудрость жизни, которую до седых волос в бороде не мог понять он. Сейчас у Караджа-шахира три дома в городе и добрых пять или шесть тысяч овец в горах. Правда, он совсем разучился владеть словом. Но зачем это ему: за кусок хлеба и крышу над головой сочиняют для него хорошие песни другие люди. И на советы правителей и вождей родов его зовут уже много лет. А поэта, чье слово знают в Хиве и в Багдаде, позвали только сейчас.

Почему же они наконец позвали его? Нет, неправда, он ведь, как и раньше, пишет прекрасные стихи. Но писать почему-то стало труднее, он долго не может найти слово, злится на себя, на всех. Все чаще он уже не ищет этого слова, а пишет обычное.

Может быть, это старость. Но не такой уж он старый. Или... мешает, что он понял наконец простую мудрость жизни? Рано или поздно ее начинают понимать все, даже поэты... Почему же его стал звать Сеид-хан на свои советы?!

Ели плов из розового ханского риса. Потом слушали песни Караджа-шахира. В них было много одинаковых женщин с тугими толстыми ногами, розовым телом и длинными змеями-косами. Пел он, смачно причмокивая, как будто расхваливал этих женщин для продажи. У старого Хошгельды-хана изо рта капали слюни.

Сеид-хан на прощание милостиво пошутил с поэтом. И поэту снова стало приятно...

Он шел к своему дому и думал об этом. Да, ему стало приятно. Как все же слаб человек!

На улицах было людно. Город готовился к завтрашнему базару: ехали груженые арбы, гнали скот. У городского водоема дорогу поэту пересекла красивая армянка

с кувшином на голове. Он посмотрел ей вслед и вздохнул. Раньше, видя красивую женщину, он расправлял плечи и ловил ее взгляд. Ему нравилась жизнь. Он считал, что аллах поступил мудро, создав ее такой. Теперь при виде женщины он как-то сразу ощущал грузность своего тела, седину бороды и стыдился самого себя. В молодости он привык к быстрым женским взглядам, внезапно вспыхивающему румянцу на их лицах, ответным улыбкам...

Пройдя вверх по улице, поэт остановился передохнуть. Тяжело поднималась и опускалась грудь, сжималось и ныло сердце. Уже два или три года чувствовал он эту тупую боль в груди.

Жил он на окраине, в ауле, где всегда селились туркмены. Узкие, пыльные улицы города не нравились им. Там жили тюркские, иранские, армянские купцы, сборщики пошлин, писцы, менялы. Лишь совсем обедневшие или изгнанные из своих родов туркмены шли в город. Сдавленные высокими дувалами, оглушенные непривычным шумом и суетой, они быстро чахли, начинали кашлять кровью и умирали, тоскуя по тишине песков.

Зато здесь, на окраине, им было легче. Отсюда видны были голые красные горы, а через ущелья ветер приносил родные запахи емшана, горькой колючки и раскаленного песка. Да и дома здесь строились дальше друг от друга. Они были сделаны из вязкой каменной глины, с узкими щелями для света. Но возле каждого дома стояла крытая шерстью легкая кибитка. Огромные желтые собаки с квадратными мордами стерегли покой семьи.

Каждую осень кибитки разбирали, грузили на верблюдов и уходили на север, в Черные Пески. Оставались лишь самые бедные в роду, кому не нужно было заботиться об овцах и верблюдах. Они уже навеки связали себя с землей и копались в ней, как черные жуки.

Таким был сосед поэта — Сахатдурды. Он и сейчас работал возле своего дома. Поэт остановился и долго смотрел на земледельца. Стоя по колено в воде, тот выбрасывал лопатой мокрую серую землю, перекрывая в нужных местах арык. . . Это был совсем другой мир, ничем на похожий на мир Сеид-хана. Сахатдурды нисколько не интересовало, кто будет правителем города: Какабай-ага или Сапарли-хан, который хочет занять его место. Он знал только, что, когда едет правитель, лучше убираться с дороги.

Но при этом он родственно связан с Ходжамурад-агой. Ведь Сахатдурды тоже принадлежит к этому святому роду. Но он не купец и не ишан. У него нет даже лошади. Когда надо защищать интересы рода, ему дают коня богатые родственники. Но скоро сосед выбьется из беды. Сам Ходжамурад-ага берет его дочь в жены.

А вот и девочка. Ловкими движениями выгребает она горячую золу из тамдыра. Как красивы и быстры ее движения! Поэт и не заметил, как выросла дочь соседа. Она повернулась и глянула в его сторону такими глубокими черными глазами, что страшно смотреть в них. И какая-то неженская смелость в ее взгляде. Нет, не у газели такие глаза. У газели они красивые, но пугливые и бездумные.

Уже много лет самых красивых женщин забирает себе род Ходжамурад. И никогда еще ни одна женщина не ушла из этого святого рода.

Девушка прошла к дому, и он заметил на шее у нее кольцо из серебряной проволоки. Значит, она уже обручена. Никто, кроме Ходжамурад-аги, не станет теперь ее мужем...

Дома он сел за работу. Тонким подпилком резал он темноватый серебряный диск. Гульяка — нагрудное украшение женщины — была почти готова. Причудливые разводы и узоры расходились от середины круга. Оставалось вытравить отверстие и вставить прозрачные багряные камушки, которые привозят купцы с берегов Кульзума — Красного моря.

Он был хорошим мастером по серебру, но не любил свою работу. Она требовала усидчивости и терпения, а он с детских лет был нетерпеливым. Но за песни и стихи, которые знали все, не платил никто. Один убыток приносили они поэту. Он был ученым муллой, познавшим свет духовной науки в знаменитом медресе Ширгази. Только молитвы о браке люди почему-то старались заказывать муллам, не сочинявшим стихов. Их молитвы казались вернее.

Немного поработав, поэт отложил гульяку в сторону и взялся за ножны от боевой сабли. Сверху донизу были они изрезаны чудесными узорами, перевитыми тонкими замысловатыми линиями. Они чем-то напоминали его стихи: такие же плавные, выразительные, полные глубокой внутренней силы. На стыках узоров сверкали дорогие

камни, но не красные, а черные и синие. Это были ножны от его сабли, которая переходила из рода в род, пока не пришла к нему. Зачем ему сабля и ножны? Он вспомнил родовую заповедь. В бою эта священная сабля может стать на локоть длиннее, чтобы нанести последний удар врагу истинной веры. Кому он передаст ее, если в доме его не слышно детского крика?

Но это была работа для души. Очень уж не любил поэт работать на заказ. Поэтому он отложил в сторону гульяку и принялся вырезать узор на ножнах.

Равномерно и тихо двигался по послушному металлу подпилок. Мысли постепенно отвлекались от всего, что его мучило.

Наступил час вечерний молитвы. Он долго бездумно стоял и не мог сосредоточиться. Губы его шептали принятое обращение к аллаху, а мыслей не было. Снова тяжело ныло сердце...

Ночью он лежал с открытыми глазами и смотрел в откинутую дверь кибитки на небо. Как сложен мир, который казался ему раньше таким простым. И что такое мир? Он изменчив, как бегущая вода. Каждый видит его по-разному. У его соседа Сахатдурды один мир, у него самого — другой, у Сеид-хана — третий. Какой же из них настоящий, созданный аллахом? Он знал, что богохульствует, гнал от себя грешные мысли, но они приходили снова и не давали ему спать.

Никогда еще не чувствовал он себя таким слабым, жалким и беспомощным. Не было просвета в этой жизни. Волей аллаха послана она как испытание людям, и ей нужно покоряться.

На следующий день к нему в гости пришел Мухамед Порсы, помощник правителя города. Он ел мясо, аккуратно поддерживая его куском лепешки, и умно расхваливал поэта...

Они не любили друг друга. Мухамед сам когда-то пробовал стать шахиром. И как всякий неудачник, он жестоко ненавидел людей, которым дал аллах высокое искусство владеть словом. Ничего нет страшнее и мучительнее этой ненависти. Как змея, сосет она и гложет сердце завистника, и нет ей утоления. А поэт просто не любил бездарных людей.

Сколько подлостей делал ему этот тощий желтолицый человек! Но вот сейчас он хвалил поэта, и тому это нра-

вилось. Не таким уж ничтожным начинал казаться ему Мухамед. Поэт снова подумал о слабости человека.

Зачем все же пришел к нему этот хитрый Порсы? Прошло то счастливое время, когда поэт без разбора верил людям.

Мухамед издалека подошел к делу. Он долго говорил о мудрости Сеид-хана, о его благородстве. Имея дар, он обязательно прославил бы его в стихах. Сеид-хан, конечно, оценил бы это. Он простил бы даже песни, приписываемые поэту. У кого не бывает заблуждений в молодости! Кстати, скоро Сеид-хан устраивает большой той. Если бы спели там хорошую песню, хозяин остался бы доволен.

Поэт вежливо поблагодарил гостя за совет. О, он понимал этого человека! Как хотелось ему, чтобы поэт при всех показал, что он ничем не лучше его самого!

И опять после ухода гостя тяжелой волной навалилась грусть. Не та прозрачная грусть, от которой сладко ноет сердце, а мутная, безысходная... Что же, Мухамед умнее его. Так же, как Караджа-шахир, он раньше и глубже понял смысл жизни. Не имеющий никаких достоинств, этот человек лучше устроил свою судьбу, чем он, владеющий высоким даром аллаха. И что такое ум? Самым умным человеком в этих краях считался когда-то его отец. Но поэт хорошо помнит шемахинского торговца Мустафу, который каждый раз обманывал отца в цене и локтях при покупке тканей. Кто же из них был умнее — невежественный Мустафа или его отец, постигший глубины науки ислама и обучавший других? Мустафа лишь усмехался про себя. Отца поэта, конечно, он твердо считал самым большим дураком в городе.

Но что же делать? Как он сможет написать что-нибудь доброе в честь Сеид-хана? Поэту сразу ярко представилось: он идет по улице, и люди смотрят ему в глаза. Горячей волной прилила кровь к лицу. И тут же увидел другие глаза: Какабай-аги, Сапарли-хана, Мухамеда. Какое в них тайное самодовольное торжество! А какие разговоры пойдут по аулам — ведь той будет большим.

Нет, не напишет он! Пусть не думают, что у благородного волка выпали зубы! У него снова сжались кулаки. Он вскочил на ноги и заходил по мягкой кошме. В голове лихорадочно рождались гневные, едкие слова.

Но поэт обманывал себя. В глубине души он уже знал, что напишет стихи к празднику Сеид-хана. Он знал это, как только заговорил Мухамед. Он стал ходить медленнее, остановился, постоял немного и сел.

Ночью он опять лежал с открытыми глазами и уже прямо думал о том, как писать. Не будет он, конечно, славить хана, валяясь в прахе у ног его, как Караджа-шахир. Просто он опишет охоту, умение хана терпеливо ждать в засаде хищного зверя, твердость его руки. Это не будет ложью. Говорят, Сеид-хан — хороший охотник...

Утром он выпил чаю, съел лепешку с виноградом и сел писать. Два раза откладывал он жесткий свиток и снова возвращался к нему. Потом дело пошло лучше. Он увлекся, как увлекался иногда обычной резьбой по серебру. Ровные красивые слова текли из-под белого пера и сами вели его. Так раньше не было. Он писал и одновременно как бы со стороны наблюдал за собой, за своими мыслями, ощущениями...

Все это было не так трудно, как казалось. Он перечитывал, и ему даже нравилось написанное. Промелькнула мысль: пускай Караджа-шахир попробует так написать.

Писал он весь следующий день. И увлекался все больше, не переставая холодно наблюдать за собой. Из всего написанного могла родиться мысль, что человек, умело и храбро убивающий зверя, такой же уверенной и мудрой рукой правит людьми. Он заколебался — развивать ли дальше эту мысль? Но скоро утешился: услышав его стихи, Сеид-хан сам захочет быть хорошим и добрым. Но все же поэт решил, что не прочитает хану последние стихи.

Это случилось внезапно, как удар грома в горах. Был праздничный солнечный день. Спокойным, размеренным шагом шел поэт к дому Сеид-хана. В руках его был тугой свиток со стихами. А другой, поменьше, в котором славился хан — правитель людей, он спрятал под халатом. Но достать его можно было сразу.

И вдруг наступила тишина. Такая тишина, что перестало биться сердце. Поэт медленно повернулся и увидел их... Они ехали посередине улицы, ряд за рядом. Осторожно опускались в мягкую дорожную пыль конские ко-

пыта. И на каждой лошади, по одному и по двое, сидели мальчики без рук.

Это было до того противоестественно, что крик замер в горле. А они все ехали, безмолвные йомудские мальчики. Там, где у всех кончаются запястья, у них краснели клочья ваты. Всадники хана Хивы обрубили им руки, чтобы никогда не смогли они держать кривые сабли.

Сколько их было: десять или сто?.. Кто мог пересчитать их! Ему казалось, что всем детям на земле отрубили руки, и они едут сейчас перед ним по этой пыльной улице нескончаемыми рядами... Как всегда, высоко несли свои головы измученные до смерти благородные кони. А дети сидели на них тихо, с сухими, широко открытыми глазами...

Вел их высокий, совсем юный текинец. Он тихо ехал впереди на черном ахалском коне. Красный полосатый халат его сверху донизу вспороли страшные сабельные удары. Он весь был залит кровью, своей и чужой. В крови было лицо, и даже белый высокий тельпек был в красных пятнах. Но ехал он ровно и спокойно. Только горели черные глаза.

Один из всего рода отбился он от хивинских всадников. На старом заброшенном колодце нашел умирающих детей, перевязал их раны и повел за собой. По дороге к ним пристало несколько уцелевших от хивинцев човдурских и текинских семей. Днем они лежали в горячей пыли барханов. Когда становилось темно, текинец по очереди усаживал мальчиков на коней. Ночь за ночью в призрачном свете луны двигались через Черные Пески скорбные молчаливые тени. И сейчас они пришли к людям...

Молча стояли люди вдоль дороги. И ни одна рука не притронулась к сердцу, чтобы произнести слова приглашения. Они знали, что значит нарушить приказ наместника Каджаров.

Вот дрогнул и зашатался конь, на котором сидел безрукий мальчик. Другие лошади остановились. Они беспокойно поводили ушами, не понимая, что происходит. Лошади не помнили случая, чтобы после тяжелой дороги в песках их не поили и не кормили в зеленых селениях. Лишь безрукие дети ничему не удивлялись и напряженно смотрели куда-то вдаль.

Как будто легкий ветер прошел по толпе. Сотни твердых мужских рук, не спросясь разума, потянулись к падающему калеке-ребенку. Но тут же рванулись обратно: каждый вспомнил, что рядом, за спиной, стоят свои дети. Прямо перед людьми горячили свежих, сытых коней Сеид-хан и его гости. С праздничного тоя прискакали они сюда, прослышав об этих мальчиках. В высоких бархатных седлах сидели маленький Дурды-хан, налитый тяжелой кровью огромный Какабай, синегубый старый Хошгельды-хан...

Лошади постояли и медленно тронулись с места. В душной тишине едва слышно захлопали мягкие удары копыт по теплой пыли. Падающая лошадь последними отчаянными усилиями пыталась оторвать колени от земли. Она билась на пыльной дороге, и в кротких безумных глазах ее стояли слезы.

И вдруг прямо через дорогу прошел человек. Он подошел к лошади и снял с нее больного ребенка. Потом, не обращая внимания на Сеид-хана, повернулся и посмотрел на людей. И люди сразу бросились к детям. По двое, по трое они уводили их в разные стороны. Живое, яркое солнце светило над землей!..

Сеид-хан молчал и только, сощурившись, смотрел на поэта. А поэт просто забыл про него. На руках у поэта, запрокинув голову, лежал больной ребенок. И что по сравнению с этим безруким мальчиком все остальное в мире!

Сеид-хан и его гости, не зная, что делать, не трогались с места. Лишь Дурды-хан не спускал с поэта глаз. Но он не смел ничего сделать. Когда последнего безрукого ребенка увели с дороги, Дурды-хан начал яростно хлестать камчой собственного коня. Он рвал страшными ударами гладкую лошадиную спину и не отпускал поводья. Обезумевший конь храпел и крутился на одном месте. Клочья кожи и кровь падали в мягкую пыль. Белая пена закипала на лошадиной морде.

Мальчик тихо плакал и метался в тяжелом сне. Но какой сон мог присниться ему страшнее жизни? Поэт не помнил, сколько времени сидел он так и молча смотрел на спящего ребенка. Неслышной тенью входила и выходила его жена. Женщина с помутившимся разумом, она

досталась ему после смерти старшего брата. Когда его любимую, его Менгли, отдали другому, он не представлял себе, что может быть на земле большее горе. Сколько жгучих стихов написал он об этом страшном горе! Но разве мог он себе представить тогда настоящее человеческое горе? То, что явилось сейчас к нему в дом с безруким йомудским мальчиком?

После многих лет скитаний он снова встретил Менгли. В груди шевельнулось что-то, заныло сладкой болью. Но не эта самая обычная женщина с узким лбом и широкими скулами была тому причиной. Просто он вспомнил молодость. А потом он каждый день встречал Менгли, и в груди его было пусто. Где-то в юности затерялась стройная темноглазая гокленка, единственная на свете...

А вот это горе не пройдет даже с его жизнью. Мальчик плакал и водил во сне руками. Ему казалось, что он хватает ими что-то.

Комок подкатил к самому горлу поэта. Он поднес руку к глазам и увидел, что они влажные. Но на этот раз поэт не вскочил с места и не сжал кулаки. Он медленно придвинул светильник и взял перо. Глухая ночь была вокруг. Прямо перед ним горел и метался на одеяле больной ребенок. А он писал, и казалось, само его сердце исходило словами. И он понял, что никогда еще не был откровеннее с аллахом.

Слезы и кровь текут по земле. И Фраги плачет с вами, люди. Это слезы Фраги и кровь Фраги. Потому что он — человек...

Он сам не заметил, откуда пришло это слово: Фраги — Разлученный со счастьем. Но никаким другим не назовет он себя отныне. Ведь рядом был безрукий мальчик.

И Фраги не только плакал. В раскаленных словах обнажал он ужас жизни... Поэт не мог с ним мириться...

Повеял утренний ветер. Ребенок успокоился и дышал ровнее. Откинув руку с пером, Фраги смотрел на пробуждающийся мир.

Что-то твердое давно уже давило ему в бок. Он сунул руку под халат и вытащил свиток со стихами в честь Сеид-хана. Какими маленькими и ничтожными показались ему сейчас мысли и сомнения, мучившие его в последние дни! Да, высокий дар аллаха для человека одновременно и наказание. Как бы низко ни хотел он согнуть голову,

талант выдаст его. Дар аллаха сильнее слабого человека. В этом проклятие таланта... И в чистое утро, сидя на простой белой кошме возле безрукого ребенка, Фраги всей душой возблагодарил аллаха за это его наказание.

Дрожа и давясь, ел мальчик теплую лепешку из его рук. Он далеко вытягивал тонкую шею и старался откусить побольше. За дверью послышался стук копыт. Зарычала собака. Мальчик сжался. Фраги вышел и увидел молодого текинца. Он почему-то был уверен, что текинец придет к нему, и не удивился.

Сейчас, когда джигит обмыл свои раны, он казался совсем юным, почти мальчиком. Но он был громадного роста, могучий и статный. В спокойных глазах его чувствовались сила и решимость. Это был мужчина, настоящий юный батыр. Фраги протянул ему руку и пригласил в дом.

Они почти не говорили друг с другом в эту первую их встречу. Текинец сказал, что будет пока жить у одного знакомого их семьи. Молча пили чай. Потом Фраги взял свиток и начал читать то, что написал этой ночью. Только ему, юному батыру, и мог он сейчас читать свои стихи. Гость никак не выражал своего отношения к ним. Но Фраги верил его спокойным глазам. Люди с такими глазами понимают поэзию...

Когда гость уходил, мальчик вдруг всхлипнул и прижался головой к его халату. И то, что сейчас увидел Фраги в глазах молодого текинца, огромной радостью отозвалось в сердце. Значит, есть на земле большие, сильные люди, которые могут любить и жалеть!.. А ведь он уже перестал верить в людей.

А когда они вышли во двор, случилось то, что каждый миг случается на земле. Молодой джигит и дочь его соседа Сахатдурды увидели друг друга. Фраги почувствовал это сразу. Лишь на одно мгновение встретились они глазами: юный батыр и девушка. Но могучая таинственная сила сразу связала их. Разве не самим аллахом была предуготована их встреча!

Девушка только на мгновение взглянула на джигита и сразу же быстро отвернулась. Она продолжала ломать сухие ветки саксаула, но движения, поворот плеч, вся она стали совсем другими. В спокойных до сих пор глазах

текинца застыло удивление. Даже рот был по-мальчишески приоткрыт. Как всякая женщина, она была мудрее его и поняла все сразу. А он еще ничего не понял...

Текинец сел на коня и еще раз растерянно оглянулся. А она посмотрела на него лишь тогда, когда он поскакал по пыльной дороге...

Ему вдруг до боли в груди захотелось увидеть Менгли. Она вспомнилась ему такой, какой была в их первую встречу. Неужели этот больной ребенок разбудил дремавшую в нем жизнь?! Все сегодня было не так, как в последние годы.

Мальчик снова заснул. Фраги погладил его по голове и вышел. Он не знал точно, куда и зачем идет. Но мысль рисовала глухой темный дувал, узкую калитку, дом, где живет она уже много лет.

Люди и раньше почтительно здоровались с поэтом. Но сегодня Фраги, оторвавшись от своих дум, увидел в глазах людей что-то необычное, давно забытое. Какое-то особенное уважение было в их приветствиях. Что же случилось? Или все просто кажется ему не таким, как всегда? И вдруг он все вспомнил: падающего ребенка, сощуренные глаза Сеид-хана, пену на губах Дурды-хана... До сих пор он не думал о том, что сделал.

Несколько раз проходил он мимо калитки в дувале. Никто оттуда не выходил. Обругав самого себя, Фраги решительно повернулся и пошел домой.

Идя через город, он встретил Мухамеда Порсы. Тот сделал вид, что не заметил поэта. Лишь по тонким губам его скользнула улыбка. Так, наверно, улыбались бы змеи, если бы могли.

Святой Ходжамурад-ага стоял возле лавки, где продавались женские украшения. Он ответил на слова привета, но тут же холодно отвернулся. Это был совсем плохой знак. Ходжамурад-ага считал для себя обязательным вежливо улыбнуться каждому человеку.

Да, теперь его не оставят в покое. Они не посмотрят на то, что он мулла. Но Фраги почему-то совсем не боялся сейчас их гонений.

Когда он переходил мост над мутной речкой, сзади послышался лошадиный храп. Конь прижал его к перилам. Он должен был ухватиться за них, чтобы не упасть

в воду. Прямо над собой он увидел бешеные глаза Дурды-хана. Маленький хан выругался и, чуть не задев его гибкой камчой, ускакал.

И тут Фраги испугался. Холодным потом залило спину. Но испугался не за себя. Ему вспомнились молодой текинец и девушка. Он вдруг ясно увидел весь ужас их положения. Гокленка и текинец, да еще из презренного рода бывших рабов. А она из самого рода Ходжамурад. И обручена! Ни на миг не появилась мысль у Фраги, что они могут забыть друг друга. Ведь он был поэт...

Текинец пришел на следующий день. Так же молча слушал он поэта.

И поэт забыл в эти дни обо всем на свете. Мальчик и стихи, которые он писал ночами, сидя возле него, были жизнью Фраги. Ребенок кричал по ночам.

Каждый вечер читал Фраги свои стихи юному батыру...

Вот лежат они, Черные Пески. Открытые всем ветрам, перемешанные с горькой солью, опаленные неистовым солнцем, как проклятие аллаха посланы они людям.

Самый несчастный народ на свете живет в этих песках. Рвут друг друга на части коварная Хива, хитрая Бухара и свирепый Иран. А самые страшные раны остаются на теле этого народа. За право пить воду его всадники идут впереди хивинских, бухарских и шахских отрядов. Чтобы не умереть от жажды, брат убивает брата. Текинцы, йомуды, гоклены, салоры на одном родном языке проклинают друг друга. И на том же языке плачут по мертвым сыновьям туркменские матери.

Не от ханов ждать спасения. Потерявшие облик человеческий, жадные и похотливые, они продадут отца за один милостивый кивок шаха или эмира. Слава тому батыру, который поднимет меч объединения!

Втянув голову в худенькие плечи, слушал стихи безрукий мальчик. Фраги увидел, что губы его повторяют слова. И в один из вечеров, когда они сидели так втроем, Фраги взял дутар, и мальчик тихо запел его песню.

Горло сжалось у обоих мужчин. Чистый, слабый голос ребенка пел горькие слова поэта. Казалось, сама эта бедная, измученная земля, такая неприветливая и родная, плачет в песне безрукого мальчика.

Но вот голос его стал крепнуть. В нем слышались железо и ярость мужественных стихов Фраги. И сабли сами вырывались из ножен, от грозного топота коней сотрясались Черные Пески, мщение и смерть настигали врагов!

А жизнь шла путями, намеченными аллахом. Ночью, выйдя к арыку, Фраги увидел две тени.

Маленькая яркая луна лила свой чистый свет. В белой таинственной мгле лежала спокойная земля. Бесшумно переливалась вода в арыке. Для чего-то прекрасного создал аллах эту лунную тревожную тишину.

Не таясь, в тени дерева, стояли и смотрели друг на друга текинец и девушка. Поэт знал, что они пришли сюда, не договариваясь. Ни одного слова в жизни не сказали еще они. Просто им нельзя было не встретиться.

Так и стояли они молча, боясь бога и всем своим существом благодаря его за дарованную жизнь. Какая молитва аллаха сильнее той, которую излучали их глаза?.. Было так тихо на земле, что он ясно слышал, как бьются их сердца. А может быть, это билось собственное сердце Фраги...

Кто имеет право мешать им? Поэт повернулся и медленно пошел к дому...

А днем он снова ходил у глухого дувала, и тревожной болью отдавался в сердце каждый стук калитки.

Фраги совсем забросил свое узорное серебро и только писал. И мальчик повторял во сне певучие слова.

В городе знакомые прятали глаза. А если останавливались для разговора, испуганно озирались по сторонам. Лишь простые люди окраины заходили сейчас в его дом.

Он снова пошел к арыку. Сидя на покатом берегу, текинец держал руки девушки в своих и говорил прекрасные, волнующие слова. Сердце поэта дрогнуло. Эти слова шептал он своей Менгли. Юноша не знал, чьи это стихи. Все влюбленные уже много лет считали их своими.

Сейчас луну закрывали синие тучи. Когда она на миг показалась, девушка подняла кверху глаза. В лунном свете блеснула вокруг ее смуглой шеи тонкая белая полоса. Это было кольцо обручения...

Спать он не мог. Со своей вечной Менгли, с самой

юностью виделся Фраги в эту ночь там, у арыка. Он снова переживал горечь разлуки, безумно ревновал ее к другому, сильному и богатому. Рыдания душили ему горло, как и тогда, перед вынужденной поездкой в Хиву. Лихорадочно вспоминая, повторял он забытые строки.

Нет, что-то не так сделали люди. Не рукою аллаха были написаны слова корана о женщине. Любовь, мир, жалость — все это олицетворено в ней богом. И пока будет она молчать в присутствии мужчины, не будет в мире добра и справедливости.

В этот раз он встретил Менгли. Она спокойно смотрела на него: обыкновенная, измученная заботами сорокалетняя женщина. Нос, рот с закушенным платком молчания, тяжелый борык на голове — все такое же, как у тысяч других.

Но что это? Увидев его глаза, юные глаза Фраги, она вздрогнула. Рука ее прижалась к сердцу. Знакомые припухлые губы выпустили платок. Широко открылись и чудесно заблестели большие глаза. Перед ним стояла его Менгли! Ничего, что возле дорогих глаз морщины, что щеки не горят молодым румянцем, что волосы стали серыми. Это была она. Они стояли и смотрели друг на друга, как двадцать пять лет назад. Потом, не сказав ничего, разошлись. Слова им были ни к чему.

Время бежало незаметно, как в юности. Фраги знал, что черные тучи сходятся над его головой, но не хотел думать об этом. Что для мира его маленькая судьба!

Он писал, читал написанное, слушал, как наливается оно живой болью и слезами в голосе маленького безрукого певца. Ему казалось, что они вечно знали друг друга: поэт, мальчик и батыр. Мальчик как-то вытянулся за эти дни, печать глубокого страдания сделала его старше. А батыр, большой и сильный, был спокоен. Но кто лучше Фраги знал, что скрывается под этим спокойствием!

Выходя к арыку, он не видел их в лунном сиянии. Они уходили в тень дерева. Так и должно было быть...

В последний раз Фраги показалось, что не один он

наблюдает за влюбленными. Когда он шел обратно, от кустов с этой стороны арыка метнулась чья-то тень. Люди снова вмешивались в дела бога...

Впервые юный батыр опустил глаза. Уши его горели, и он не знал, куда деть свои руки: большие, железные руки воина. Но вот он посмотрел прямо в глаза поэта и попросил выслушать его просьбу. Фраги знаком остановил его и молча кивнул головой.

Долго сидел он так, глядя в огонь светильника, а текинец, сдерживая дыхание, ждал. Наконец Фраги спросил, есть ли у него поручитель. Юноша открыл рот. Откуда этот человек знал, о чем он будет просить его? Наверно, он святой. Но Фраги был только поэтом...

У текинца был поручитель, лихой човдур, приставший к нему в пустыне после хивинского разгрома. Но где найти поручительницу краденой невесты? Какая женщина решится на это?! Фраги молчал и смотрел в огонь светильника. Он знал такую женщину.

Они сидели перед ним на праздничном ковре, смущенно отвернувшись друг от друга. Рядом с юным текинцем присел човдур, рослый мужчина со смелыми глазами. А со стороны девушки сидела Менгли. Не колеблясь, пришла она по зову поэта.

Фраги надел свой самый лучший зеленый халат. На голове его была ровно закручена снежно-белая чалма. С серьезной торжественностью задавал он положенные вопросы. Кто этот юный джигит? Кто был его отец? Кто был дед? Из какого он рода, и не было ли в этом роду недостойных? Не совершал ли сам он чего-либо недостойного мужчины?

Отвечал свидетель-поручитель. Он не скрыл ничего. Дед текинца был рабом. И до седьмого колена в его роду не было свободных. Сам же он достоин называться мужчиной. Фраги поднял руку и сказал, что труд раба так же угоден богу, как и труд свободного.

Потом отвечала Менгли. Да, отец, и дед, и прадед этой девушки из святого рода Ходжамурад. К самому пророку уходят его корни. Но девушка сорвала со своей шеи кольцо обручения... Фраги увидел, что тонкая сереб-

ряная проволока оставила на шее девушки розоватую полоску. Он сказал, что так было угодно аллаху.

Три раза обращался он по очереди к ней и к нему. Хотят ли они жить вместе по всем законам, установленным богом? И все три раза, как и следовало по закону, за них отвечали поручители. Тогда Фраги соединил их мизинцы и обратился к аллаху.

Никогда еще не делал он этого с таким самозабвением. Немало в жизни соединял он супружеской нитью стариков с молодыми, красивых с уродами, да и молодых с молодыми. Но делал это без вдохновения. Даже ника, молитву о браке, читал поэт скороговоркой, пропуская целые строфы...

Но сейчас он почему-то волновался. Пропустить одно слово в молитве казалось ему кощунством. Каждое слово бога, соединяющего этих двух влюбленных, хранило свой глубокий смысл.

Ровно горел светильник. Затаив дыхание, сидели люди. Лишь Фраги вполголоса говорил с небом. Именем своего доброго, мудрого человеческого бога утверждал он вечную связь этих двух жизней. Как никогда, был Фраги чист перед ним.

Люди перевели дыхание. Протянув вперед руки, он разъединил пальцы и объявил их мужем и женой. Теперь и безрукий мальчик был допущен в комнату. Човдур внес плоский казан жареного мяса. Из середины его достал он полусырое сердце барана. Оно было разрезано на две равные половины. Одну из них дали текинцу, другую — девушке. И, скрепляя свой союз по древнему обычаю Черных Песков, они съели это сердце, которое только что было живым.

Они вышли из дому. Дул осенний порывистый ветер. Тревожное небо было закрыто тучами. Два оседланных коня с курджумами у высоких степных седел стояли возле кибитки. Текинец и девушка поблагодарили всех, сели на коней и, стараясь не шуметь, уехали в ночь.

Човдур попрощался с поэтом, сел на своего коня и поскакал в другую сторону. Фраги повернулся и прижал руки к груди. Так же молча ответила ему Менгли. Потом она погладила по голове мальчика и, закрыв рот платком молчания, пошла к своему дому.

Долго еще стоял Фраги, прислушиваясь. Где-то в

предгорьях плакали шакалы. Он привлек к себе мальчика и вошел в опустевшую кибитку.

Утром на улице послышался глухой шум. Фраги вышел и увидел всадников. Человек сорок горячили коней возле дома Сахатдурды. Это был весь род Ходжамурад.

Степным растянутым строем помчались они к горам мимо его дома. Ни один не повернул головы в сторону поэта. Фраги стоял и молча смотрел им вслед. Он знал, на что идет. Ни с ним, ни с его детьми и внуками не заговорит теперь человек из святого рода. Никому не прощал этот род своих обид. И никто никогда еще не наносил такого страшного оскорбления роду Ходжамурад!

Но что же они хотят делать? Ведь все уже знают, что слово бога связало текинца с девушкой...

Не легла еще пыль на дорогу, как новый отряд пронесся в сторону гор. У Фраги сжалось сердце. Он узнал гуламов — собственных стражников Сеид-хана, настоящих зверей в человеческом облике.

В городе встревоженно перешептывались. Когда он приближался, замолкали. На него смотрели с тайным ужасом. Люди не представляли себе, как можно совершить то, что он сделал. Теперь уже никто не подходил к нему. Молча проходил Фраги через город, не глядя на людей. Он понимал их и прощал.

На третий день весь город вышел к мосту. Люди смотрели вдаль и ждали. Мутная, пыльная мгла стояла в холодном осеннем воздухе. Плотной колючей стеной несло ее из Черных Песков. Туркменским дождем называли в городе этот слепой песчаный ветер.

Всадники появились из темной пыли, как будто их несло вместе с нею. Сейчас они ехали сплошной массой, конь к коню. У людей были злые, оскаленные лица. Они везли шесть трупов.

Мертвых положили возле чайханы, прямо на дощатый настил. Широкими красными полосами были иссечены их халаты. У старшего брата Сахатдурды чернело разорванное горло...

Они догнали беглецов к вечеру, на выходе из ущелья. Текинец повернул к ним коня. В страшном клубке сбились на горной тропе всадники. Когда они разъехались, двое остались на камнях. Снова бросились они к текинцу, и опять один остался лежать, разрубленный пополам.

Лишь в третий раз сумели они избежать его руки.

Старший брат Сахатдурды набросил на текинца тонкий ременный аркан. Все, кто был там, навалились на него. А он, опутанный, бился на земле, подминая их своим могучим телом.

И вдруг ослабел тонкий ремень. Поднялись на дыбы испуганные кони. Та, о которой совсем забыли, молча бросилась к державшему аркан. Это был брат ее отца. Он свалился уже на землю, а она все била его маленьким широким ножом.

Но в этот миг с звериным гиканьем налетели на них гуламы Сеид-хана...

Черный соленый песок мчался над землей. Их привезли к месту, где сходились дороги. Его отвязали от спины лошади, и он упал в пыль. Толстыми шерстяными канатами было опутано сильное тело текинца. Он молчал и смотрел вверх.

Потом раскатали плотную серую кошму и выбросили оттуда ее. Девушка сразу забилась, пытаясь разорвать, перегрызть веревку. Она каталась в пыли, и кровь текла из растертых веревками ран. Но когда их привязали спина к спине, она сразу успокоилась.

Сангсар-даш, Камень Проклятия, древний закон пустыни, осуждал их на это. Раз ею, обрученной, овладел другой, земля и небо отвернутся от них обоих. А людям остается одно: связать виновных и бросить на большую дорогу. И каждый, кто пройдет по ней, обязан во имя справедливости Черных Песков поднять самый большой камень и швырнуть в них. Так и умрут они, засыпанные камнями. И проклята будет самая память о них.

Но ведь эти двое были связаны словом бога! Не сильнее ли оно самых старых людских законов? Кому, как не роду Ходжамурад, знать это!

Сотни людей стояли в напряженном ожидании. Подъезжали и слезали с коней все новые люди из окрестных аулов. Толпа молчала. Только оборванный сумасшедший Мамед проклинал текинца. Он кричал, что всех этих теке и йомудов надо вырезать до одного, и нечеловеческие глаза его не могли на чем-нибудь остановиться. Люди слышали хриплый вой терьякеша[1] и ждали.

---

[1] Терьякеш — человек, употребляющий терьяк, грубый наркотик.

Но вот толпа заволновалась. Через мост от города рысью шли всадники. Это был Сеид-хан со своими людьми. Рядом с ним ехал сам святой Ходжамурад-ага. Они подъехали и остановились. Ходжамурад-ага неторопливо слез с лошади и сделал знак Сахатдурды.

Медленно вышел из толпы отец девушки, поднял круглый гладкий камень, размахнулся и бросил. Дочь смотрела прямо на него. Камень ударился в маленькую девичью грудь. Сахатдурды, не поворачиваясь, сделал несколько шагов назад и опустил руки... Ходжамурад-ага сдвинул брови, и уже несколько камней с разных сторон полетело в связанных. Сумасшедший Мамед подскакивал и радостно смеялся при каждом удачном ударе. Большинство камней не попадало в лежащих.

Вдруг те, кто уже размахнулся, застыли с камнями в отведенных руках. Толпа раздвинулась. Прямо напротив связанных стоял Фраги. На нем был все тот же зеленый халат и белая чалма на голове.

Люди пятились от него... Как он посмел прийти сюда?! Или этот неудачный мулла надеется, что белая чалма защитит его голову?

Но Фраги не надеялся ни на что. Он должен был прийти сюда с безруким мальчиком и видеть все с начала до конца.

Что для них слово бога! И что это за слово, которое так послушно воле этих людей!.. Все они смотрели на него: надменный Сеид-хан, тупой Какабай, слюнявый Хошгельды-хан, огромный Ходжамурад-ага. И со всех сторон глядели на него люди. Разные были у них глаза: злые и добрые, тупые и умные, мутные и честные. Прямо перед ним, как две черные звезды, блестели огромные девичьи глаза.

Только ровный гул холодного ветра стоял в воздухе. Чего они ждали от него? Чтобы он начал кричать, просить их, заклинать именем бога? Он знал, что все это бесполезно. Что им любые законы! Они не признали связанного им брака. Так они захотели. И мысли не должно появиться у людей, что можно безнаказанно нарушить их закон. И бог, их бог, всегда будет на их стороне. Ну, а его бог, добрый, человеческий?

Сам святой Ходжамурад-ага наклонился и поднял большой камень. Тяжело ступая, подошел он почти вплотную к ним и с силой ударил камнем в лицо текинца. Тот

даже не посмотрел на святого. А Ходжамурад-ага зашел с другой стороны, снова взял большой камень и бросил его в лицо девушки. Дикий вопль пронесся над толпой. Десятки, сотни камней полетели в связанных. Текинец бешено заметался, головой и ногами загребая глубокую дорожную пыль. Своим огромным телом он стремился прикрыть, защитить девушку от этих ударов. Но камни сыпались со всех сторон. Люди сразу озверели при виде крови. Пьяный от терьяка Мамед плясал и кривлялся. Он, кого не пускали на порог самого последнего дома, вдруг получил власть над жизнью и смертью двух людей. И он убивал их, как убивала бы связанного льва грязная, вонючая гиена. Рыча, вырывали друг у друга камни гуламы Сеид-хана.

Спокоен, как всегда, был лишь святой Ходжамурад-ага. Он поднимал камень за камнем и бил теперь одну лишь девушку. Громадный, злой, подлый старик убивал ее за то, что она не захотела его объятий.

Ветер усиливался. Все больше мутной соленой пыли нес он с собой. Фраги стоял и поверх этих беснующихся людей смотрел в грязное небо. Дрожа, прижимался к нему безрукий мальчик.

Связанные уже не двигались. А их все били и били камнями. Глухо ударялись они в неподвижные тела. Серая дорожная пыль слипалась от теплой человеческой крови. Только открытые глаза юноши были еще живыми.

Опрокидывая встречных, влетел в толпу маленький всадник. Это был опоздавший Дурды-хан. Человеческая кровь притягивала его. Раздавая удары камчой, он пробился к связанным и начал дико хлестать неподвижные тела. Тяжелый ременный конец камчи попал в открытый глаз текинца. Фраги опустил глаза и посмотрел на людей. И вдруг он увидел, что все они смотрят на него. Прищурившись, смотрел на него Сеид-хан, гаденько улыбались глаза Хошгельды-хана, непримиримым был взгляд Ходжамурад-аги. Даже Дурды-хан, избивая мертвых, глядел на него. Но самой лютой, открытой, всепоглощающей ненавистью горели глаза Мухамеда Порсы! Да, ведь он был неглупым человеком, этот Мухамед. И никто лучше его не мог чувствовать сейчас свое ничтожество...

Но вот ускакал Сеид-хан со своими людьми. Толпа быстро начала расходиться. Те, кто бросал камни, как будто очнулись от пьяного сна. Теперь они не смотрели

друг на друга и не знали, куда деть руки. Люди искали своих коней, спеша поскорее покинуть место убийства.

Скоро лишь четверо гуламов, присланных Сеид-ханом, остались на дороге. Они развели огонь и поставили на него чугунный кумган для чая. Один из них пнул ногой сумасшедшего Мамеда, который мешал им своими криками, и тот, жалобно воя, побежал к городу.

Заслонившись от ветра черными бурками, грелись у огня бородатые гуламы. Время от времени они поглядывали на поэта. А Фраги по-прежнему стоял, прижав к себе мальчика. Оба они не спускали глаз с высокой груды камней на дороге... Он так верил в спокойные молодые глаза юного батыра, что не мог поверить в смерть. Мысли гудели в голове, как этот холодный, свирепый ветер. Но ни разу не обратились они к небу.

Время от времени на дороге показывалась одинокая арба или всадник. Проезжий останавливал лошадей, искал камень и бросал его в кучу. С твердым стуком ударялся камень о камень.

Три раза еще в течение этого дня гуламы расстилали в пыли молитвенные коврики. Повернувшись лицом к Мекке, они стояли неподвижно, потом падали на колени и, выбросив вперед руки, прижимались лицом к земле. Фраги молча смотрел на них.

Холодная ночь накрыла землю. Ветер стал еще сильнее. Мальчик дрожал от холода, прикрывшись полой халата. Фраги еле стоял на ногах. Но они не уходили.

Когда потухли последние далекие костры в городе, старший из гуламов плюнул на груду камней. Все четверо сели на коней и уехали.

Затих грохот копыт по деревянному мосту, и они подошли к каменной груде. Камень за камнем начал Фраги сбрасывать с огромной кучи. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Мальчик, как мог, помогал ему обрубками рук. Неверный, мятущийся свет догоравшего костра заставлял прыгать их тени: большую и маленькую...

Руки их стали липкими. Но вот рука Фраги почувствовала тепло! Большое, мощное плечо текинца было еще теплым. С невероятной силой дернул его к себе Фраги, и последние камни посыпались на дорогу. Он перерезал веревки, но холодное тело девушки нельзя было оторвать

от живого. Рукояткой ножа пришлось разжимать ему пальцы текинца...

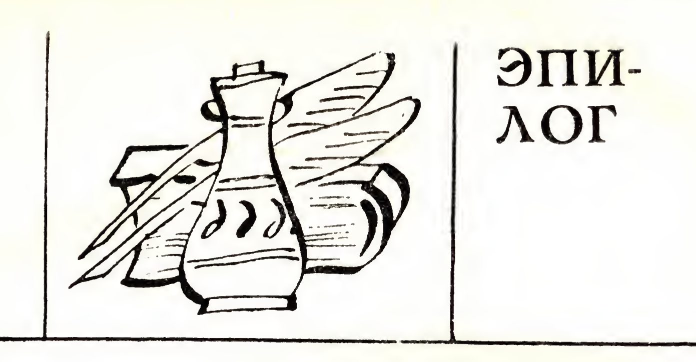
Немного прошло времени, пока догорели последние угли. Ночь стала еще глуше. Смазанные колеса не скрипели. Холодная луна то показывалась желтым пятном сквозь несущийся песок, то совсем исчезала. Когда Фраги поднимал на арбу текинца, он увидел в трех шагах человека. Лунное пятно посветлело, и он узнал своего соседа Сахатдурды. Но Фраги поднял на арбу и тело девушки.

Фраги взял лошадь под уздцы и повел прочь от города. Сидящий на арбе мальчик все время оглядывался. Не догоняя и не отставая, шел за ними человек.

Долго ехали они так. Потом Фраги остановил лошадь и лопатой начал рыть землю. Он посадил в яму мертвую девушку, засыпал и воткнул в холм палку с белой тряпкой. Они поехали дальше, но человек уже не шел за ними. Он остался у холма.

Когда они поднимались в гору, мальчик тронул за плечо Фраги и показал назад. Там рвался и качался на ветру яркий огонь. И хотя было очень далеко, Фраги узнал свой дом...

Долго стоял и смотрел он на дальний пожар. Потом снова тронул коня и, не оглядываясь, пошел вперед.

ЭПИЛОГ

Кончилась холодная зима. Старики не помнили столько ветра и снега. Бешено крутил мокрым песком Новруз, день, когда тепло приходит на смену холоду. Зато никогда еще не было в Черных Песках такой зеленой травы, таких красных маков, такого синего неба...

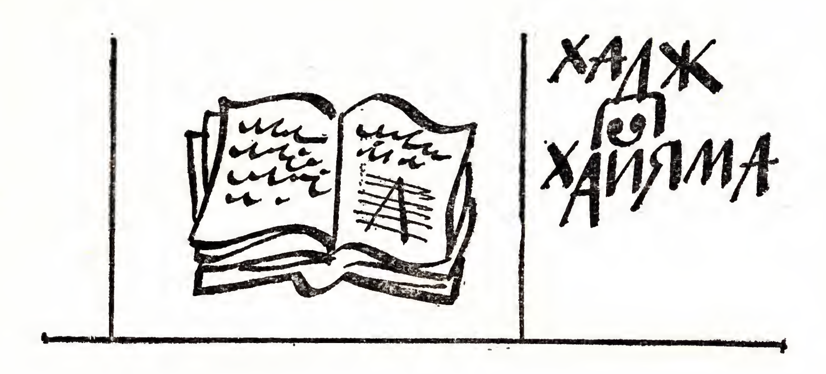
И этой буйной весной по кровавому морю маков ехали от аула к аулу три всадника. Быстрая молва летела по пустыне. Когда они приезжали, люди уже ждали их. Один из них играл на дутаре, а безрукий мальчик пел. И столько боли, гнева и человеческой ярости было в его песнях, что сердца людей уже не могли биться спокойно. А пока они пели, третий — молчаливый одноглазый батыр со шрамами — только переглядывался с молодыми джигитами. И такой был у него взгляд, что после их отъезда мужчины, не сговариваясь, проверяли оружие.

Да, это были они: самый великий поэт, самый лучший певец и самый большой воин, которые когда-нибудь рождались в Черных Песках. Меч объединения везли они с собой. И ножны этого меча были украшены чудесными, как стихи, узорами.

Фраги всей грудью вдыхал чистый, свежий ветер пустыни и уже не чувствовал боли. Он расправлял плечи и открыто улыбался женщинам. А они отвечали ему быстрыми взглядами, ответными улыбками, и яркий ру-

мянец вспыхивал на их лицах. Он был мудр безумной мудростью юности, Фраги, самой высокой мудростью на земле!

В груди и в голове его каждый миг рождались новые образы. И слова текли свободно и просто, как эти белые тучи над головой. Именно в эти годы и написал он свои самые прекрасные стихи.

Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?..
В чем нашей жизни смысл?..

Хайям

1

Мертвый камень отражался в глазах человека... Вздыхали, беззвучно плакали верующие. Губы их неслышно выговаривали знак бога и имя пророка его...

Человек смотрел на камень. Всю жизнь знал он его тупую, беспощадную тяжесть. И вот наконец увидел прямо перед собой...

Было жарко, но камень был холодным. Или это только казалось ему... Когда же впервые почувствовал он этот проникающий холод?..

2

Растерянно, с немым вопросом поднял он тогда глаза к небу. Небо, как всегда, утонуло в его глазах. Но было оно уже не таким, как всегда.

Мальчик сидел на плоской, остывшей за ночь крыше... Даже сейчас, через столько лет, он отчетливо помнил вмазанный в крышу стебель джугары. Черно-красный муравей полз по желтому стеблю.

А в саду молился старик. Он стоял неподвижно. Потом опускался на колени, выбрасывал вперед руки и при-

жимался лицом к земле. Перед тем, как осесть на колени, шейх привычно поворачивал голову: направо и налево. Пророк учил, что прежде чем обращаться к богу, следует посмотреть на созданный им мир...

Почему именно это далекое утро так четко вошло в жизнь человека?.. Да, если бы старик тогда просто забрал у них сад, это было бы только несправедливо. Мальчика уже били те, кто сильней. Но старик молился в их саду. Это была первая несправедливость именем Бога. Та, что раскалывает мир...

Другие дни плавали в прозрачном тумане. От них остались лишь припухшие рубцы в памяти...

Остался солнечный день с первой неясной тревогой.

Ученики сразу почувствовали это... Нет, огромный, плотный базар оглушал еще издали. Но был чуть тише обычного. И они пошли шагом.

На настиле большой чайханы сидели те же люди. Те же неторопливые слова выговаривали их губы. Но, выплескивая грязно-зеленые остатки из белых пиал, все они бросали какой-то очень уж равнодушный взгляд в сторону.

Мальчик повернулся и посмотрел. Темно-серые башни Шахристана[1] неподвижно висели в горячем воздухе...

Ах, да! Исказители слов Пророка убили младшего брата султана... Играть не хотелось, и он пошел домой. Это он точно помнил...

Когда люди из Шахристана увели гончара, у мальчика похолодело в груди... Гончар был маленький и близорукий. Ходил он мимо их дома и нес всегда завернутое в виноградный лист мясо. А учитель говорил о необыкновенных людях. Они не признавали единого Пророка и убивали правоверных...

Узнав о гончаре, отец покосился почему-то на соседний сад. За арыком молился старик... Он не был тогда очень уж старым, их сосед. Но мальчику шейх казался стариком...

Где услышал он это, в чьих глазах прочел? Или мысль сама пришла потом, когда он стал старше и несправедли-

---

[1] Шахристан — цитадель правителя в центре средневекового города.

вость именем Бога перестала быть немыслимой... Младший брат мешал старому султану. Молодого, приветливого, его любили...

Отца забрали перед второй молитвой. Стражники были кафирами [1]. Один из них наступил на молитвенный коврик. Отец шел, согнув плечи. Черные капли крови остались в горячей пыли. Мальчик обошел эти капли...

В калитке отец обернулся и посмотрел на соседний сад. Шейх уже молился. И мальчик вспомнил. Это было сразу после того, как убили брата султана. Сосед говорил, что хочет купить часть их сада. Он любил розы, а в их саду они росли лучше. Отец почтительно склонял голову, но не продавал. Старик тогда досадливо скривил губы...

Днем, выйдя на улицу, мальчик встретил соседа. Большой, строгий, шейх не посмотрел в его сторону. У него было плоское лицо. А вот какие глаза были у шейха?..

Кажется, в тот же день пошел мальчик к Шахристану. Он смутно помнил белые зубы всадников. Людей отгоняли от стены...

С каламом [2] и свитком в кожаной сумке он пришел в школу. Кроме моргающих глаз учителя, он сейчас ничего не помнил. От этого дня остался лишь холодный голос длинного Садыка. Тот подговаривал закатать его в кошму и бить ногами. Так велит вера поступать с отродьем предателя...

Его не побили. Но когда Садык отобрал у него свиток, все вокруг скакали и смеялись...

Только на улице догнал его ясноглазый Бабур. Он потоптался в пыли босыми ногами, погладил его руку и побежал обратно в школу...

Мальчик все ходил к Шахристану. Люди старались передать еду тем, кто сидел в ямах под южной стеной. На ямах были решетки. Два раза его чуть не растоптали лошади. Может быть, это у лошадей так белели зубы?..

И вот сосед перешагнул арык. Пройдя из конца в конец по их саду, он показал прислужнику, где сажать розы... И снова в памяти выплыло плоское лицо.

---

[1] Кафир — неверный.
[2] Калам — перо.

Какие все же у шейха были глаза?.. От прошедших через жизнь людей остались руки, халаты, движения. Глаза были у немногих.

Потом пришло это утро... Отец уже вернулся. Приехал Везир, и всех, кто остался живой, выгнали из-под валов Шахристана...

Старик в саду стоял неподвижно. Снова опускался на колени, выбрасывал вперед руки и прижимался лицом к земле... Розы уже к тому времени выросли. Набухшие красные бутоны сочились вокруг разговаривающего с богом шейха. Темные капли падали в серую пыль. Шейх молился по эту сторону арыка. Там, где всегда молился отец...

У отца жалко дрожали губы. Он расстелил свой коврик прямо на крыше. Суетливо огляделся и выбросил вперед руки...

Мальчик понимал бога буквально. Он внимательно посмотрел направо и налево. Во дворах и садах, на бесчисленных крышах люди выбрасывали руки в ту же сторону. Где-то там был подаренный богом Камень. Первый холод голой формы заставил поежиться мальчика...

Черно-красный живой муравей полз по желтому стеблю...

3

Что ушло с тех пор? Полвека?.. Жизнь?.. Когда, неистовый и покорный, уходил он по пустой хамаданской дороге, постаревший Бабур уже не догонял его. Невыносимо прямые линии сходились в пылающем горизонте. Он шел пыльным, избитым миллионами ног путем хаджа. Шел сюда, к завещанному Пророком Камню...

Сзади стыли серые стены Мерва. Всю жизнь и сам он старался загнать своего бога в каменный квадрат... Он вспомнил сейчас свой жалкий человеческий страх, когда, втянув голову и опустив плечи, выходил через узкие каменные ворота великого города. Они могли сомкнуться, уходящие в небо башни. Люди сами создавали камни для этих башен: заваренные на крутом белке желтые маленькие прямоугольники. Миллионы их давили один на другой, цепенея в тупой неподвижной тяжести... Нет, они не сомкнулись. Он должен был сам подавить своего бога. Селение за селением, год за годом шел он сюда. Они

хотели утвердить этим торжество своего Вечного Камня... Разве боги каменеют? Недаром же Пророк запретил называть само имя бога!

Это для его маленького друга Бабура бог на всю жизнь остался важным стариком в расшитом золотом халате. А он никогда не знал бога геометрически точно. Даже мальчиком, в то бесконечно далекое утро, на крыше. Черно-красный муравей на сухом стебле прошел через всю его жизнь. Видения бога не было...

Его всегда волновал Пророк. Человек со строгими глазами и высоким лбом, знающий истину и передавший её людям... Он всегда понимал того Пророка, который реально проступал сквозь время и миражи чужой далекой пустыни.

Но Пророк менялся. Менялся с каждым прожитым мгновением. Борода его чернела, становилась обычной, в глазах загорались человеческие гнев и радость, резче поворачивалась голова, через поры на лбу проступали искринки пота... Не мог Пророк оставаться прежним, если сошлись в бесконечности две параллельные линии, вошла в жизнь ничтожная и недосягаемая Рей, а холодный камень все острее проявлялся в своей вечной арифметической тупости...

Каким же был для него Пророк тогда, на крыше?.. Борода еще оставалась сказочно белой. Все склонялось в восхищенной гармонии.

В теплые нишапурские ночи мерещились мальчику туманные видения Хиджры: гордый путь из Мекки в Медину [1]. Потоки людей в белых одеяниях шли через пустыню в предчувствии истинной веры. Зажженный Пророком огонь горел в глазах. Он вел их к незыблемой справедливости. А острые камни ранили ноги лишь в мягком голубом отражении...

Но черно-красный муравей все полз по желтому стеблю.

4

Камень был послан людям в знак вездесущей реальности бога. Но почему же Камень?! Зачем нужно было Пророку облекать истину именно в эту форму?

[1] Хиджра — исход Пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, с которого начинается мусульманское летосчисление (622 год христианской эры).

Человек посмотрел вокруг. О чем думали сейчас эти люди перед святым Камнем? Зачем шли сюда, сбивая ноги, через горы и пустыни? Что принесли своему ощутимому богу?.. Каждый маленький бабур вспоминал здесь свою жизнь в принятом порядке, день за днем. Как впервые взял в руку кетмень или весы, познал женщину, поцеловал ребенка, убил человека... Но почему они плакали, о чем тосковали?..

Он снова смотрел на камень. Живые зрительные образы детства вспыхнули и погасли. В правильной временной связи замелькали понятные бабурам периоды. Нишапурская школа Насир ад-Дина Шейх Мухаммед Мансура [1], моргающие глаза учителя. Потом школа в Балхе, полные схваток отточенной мысли самаркандские диспуты, плавные уступчивые споры бухарских мудрецов, исфаганские попойки, интриги, друзья, враги... Это была оболочка жизни, от которой не осталось даже ясно запомнившихся звуков.

Жизнь была в другом. Привычные бабуровы реальности сразу теряли смысл. Все здесь было относительно: время, пространство, равновесие. Заискрились синие волны ассоциаций...

Две параллельные линии сошлись не скоро. Он всегда знал, что они сойдутся. Это было в нем...

Великие недоговоренности чисел! Он читал, ощущал их у всех больших учителей. Они заставляли кровь биться в голове, отрывали мысль от тела, уносили от земли...

Для него числа никогда не были неумолимыми. Первый же знак, который он записал когда-то, дрожа от неумения, никак не хотел каменеть. Сразу же дрогнула струна. Заиграл один из оттенков радуги. Числа утверждались потоками звуков, волнами красок. Надолго ли?.. Тот же знак, выведенный вторично, прозвучал совсем иначе, переместился через всю радугу...

Числа слагались в бесчисленные вариации, в неперечислимые гаммы красок. Они гремели, рвались за барьер жалкой точности. Бескрайнее синее небо, пылающее солнце, теплая земля, черно-красный муравей на желтом стебле выражались таинственной симфонией переменных величин. Живая кровь пульсировала в них...

---

[1] Насир ад-Дин Шейх Мухаммед Мансур — знаменитый ученый и богослов XI века.

Там, в бесконечности, за барьером симметрии, сошлись две параллельные линии. Отвлеченная алгебра смыкалась с геометрией, утверждая поэзию непрерывного движения. Молнии Диалектики взрывали арифметическую тупость!..

Этот холодный камень — и теория переменных величин, к которой он привел математику! Как совместить камень с идеей движения? Его алгебра была уже научным искусством. Мог бы он дать ей такое определение, если бы не разработал «Трактат по теории музыки»?.. А бесконечная математическая прелесть рубои! [1] Такое понятное единство поэзии и математики!.. Рей была во всем: в музыке, радуге, переменных величинах.

Евклид не знал этой поэтической призмы. Большой грек не смог стать великим...

И разве можно было сказать, где и когда приходило к нему это. Где и когда — всегда было важно для маленького Бабура. Что же, стоя сейчас перед этим камнем среди сотен просветленных бабуров, он легко может призвать понятные им образы... Колыхание теплых листьев инжира, запах городской пыли, тахта над коричневым самаркандским арыком. Там за один день написал он «Трактат об объяснении трудного в заключениях в книге Евклида». И только через семь лет — два других: «Трудные вопросы математики» и «Необходимые предпосылки пространства». Как объяснить бабурам, чем занимался он эти семь лет, что делал следующие семь лет или предыдущие. Ведь они все это время изо дня в день ткали полотно, сидели за прилавками, переписывали законы. У них были свои бабуровы думы, радости и огорчения. Их пугали откровения рванувшегося в бесконечность разума. Непонятному они могли или молиться, или отвергать... Сослаться на ощутимо звонкие рубои?.. Маленький Бабур знал их на память, но в последнюю встречу искренне удивился, почему их так немного. Одного вечера хватило, чтобы перечитать их дважды...

Нет, для честных восторженных бабуров куда понятней был тот громадный с желтыми костяными подставками трон, на который сажал его когда-то рядом с собой в

---

[1] Рубои — философско-лирические четверостишия.

Бухаре легкомысленный хакан Шамс ал-Мулк[1], последний Караханид. И разве не потускнели сразу в глазах бабуров его рубои, когда недовольно скривились губы правителя Мерва. Страшнее всего была для них ответственность оценки... И все же что тянуло их к рубои, кроме музыки и точности?..

Этот камень всегда был на его пути... Он радостно кричал свои откровения. Мысль была бесконечно щедрой. Эха не было. Камень тупо скрадывал музыку.

Он растерянно оглядывался... Глаза Бабура были ведь ясными. Почему они не рвались за барьер?!

Бабур и потом гладил его руку. Но уже не при всех. Все чаще прислушивался он к шагам длинного Садыка. Повзрослевший Садык мог отнять уже не только свиток... Это были каждый раз другие Бабур и Садык. Много прошло их через его жизнь..

Менялась оболочка. Сущность оставалась: мягкий Бабур, холодный Садык, радостно прыгающие вокруг дураки, черные капли крови в серой пыли... Излучение бесконечности в его глазах раздражало. Он не понимал этого и пытался руками расталкивать камни.

Что еще было?.. Черный провал в куполе крыши, тысячи ночей наедине с небом. В Мерве он вычислил самый точный в мире календарь!..

Сухие камни обсерватории. Слезящиеся глазки расцвеченных старцев, претворяющих арифметику неба в варварские видения. Скорпионы и тельцы, определяющие маленькие бабуровы судьбы. Круглые бабуровы глаза, очарованные геометрией светил. Ведь им понятны и страшны были прямые линии. Шкурой своей знали они их тупую жестокость...

Что угадывалось там, за черным барьером неба?.. Да, Пророк всегда был самой большой его мукой. Ему не нужно было вспоминать книгу Пророка. Он изумлял бабуров, читая ее на память с начала до конца и с конца до начала... Что же обещал Пророк?..

...САДЫ, ПО КОТОРЫМ ТЕКУТ РЕКИ. РЕКИ ИЗ МОЛОКА И ВИНА, ИЗ МЕДА ОЧИЩЕННОГО...

---

[1] Шамс ал-Мулк-Бухори — караханидский принц (годы правления 1068—1079).

ЖЕМЧУГА, ЗОЛОТЫЕ ЗАПЯСТЬЯ, ЗЕЛЕНЫЕ ОДЕЖДЫ ИЗ ШТОФА И АТЛАСА... БЛАГОУСТРОЕННАЯ ЖИЗНЬ, ПЛОДЫ И ВСЕ, ЧЕГО ТОЛЬКО ПОТРЕБУЮТ... ВИНО НАИЛУЧШЕЕ, ЗАПЕЧАТАННОЕ, ПЕЧАТЬ НА НЕМ — МОСХУС, ОНО РАСТВОРЕНО ВЛАГОЮ ХАСНИМА — ИСТОЧНИКА, ИЗ КОТОРОГО ПЬЮТ ПРИБЛИЖЕННЫЕ К БОГУ... ПОДНОСЫ С МЯСАМИ ПТИЦ, КАКИХ ПОЖЕЛАЮТ... ПОДКЛАДКА ИЗ ШЕЛКОВЫХ ТКАНЕЙ... ЛОТОСЫ, НЕ ИМЕЮЩИЕ ШИПОВ... ТЕНИСТАЯ ТЕНЬ...

Смысл обещанного эдема! Ощутимые арифметические радости в квадрате? .. В кубе?!

Может быть, вечная Рей? ..

У гурий зовуще розовели тела... СКРОМНЫЕ ВЗГЛЯДАМИ, ВОЛООКИЕ, ПОДОБНЫЕ БЕРЕЖНО ХРАНИМЫМ ЯЙЦАМ... ДЕВАМИ ПРИХОДЯТ ОНИ К МУЖЬЯМ...

Рей с удовольствием купалась во всех трех источниках, сидела в тени, жадно перебирая сверкающие камни. А потом вдруг рассмеялась. И арифметический рай рухнул до последней травинки!

Простейшее построение требовало закономерной для него противоположности... РАСПЛАВЛЕННАЯ МЕДЬ В ЧРЕВЕ, КАК КИПИТ КИПЯЩАЯ ВОДА... КОГДА ОНИ БУДУТ УМОЛЯТЬ О ПОМОЩИ, ИМ ПОМОГУТ ВОДОЮ, ПОДОБНОЙ РАСТОПЛЕННОМУ МЕТАЛЛУ, КОТОРАЯ БУДЕТ ЖЕЧЬ ИХ ЛИЦА...

Бог этот утверждался в прямой линии... НИ ОДИН ЛИСТ ДРЕВЕСНЫЙ НЕ ПАДАЕТ БЕЗ ЕГО ВЕДОМА. ВСЯКОМУ ИМЕЮЩЕМУ ДУШУ НАДО УМЕРЕТЬ СООБРАЗНО КНИГЕ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ ВРЕМЯ ЖИЗНИ...

Книга! .. А как же непрерывное движение? Не по прямой, а там, за барьером, где сходятся параллельные линии! ..

Почему же тогда он все глубже верил Пророку? Не потому ли, что глаза Пророка становились человеческими? Где-то в глубине их угадывалось страдание...

Все резче проступали видения Хиджры. Пустыня делалась ощутимей. Белые одежды грубели, пыль садилась на лица, камни все больнее ранили ноги.

5

Сколько раз разбивал он руки о камни! Дробились пальцы, ногти срывались, открывая беззащитное мясо. Было больно, и он кричал... Что руки! Живой кровоточащий бог бился в каменном квадрате!

Бог был вечным обновлением. Камни стыли...

Всю жизнь его обвиняли в безбожии. Революция бесконечности была недоступна прямой линии. Все, что не было твердым и холодным, не существовало. Противоположности сглаживались идеей Камня.

Бога не умели понимать? Или не хотели? Нет, кому-то нужен был каменный бог. Он взглянул наконец в глаза Садыка!..

...БОГ КУПИЛ У ВЕРУЮЩИХ ЖИЗНЬ ИХ И ИМУЩЕСТВО ИХ. РАДУЙТЕСЬ О ВАШЕМ ТОРГЕ, КОТОРЫМ ВЫ СТОРГОВАЛИСЬ С НИМ. ЕСЛИ ВЫ ДАЕТЕ В ССУДУ БОГУ ХОРОШУЮ ССУДУ, ОН В ДВА РАЗА ВЕРНЕТ ВАМ... МЫ — САМЫЙ ВЕРНЫЙ ИЗ СЧЕТОВОДЦЕВ.

...ОНИ ХИТРИЛИ, И БОГ ХИТРИЛ. НО БОГ САМЫЙ ИСКУСНЫЙ ИЗ ХИТРЕЦОВ, БОГ БЫСТРЕЕ ВСЕХ В УХИЩРЕНИЯХ, ХИТРОСТЬ ВО ВСЕЙ СВОЕЙ ПОЛНОТЕ У БОГА...

Этому богу удобно было в каменном квадрате. Прибыли надежно ограждались от людей. О, как бесконечно злобно ненавидел каменный идол настоящего бога! Ведь живой бог отрицал арифметического. А прибыли выражаются точными цифрами...

Садык был не дурак. Он быстро понял каменного бога. В его холодной тени можно было отобрать свиток, изнасиловать, убить. И все прикрыть демагогией Необходимости... Этот свиток подарил отцу купец из Китая. Белая гладь светилась. Сколько свитков отбиралось потом каждое мгновение, но первая потеря была невосполнимой!..

Снова промелькнули далекие тени... В горячем воздухе висели башни Шахристана. Султан убивал брата, Садык вырывал свиток, сосед переступал арык...

Набухшие красные бутоны сочились вокруг разговаривающего с богом шейха. Темные капли падали в серую пыль. Шейх молился по эту сторону арыка, в их саду...

Привычно поворачивалась голова шейха: направо и налево, равномерно подгибались колени, точным движением выбрасывались руки. Когда шейх прижимался лицом к земле, коврик не давал ему испачкаться...

Лицо у шейха было плоское. Бога в глазах не было. Они бы тогда запомнились... В тени вульгарной арифметики безбожники клялись именем бога!

Кем же был тогда их Пророк?.. Полный гнева и отчаяния, увидел он наконец неприкрашенную Хиджру!..

Пустыня каменела, на разбитых ногах гноились язвы, одежда воняла потом. Всклокоченная борода Пророка стала серой от пыли... Но надо было идти вперед. Ятрибские разбойники вели нечестную игру. Они стали брать такой бакшиш, что честные купцы рвали на себе бороды. За прохождение одного верблюда с шелком приходилось отдавать сто сорок динаров! При одном воспоминании пламенели глаза Пророка...

Последние караваны приходили, полные плача. В каждом шатре от Басры до Кульзума был свой бог. И он разрешал грабить всё и вся на три конных перехода вокруг. Треть шла ему. Какой бог удержится!..

Пророк оглядывался назад... Глаза этих мекканских задолюбов заплыли жиром. Они не хотят видеть чего-нибудь, расположенного выше пояса. Боятся отвадить многобожников от своей Каабы![1] Паршивый камень ведь тоже приносит деньги. Как же, в своих вшивых караван-сараях они потом так обдирают этих многобожников, что возвращают все убытки. Разве не привезли ятрибцы в уплату за общение с Каабой тот шелк, который взяли с его каравана!.. Но у тех, кто идет сейчас за ним, нет караван-сараев. Они живут торговлей, и бакшиш ятрибцы сдирают с них!..

Нет, для честной торговли нужен один бог. В каждом шатре он будет хозяином, этот бог. И меч ему в правую руку. Десять молодых рабов в одной цене сейчас с верблюдом шелка. Или с тремя верблюдами шерсти. Или с двенадцатью верблюдами хлопка. Или с пятью верблю-

---

[1] Кааба — храм в Мекке, в стену которого вделан упавший с неба черный камень. Служил местом паломничества еще в домусульманский, а особенно в мусульманский период.

дами под седлом с твердыми ногами и влажными губами...

Чужие куполы Медины синели впереди. Они были ниже куполов Мекки... Можно в конце концов передать богу и Вечный Камень. Пусть успокоятся владеющие караван-сараями. Они тоже не останутся в накладе. Бог еще молод и не сообщил пока все свои веления людям... Пророк усмехнулся...

Сто сорок динаров за проходящего верблюда с шелком!..

Пророк яростно стегнул усталого коня.

Это тоже было правдой. Но разве только это?

Не таким был Пророк! За твердостью стиха угадывалось сомнение...

МОЖЕТ БЫТЬ, ВЫ БУДЕТЕ СЧАСТЛИВЫ... Это повторялось из главы в главу Книги.

Арифметика и сомнение были несовместимы. В камне могла выражаться лишь точная уверенность смерти.

6

Это было в Исфагане. Полный сомнений, блуждал он в лабиринтах окраин. Как нигде утверждалось здесь отрицание камня. Покинутые людьми стены распадались, крошились. С тихим шорохом оплывали в ночи тяжелые глыбы. Камень оживал в своем разрушении...

Что-то все сильнее волновало его. Тьма дрогнула тревожным предчувствием. Впереди был огонь. Колеблющийся, бесконечно уходящий...

Перебираясь через камни, проваливаясь в прах, раздирая колючие переплетения, шел он вверх. Дорога становилась круче. Земля затихала где-то внизу. И вдруг он увидел Рей!..

Сколько стоял он? Вечность?!

Горение без начала и конца... Ее нежная грудь светилась навстречу огню. Тени менялись. Расплывалась геометрия тела. Бесконечно обнажаясь, оно каждое мгновение сбрасывало оковы классической точности. В задумчивых глазах ее непрерывно умирал и возрождался бог...

Рей была там, за барьером...

Он вспомнил, как на следующий день нашел Рей. Она жила в развалинах старого города, где содержали приюты греха поклоняющиеся огню...

Он пришел молиться на нее, а Рей деловито отдала ему свое розовое, пахнущее по́том тело. Грудь ее отбрасывала точные тени, бесстыдные руки притворялись, в глазах желтела примитивная хитрость. Она тут же почувствовала необычное и, воспользовавшись, стащила с его пальца тяжелое кольцо...

Потом он пошел на гору... Чадя, горел огонь. Старик-огнепоклонник в заштопанном балахоне подливал в жертвенник маслянистую вонючую жидкость. Где-то неподалеку ссорились женщины...

Долго смотрел он на огонь. Без Рей его не было...

Он видел узколобую Рей, продающуюся за хивинский платок слезливому старику, видел с испуганным юношей. Однажды она подралась с соседкой и долго ходила с расцарапанным лицом...

И снова возрождалась Рей!.. Безмерное солнце заливало остывшую за ночь землю. Теплым молоком струились поющие радостные блики. Ребенок жадно прильнул к ней, и грудь, руки, глаза Рей щедро излучали переполнившего ее бога.

Снова расплывалась геометрия. Линии становились символами. Рей бесконечно обновлялась в своем падении...

Разве Пророк не знал Рей?!

7

Он шел по лунным улицам Балха, Бухары, Самарканда. Светлыми ночами страшны были застывшие кубы мечетей. Скованные холодным камнем причудливые узоры кричали в немом бессилии. Резные орнаменты усложнялись, повторяясь от порогов до верхушек минаретов. Мысль билась в камне, не умея оставаться бесплодной...

Он хорошо помнил купца из древней великой страны на самаркандском базаре. У купца было неподвижное лицо и сухие искусственные косички. Шумел пыльный базар. Купец упорно раскладывал свой товар...

Он не мог отвести глаз от вынутого из мешка узорного белого камня на серебряной подставке. Миллионы тон-

чайших линий симметрично закруглялись, создавая невыносимую иллюзию примирения мысли со смертью. Что ушло на выточку этих узоров? Человеческая жизнь?.. Что этим было доказано? Как ни истязала себя мысль, в камне она оставалась мертвой...

Купец раскладывал товар. Рисовое зерно с начертанной на нем поэмой, узкоглазого божка равновесия, тазик фокусника. Каменные болванчики в такт кивали головами, поднимали и опускали руки. Зачем? Чтобы создать иллюзию движения?.. Как будто можно обмануть бога!..

Он чувствовал эту бесплодную в своей древности страну. Там пытались убить саму Рей. Маленькой девочке надевали на ноги деревянные колодки. Вырастая, она не могла двигаться... Вечный покой всегда был воинствующей философией этой усталой страны.

Кому же нужно было все это: скованная мысль, неподвижная девочка, в такт кивающие болванчики?

Садыку!..

С трудом он отвел глаза от резного камня, внимательно посмотрел вокруг. Те же узоры повторялись в коврах, халатах, тюбетейках. Камни притягивали бабуров...

Чем только не обманывал он себя!.. Блага... Опыт... Мудрость... Сколько раз сам он вписывал бессмысленные узоры в камень. Невозможное казалось достигнутым. Но в последний момент симметрия нарушалась, камень давал трещину, мысль вырывалась в бесконечность. Он так и не научился ползать...

Понимая нереальность воплощения бога в камне, он все же начинал сначала. Разве сам он не объяснял когда-то зависимость истины от геометрии светил, не кивал головой в такт болванчикам, не грелся в тени каменного бога?! Нет, не бога он хотел обмануть. Садыка!..

Тем яростней ненавидел его Садык.

Камни, камни, камни!.. Они чудовищной тяжестью давили голову. Все чаще вызывал он иллюзию освобождения. Пустея, каменный кувшин становился легким, невесомым. В прокаленной огнем глине начинали позванивать отголоски неведомых жизней...

8

Фарси-дари, божественный язык фарси, они тоже одевали в камень!..

Слова-камни! Теплые когда-то, они быстро умирали, затертые таблицей умножения. Цветистые и значительные, слова эти были бесплодны, как бумажные веера в руках болванчиков.

Он знал диалектику древних языков. Сначала каменели слова, потом фразы, цитаты, книги. Языки умирали. С ними умирали народы...

Языки могли жить только за тем барьером, где сходятся параллельные линии. Там терялись очертания, обновлялись формы, термины становились противоположностями. Чем больше слов вырывалось в бесконечность, тем уверенней был язык.

Слова давно ждали его. За внешней хрупкостью таилась бесконечная потенция сопротивления. Ободранные в кровь, слова выбирались из-под камней и тут же устремлялись в небо. Даже раздавленные, они кричали.

Кувшин пустел... Что могло быть точнее термина! Слова послушно укладывались в размеренные квадраты. Строфы, рифмы, ритмы выражали прямую линию. И обманутый каменный бог благосклонно принимал их в свою тень...

Пройдя через все муки закованной мысли, он нашел наконец уязвимое место каменного бога. Голая мысль была беззащитна перед его тупой тяжестью. Слово бросало ему вызыв. Оно упорно просачивалось в камень, взрывая его изнутри. От волшебного слова раздвигались горы. Люди оживали, и это не было просто сказкой.

Сначала сам он не понимал этого. В слове виделось лишь убежище, где можно было успокоить разбитые пальцы, молиться Рей. И вдруг каждое слово молитвы стало безудержно преображаться. Внешне покорное, оно таило вулканическое сомнение. Камни плавились от его скрытого жара!..

Так нашел он выход. Мысль, краски, звуки освобождались в слове. Оно все принимало: бурю переменных величин, неиссякаемую Рей, вечное сомнение бога...

Его рубаи были просты, как жизнь. Чем проще было слово, тем быстрее лопались цветистые камни. От них ни-

чего не оставалось в памяти. А ведь искусственные слова высекались на красивых твердых камнях. Чтобы время не стерло, их щедро освящали кровью!..

Нет, никогда не считал он рубои занятием. Вина и любви в них было неизмеримо больше, чем видел он в жизни. В последнюю их встречу седой Бабур с восторгом расспрашивал о пьяных любовных приключениях, и лицо его потело при этом.

Выражение радости жизни было понятно бабурам только в атрибутах, в форме, в камне. Они искренне считали его веселым пьяницей, ищущим мудрости в пивных. Чувствуя то неясное бесконечное, что было скрыто за звонким барьером рубои, и не понимая, они понимающе переглядывались. Как обезьян к сетям их влекла не мысль, а ее скандальность. И через тысячу лет бабуры разных стран будут в честь него создавать клубы, пить там вино и, подвывая, читать рубои. По ним и угадают его...

Каменный бог молчал. Четкие квадраты рубои успокаивали его. Но был литературный Садык в безбожии своей злобной посредственности. Это он указывал на слово пальцем и, надрывая глотку, кричал о безбожии. И камень обрушивался всей своей тяжестью...

Что еще оставалось делать Садыку? Цветистые слова-камни ведь кормили его. Он торговал ими, как торговал бы халвой, если было бы выгодней.

Кувшин пустел...

9

Память посылала все это бескрайними приливными волнами. Вскипая, они разбивались о камень.

Камень требовал тишины. И когда он пошевелился, чтобы размять затекшие колени, худой желтый паломник слева яростно сузил глаза...

Сверкающие волны прилива растаяли где-то, оставив влажную лопающуюся пену. Уже в следующее мгновение память дала новую вспышку. Это были совсем другие отражения: неторопливые, перегруженные подробностями недавних событий...

«Он убоялся за свою кровь и схватил легонько поводья своего языка и пера и совершил хадж по причине боязни, а не по причине богобоязненности...»

Так оно и было, как напишет потом стремившийся к точности Ибн-ал-Кифти[1]. Настоящего бога нечего было бояться. В страхе людском нуждаются выдуманные боги...

Ослы взламывали черную тишину Мерва. Из рабада, со всех четырех сторон обрушивался на город самозабвенный хриплый рев. Ночь была полна им до предела...

Но вот рев начал стихать, все чаще слышались глухие страстные придыханья. Воздух успокаивался. Когда вернулась тишина, он встал, посмотрел на открытый сундук.

Чего он медлил? Никто из друзей не придет проститься. Бабуры вместе с ним успели вырасти и состариться. Он знал это и все-таки ждал...

Тишина становилась слышней... Он поднял и положил на плечо сумку, взял палку от собак. Вчера ее вырезал из ореха соседский мальчик.

Еще раз посмотрев на сундук, он задул огонь. Перед дверью задержался...

Он давно ждал этого. С того самого дня, когда увидел глаза нового султана. Это были глаза Малик-шаха. Такие глаза были у всех Сельджукидов[2]: бешеные и неморгающие.

Бешенство во взгляде султана Санджара было меньше. Зато прибавилось что-то новое, чужое...

Малик-шах мог собственноручно перерезать горло невинному человеку, отобрать чужую жену, поджечь какой-нибудь город. Родился он в степи и был честным в своей ковыльной дикости. Так же просто он накормил и защитил бы гостя, не дал в обиду соседа, простил бы город.

Как-то он объяснял Малик-шаху пути светил. Тот, за-

---

[1] Ибн-ал-Кифти — ученый XIII века.

[2] Сельджукиды — династия из огузских племен. Султан Малик-шах (1072—1092), султан Санджар — вначале правитель Мерва, а с 1118 по 1157 год — всего государства Сельджукидов.

драв голову, долго слушал. Потом вдруг зевнул, повернулся и ушел. Больше султан не заглядывал в обсерваторию. Небо было непонятным, а притворяться Малик-шах не умел.

Лучше всего старый султан чувствовал себя в степи. Там были джейраны, которых надо было догнать и убить. Можно было мчаться, не разбирая дороги!

Бог для Малик-шаха тоже был чем-то непонятным. Смутно помнились еще пестрые степные боги, простые и незлопамятные. Их тоже не стоило обижать, тем более, что они и немного требовали. Ему и в голову не приходило смешивать чье-либо непочтение к нему с безбожием. Врагам он мстил открыто...

Новый султан начал с того, что, собрав надимов, принялся разъяснять им наиболее сложные, по его мнению, главы учения Пророка. Мысли были беспредельно примитивны, язык мучил уши. Но какой восторженный шум подняли стосковавшиеся по премиям надимы! Сразу затерялся где-то сам Пророк с его мудростью...

Они честно зарабатывали свой хлеб. «Надим должен быть согласным с правителем государства. На все, что произойдет или что скажет правитель, он должен как можно скорей отвечать словами «Отлично!», «Прекрасно!..» Так определил их необходимую для государства службу в мудрой «Сиясет-наме» великий Низам-ал-Мулк [1].

Султан Малик-шах тоже любил речи дежурных надимов. Они способствовали пищеварению. Зато новый султан ревниво вслушивался в каждое их слово...

В «Сиясет-наме» тонко говорилось и другое: «Кроме надимов прославляющих, умные правители государства делают своими надимами врачей и астрологов, чтобы знать не только свою мудрость, но и каково мнение каждого из них»... Когда он в первый раз показывал молодому султану пути планет, тот строго поправил его и дал свои указания. Для султана Санджара стихи корана

---

[1] Низам-ал-Мулк — ученый, великий везир при дворе Сельджукидов, боровшийся за централизацию власти. Убит в 1092 году террористами-исмаилитами. «Сиясет-наме» — «Книга о правлении государством».

были ясными и законченными. Осилив их четкую форму, узколобый варвар искренне уверился в своей власти над небом. Тем более, что об этом днем и ночью кричат достаточно умные люди...

Что ему оставалось делать?.. Коснувшись рукой лба и поцеловав пальцы, он горячо восславил мудрость великого султана, которой подчиняются жалкие светила. Лишь на миг блеснули его глаза. Он ничего не мог поделать с ними. И в этот миг султан посмотрел...

Глаза всегда выдавали его!.. Сколько раз он притворялся дураком, подражал рабам с их мудростью молчания. Но дерзость мысли в глазах была ему неподвластна...

Дальше было то, что повторялось всю жизнь: настороженное молчание, ласковые усмешки врагов, ускользающие взгляды друзей. И конечно же толки о безбожии. Он чувствовал это привычное стягивающееся кольцо...

Дадут ли ему уйти?

Он переступил порог, прошел к невидимой калитке, вышел на улицу...

Скоро он стал различать заборы. Они темнели с обеих сторон, становились выше или ниже, но не кончались ни на мгновение. Заборы вели, не выпуская...

Уже через сто шагов он почувствовал, что спина становится влажной, холодной. Дыхание было прерывистым. С невеселой усмешкой подумал он, что у него совсем белые волосы, ссутуленная спина, сухие морщинистые руки. Как пройдет он долгий путь хаджа? Дадут ли ему начать этот путь?..

Заря застала его у большой мечети. Когда минарет стал розовым, он расстелил коврик. Сняв обувь, стал на него...

Сначала он смотрел прямо перед собой. Где-то там находился Вечный Камень. Кто знает, не шел ли он к этому камню всю свою жизнь...

Потом он плавно повернул голову направо... За глиняными переплетениями заборов поднимались к небу чудовищные валы Гяуркалы. Не верилось, что тысячу лет

назад их строили маленькие земные люди. Еще выше, под синими облаками коченела громада Цитадели. Это туда забрасывал письма своей Вис неистовый Ромин. Они летели, привязанные к стрелам... Солдаты Искандара Двурогого проламывали и снова возводили эти стены. Утверждая единство Запада и Востока, справлялась там когда-то его свадьба с царицей Роушан...

Две точки показались на отрогах Цитадели. Так и есть: старый Махмуд со своим ишаком. На древних стенах хорошо росли дыни, только воду приходилось возить снизу...

Он повернул голову налево... Здесь, внизу, было еще темно. Из-за большой чинары выступал серый угол будущей гробницы султана Санджара. Дальше виднелись новые крепостные стены. Они были намного ниже старых. Зато хитрее располагались бойницы, больше было ловушек для тех, кто пришел бы их разрушать. Из века в век верили люди в прочность глиняных стен... Кто станет здесь сажать дыни? И какие стены придумают люди, когда освободятся от веры в эту прочность?..

Он снова смотрел вперед. Постояв, опустился на колени. Выбросил руки, прижался лицом к земле. От коврика пахло сундуком... Зачем все же он закрыл сундук перед уходом?..

Подняв коврик, он встряхнул его, аккуратно свернул и положил в сумку... Медленно приближались новые крепостные ворота. Они строились из маленьких прямоугольных кирпичиков. Глину замешивали на яичном белке, потом трижды обжигали.

Уже виден был каждый камушек!.. За воротами он начинает принадлежать богу. На всем пути его уже не станут трогать. Сейчас решится, что они хотят с ним сделать!..

Надвигались, росли с обеих сторон глухие башни. Какой безмерной тяжестью становятся маленькие желтые кирпичики, если их все класть и класть друг на друга... Ноги его тоже стали словно каменные. Ему показалось, что башни сходятся!..

И лишь пройдя узкий качающийся мост, он все понял. Им нужна была его покорность, а не мимолетная жизнь. Непохожих так просто не убивают!..

10

Таял в горячем воздухе купол будущей гробницы, расплывались линии Цитадели. Ни разу не оглянувшись, уходил он по пыльной хамаданской дороге...

Дорога была древней и безлюдной. Она осела под тяжестью проходивших здесь армий и народов. Рядом с ним на уровне груди двигалась пустыня. Ровные, прямые края дороги сходились где-то там, куда погружалось солнце...

Когда стемнело, слева от дороги замигал огонек. Залаяла собака. Навстречу вышел худой скуластый человек, пригласил в дом...

Дав указания домашним, хозяин вернулся к гостю, молча сел на кошму. Мальчик принес медный кумган с чаем, выщербленные пиалы. Со двора падал свет от очага. Там возилась женщина, плакал ребенок...

Потом пришел сосед, высокий угрюмый старик с большими руками. Говорили о том, что лето прохладное, плохое для хлопка. Зато легче огородникам и пастухам. Мясо будет дешевле, а пшеница снова подорожает. Сосед рассказывал про какого-то Расул-агу, с которым случилась беда: вспорол себе руку серпом...

Болели растертые с непривычки ноги, ныла поясница. Но ему было хорошо. Он жадно слушал забытые разговоры, беспокоился о ценах на хлеб, всем сердцем жалел незнакомого Расул-агу.

Ужинали во дворе на перекинутой через арык тахте. Лепешки были черные, с травяными примесями. Но никогда не ел он такого вкусного хлеба. Даже простой белый лук, который хозяин нарезал кружками к супу, был необычно сладким.

Нет, ему не улыбались, не прикладывали каждый раз руку к сердцу. Все было естественно: человек нуждался в еде, и его кормили...

Он лежал на тахте и смотрел в забытое небо... Вот уже двадцать лет из ночи в ночь он видел небо замкнутым в четыре стены Башни Наблюдения. Оно было со всех сторон опутано заборами, пахло печной глиной, железом, старыми книгами...

Настоящее небо было мягкое, бесконечно свободное. Ровный ветер пропитывал все запахом остывающего песка, терпким дымом далеких костров. Мерно шумела вода в арыке, чавкал верблюд, шелестела пустыня...

Слезы выступили на глазах, но он не замечал их. Неизмеримо далеки были каменные стены, блеклые страсти, призрачные друзья и враги. Может быть, они приснились ему?..

Не потому ли и хадж установлен Пророком? Вырвать человека из паутины повседневности, дать ему увидеть мир со стороны?.. Об этом он подумал, уже засыпая...

Впервые за много лет спал он крепким сном. Ему снился черно-красный муравей на желтом стебле... Мальчик посмотрел вниз. Шейха не было в их саду. Отец тряс урюк, и крупные белые плоды разбивались о землю, брызгая во все стороны душистым соком. Чистое раннее солнце било в глаза... Он проснулся.

11

Все так же плыли в горячем воздухе башни Шахристана, качался и гудел внизу базар. Стоя на каменном от зноя холме, он смотрел на свой Нишапур...

Сзади были спокойные, имеющие глубокий смысл дни и ночи дороги. Он весь был полон пустыней: ее запахами, звуками, невидимым дымом. Даже молитвенный коврик на самом дне сумки перестал пахнуть сундуком...

Вблизи все с каждым шагом становилось чужим... Не раз приходилось ему проезжать через этот город. Всегда он был занят какими-то делами, и некогда было возвращаться к своему детству. Сейчас время принадлежало только ему. Но он не пошел быстрее...

Под тутовником на школьном дворе сидел такой же учитель. И кошма была похожа... Он знал, что среди этих бритых мальчиков есть Бабур и Садык. Но это совсем другие Бабур и Садык. Может быть, этот Бабур будет умнее, а Садык — добрее!..

А что стало с теми?.. Он поехал учиться дальше в Балх, а Бабура дядя увез в Герат. Там и прожил он жизнь, искренне радуясь и никого не обижая... Садык,

говорят, был сборщиком налогов, потом стал купцом. Сейчас он уважаемый человек где-то в Казвине. Кажется, старшина духовной общины...

В базарной чайхане люди пили чай из белых пиал, выплескивали в пыль грязно-зеленые остатки. Он обернулся и посмотрел на Шахристан... Долго стоял он у высокой стены. Бородатый стражник — кафир не обращал на него никакого внимания. Лошадь лениво отгоняла хвостом мух. Зубы у стражника были желтыми от тертого наса[1]... Значит, все же у лошадей тогда белели зубы...

В груди была спокойная пустота, когда переступил он порог родного дома. Даже деревья здесь выросли другие... Разве он лежал на этой крыше и смотрел, как молится шейх?!.. Да, там сейчас высокий глухой забор. Тогда еще отгородил сосед захваченный участок. А отец умер вскоре: так и не оправился от Шахристана. Шейх донес, чтобы отобрать у них сад!..

Живущих здесь людей не было дома. Мальчик лет десяти с удивлением смотрел на чужого старика в полосатом дорожном халате. Старик зашел во двор и долго стоял, глядя на их крышу...

И только выйдя на улицу, он вздрогнул: у соседней калитки грелся на солнце человек. Волосы его потемнели от глубокой старости, воротник мягкой шубы поддерживал неподвижную голову. Это была лишь чудом сохранившаяся оболочка человека. Но он сразу узнал...

Когда он подошел, шейх не пошевелился: глаза его давно уже ничего не видели, уши не слышали. Шейху было холодно: ни солнце, ни шуба не могли уже согреть того, что осталось от этого человека.

Старец, видимо, почувствовал, что от него заслоняют солнце. Высохшие синие руки дрогнули, маленькая жилка забилась на тонкой шее...

Он повернулся и пошел. Ни минуты не мог он оставаться в этом городе!

---

[1] Нас — размолотый табак с примесями.

Что-то непонятное происходило с ним... Оставив позади тесные улицы, он пошел тише. Сердце постепенно успокаивалось...

Откуда же вырвался вдруг этот бурный поток сил?! Тело стало гибким, невесомым, захотелось бежать с горы. Он остановился не понимая...

Мальчиком он много раз бывал здесь, на окраине. Где-то совсем наверху чуть слышно шумели деревья, пели птицы, струйками лилось солнце. В световых проемах блестели паутинки. И вдруг он понял...

Деревья цвели!.. Тяжелая знойная осень усыпляла остывающую землю. Все сытое, расчетливое готовилось зарыться поглубже, уйти в небытие. А тугие радостные бутоны раскрывались навстречу тупому холоду. Тревожным соком бродили дерзкие молодые побеги, почки вот-вот должны были лопнуть...

На опушке садовник молча поливал цветы. Вода тяжело падала на светлые лепестки. Они лишь вздрагивали. Холодные капли скатывались вниз, на теплую землю. Пахло дождем, грозами. Пчелы двигались в неподвижном воздухе, неслышно опускались на тяжелые бутоны.

Здесь не было заборов, и деревья цвели дважды в году!

12

В Исфагане он пошел на гору, где молились когда-то поклоняющиеся Огню. Кумирня была разрушена. Грубым бурьяном поросли тропинки... Долго стоял он в отдалении, глядя на то место, где увидел когда-то Рей...

Внизу, в старых трущобах, висели вниз головами летучие мыши. Местный дихкан повел жестокую войну с пороком. Дома греха были уничтожены, кувшины разбиты, безбожники изгнаны!..

Черепки усеивали землю...

Уже уходя из города, он увидел в глухом переулке двух правоверных. Судя по чалмам и халатам, это были не простые люди. Ухватив собеседника за рукав, один из

них что-то громко кричал о развратных безбожниках. Ноги его подгибались... Ветерок донес резкий запах. Да, он не ошибся: борцы с пороком были пьяны, как свиньи!

13

Он уже привык к дороге... Одно и то же волновало невыдуманный мир: мясо стало дешевле, зато пшеница дорожает. Сначала это говорили круглолицые турки, потом рассудительные персы, подвижные армяне, смуглые узкоскулые арабы. И каждый печалился о своем Расул-аге, который ранил руку серпом, стоял у кузнечной печи, умирал, оставляя детей...

Это и было дорогой: долгой, полной высокой земной мудрости...

14

Он знал, что Мекка такая. Маленькие слепые улицы, своры голодных собак, крикливый базар. И пыль... Прямо в пыль клали торговцы пустые мешки. Сверху липкими кучками рассыпали изюм, колотые орехи, финики. Мелкие злые мухи прилипали к лицу. Лапки их были сладкими...

В караван-сарае купец ругался с хозяином. Купца с вечера напоили и обокрали. Хозяин кричал, что не отвечает за дураков, которые пьют с первым встречным в таком городе. Оба через слово поминали бога...

На пути к Каабе он задержался... В пыли возились дети. Они весело бросали ею друг в друга, и пыль набивалась в глаза, нос, уши. Звеня колокольчиками, шли над ними тяжелые дикие верблюды. Мальчик закатился под широкую мохнатую ногу. Верблюд стоял с поднятой ногой. И не опустил ее, пока ребенок не выбрался...

Обычный камень, каких сотни падает с неба, был перед ним. Чтобы не оставалось и тени сомнения, камень был вправлен в геометрически точный куб храма. Трудно было найти более яркое воплощение мертвой Догмы!..

Это мог сделать лишь поэт... Через всю жизнь он должен был совершить свой трудный хадж, чтобы понять Пророка. Нет, не был Пророк только важным, напыщенным патриархом, как и не был он только хитрым купцом. Человеком был Мухаммед, сын Абдаллаха из Гашима — рода важных патриархов и хитрых купцов.

Не одни прибыли или слава вели Пророка из Мекки в Медину. Разве не пылала в его глазах всепобеждающая вера в любовь и братство, которые нес он людям? И пошли бы разве за ним без этой страстной веры? Никогда еще голая арифметика не вдохновляла людей!

В Ночь Предопределений — двадцать седьмую ночь месяца Рамадана — передал Мухаммеду божественное учение архангел Джебраил...

Пророк не лгал... Творчество — всегда чудо. Когда к нему самому приходили истины переменных величин, сходились параллельные линии, рождалось слово, не принимал разве он это за откровение самого бога?!

Не злое и поддельное, обычные для его времени понятия добра и справедливости внушал Пророк. Любя и беспокоясь, заковывал он их в камень. Пророк хотел сделать людей счастливыми навеки!..

А Рей?.. В ней ведь отрицалось само понятие камня. Пророку казалось, что с камнем она погубит и человека. В своей наивности гения он закрыл лицо Рей...

Через сколько времени услышал Пророк, как, ругаясь в караван-сарае, купцы призывают бога в свидетели?! Закованный в камень бог сразу становился догмой. И, как всякой догмой, ею тут же начинали спекулировать...

Вот когда появилось страдание в глазах Пророка! Пытаясь спасти учение, возводил он все новые стены, сам угрожал вечными страданиями, требовал покорности. Старые, давно знакомые людям догмы использовались как пугала и приманки... Это лишь ускорило крушение. Уже не купцы клялись в караван-сараях. Брат доносил на брата, оправдываясь затертым знаком бога и именем еще живого Пророка его!

Мухаммед, сын Абдаллаха из рода Гашим, пытался расталкивать камни. Но было уже поздно: пальцы его дробились, ногти срывались. Умирая, Пророк кричал...

15

Паломники заволновались. Один за другим они поспешно стали уходить в пустыню. Ему кричали что-то, звали, но он не пошел... Из Мекки он нес большую тяжелую чалму. Кому нужна она?..

Задумавшись, сидел он под истертой верблюжьими боками пальмой. Неслышно текла вода из-под камня. В вязком горячем воздухе висела тяжелая тишина. Узкие твердые листья скручивались в ожидании бури...

Послышался неясный шум, раскатистое ржание. Что-то зазвенело. Он поднял голову... Одетые в железо люди были уже близко. Железо держали их руки. Железом были закрыты тяжелые лохматые лошади. Всё покрывали длинные белые плащи с красными крестами через всю спину...

Их было человек тридцать. Подъехав к воде, они начали помогать друг другу слезать с лошадей, расстегивать тяжелую одежду. Он с удивлением увидел белый сверток в руках одного...

Одетый в железо человек положил сверток на землю и направился к нему. Холодно смотрели синие немигающие глаза. Вились мягкие светлые волосы, окаймляя твердые скулы и широкий тупой подбородок. Постояв, варвар ударил его по лицу. Боли он не почувствовал, лишь вкус крови во рту.

Еще раз поднялся большой кулак. Одетый в железо человек смотрел ему в глаза...

Варвар не ударил его во второй раз... С ним уже бывало, когда готовый броситься бык мотал вдруг головой и отходил в сторону.

Он встал и пошел в пустыню... Кто знает, что заставило его остановиться. Видимо, белый сверток. Сев на камень, он стал издали смотреть на одетых в железо людей...

Они уже расседлали лошадей, напоили их. Воткнув в песок сбитый из дерева крест, варвары опустились на колени и хриплыми нестройными голосами запели что-то... Он слышал об этом прибитом к кресту боге. Бог плакал от боли, а люди увековечивали его слезы в мертвом дереве!.. Воздух густел. Листья все скручивались.

Пение неожиданно оборвалось. Одетые в железо люди

вскакивали с колен, что-то кричали, седлали лошадей. Выстроившись в плотный ряд, они опустили длинные железные копья...

Из-за холма выехали другие. Эти были смуглые, подвижные, на длинношеих лошадях. Они остановились напротив...

Один из одетых в железо людей, тот самый, оглянулся на свой сверток. Потом посмотрел по сторонам, нашел старика в чалме со странными глазами...

Духота стала невозможной. Высыхающий пот был липким и горячим. Листья скрутились в тонкие жесткие трубочки...

Дрогнула верхушка пальмы. Первый порыв бури сдвинул тяжелый воздух. В ту же минуту качнулись всадники. Исступленно выкрикивая своих богов, они слепо мчались навстречу друг другу...

Пальма вдруг прогнулась, закачалась во все стороны. Налетевшим вихрем подняло, бешено закрутило раскаленную пыль. В самой середине этого грязного воющего кольца завертелся дикий клубок остервенелой человеческой плоти...

Пальма вздрогнула в последний раз, отряхиваясь от пыли. Словно после боя разворачивались твердые зеленые листья. Вихрь понесся дальше, оставив присыпанную пылью груду бесформенных человеческих тел. С ветром умчались и уцелевшие лошади...

Он медленно подошел... В лицо пахнуло застарелой грязью, потом, конским навозом. Но все перекрывал острый запах крови. Она еще не успела остыть и расползалась во все стороны, пропитывая песок. Было совсем тихо. Он наклонился, развернул белую ткань.

«Рыцарь Фицджеральд молит бога об этом ребенке...» Он не понимал языка, но знал, что написано на плотном куске пергамента. Причем здесь были выдуманные боги — каменные, деревянные. Или книжные!.. Размочив в роднике лепешку, он кормил ребенка. Мальчик жадно сосал хлебную кашицу, и в синих глазах его было удовольствие...

С ребенком на руках шел через пустыню человек. Тускло блестели каменные уступы. Холодно молчали звезды. Сгорающие камни чертили пустое небо...

Его звали Гияс-ад-Дин Абу-л-фатх Омар Ибн Ибрахим. Он шел к своей юности — к черно-красному муравью на желтом стебле, к всепобеждающей мысли, к своей вечной Рей. Туда, где деревья цветут и осенью...

Хайям — Создающий шатры... Это арабское имя он сам придумал. Шатры нужны в дороге...

СОДЕРЖАНИЕ

Маздак. *Исторический роман* 5

Повести

Емшан 221

Искушение Фраги 253

Хадж Хайяма 282

Симашко
Морис Давидович

МАЗДАК

М., «Советский писатель», 1975, 312 стр. План выпуска 1975 г. № 105. Художник *Ю. К. Бурджелян*. Редактор *А. А. Ланда*. Худож. редактор *Д. С. Мухин*. Техн. редактор *М. А. Ульянова*. Корректоры *С. И. Малкина* и *И. Ф. Сологуб*. Сдано в набор 2/I 1975 г. Подписано в печать 30/IV 1975 г. А 02273. Бумага 84×108 1/32. № 1. Печ. л. 9 3/4 (16,38). Уч.-изд л. 15,9. Тираж 100 000 экз. Заказ № 94. Цена 65 коп.
Издательство «Советский писатель». Москва Г-69, ул. Воровского, 11.
Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3

65 к.

Морис Симашко
Маздак